

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

Учредитель – МВД России
Издатель – Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.

Редакционная коллегия:
АРТЮХОВ Е.А., архиепископ Ставропольский
и Владикавказский Феофан (АШУРКОВ И.А.),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., БОЛТИКОВ В.В.,
БЫСЕНКОВ И.С. (ответственный секретарь),
ВИННИК В.В., ГРЕКОВ В.И., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ Н.Н., КАЛИНИН В.В.,
КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного
редактора), КОРОБЦОВ Д.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
МАКОЕВ Т.К., МИХАЛЕВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н., ПОРТНОВ С.А.,
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ТОНКОНОГОВ В.П., ЧЕПЫШЕВ С.К.,
ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное оформление БОЛТИКОВ В.В.

Верстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник учебно-методических
материалов "Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать
принятые к публикации тексты. Редакция может публико-
вать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Руко-
писи не рецензируются и не возвращаются. За достовер-
ность фактов, имён собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за достоверность реклам-
ных объявлений – рекламодатели, за качество печати –
типография. Переписка с читателями ведётся только на
страницах журнала.

На 1-й странице обложки:

Фото
Дмитрия БЕЛЯКОВА
и Сергея КУЗНЕЦОВА

■ Индекс

для подписки через
агентство "Роспечать" —

70 610

Сдано в набор 21.08.2008. Подписано к печати 17.09.2008.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Заг. № 215.

Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России
111250, Москва, Красноказарменная, 9а

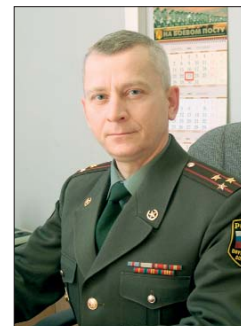
Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал «На боевом посту», 2008

Полковник
Юрий
КИСЛЫЙ

Главный редактор

Пепел Цхинвала стучит в сострадающем сердце. Однако взывает не к надежде на новый Нюрнберг. Вряд ли дожждётся суда над военными преступниками, залившими кровью людской многострадальную землю Южной Осетии. История учит: в таких делах справедливости добивается лишь тот, кто силу права подкрепляет правом силы. А сила, как ни крути, сегодня на стороне покровителей палачей в погонах грузинской армии с их сумасбродным главарём.

Ну да ничего, супостат и так получил сполна. Под натиском русских воинов "бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла". А ведь ещё есть и Высший суд. От него ох не отвертеться! Ни зверствовавшим в Цхинвале душегубам, ни жуошему галстук "главоверху", ни заокеанским спонсорам-подстрекателям, ни циничным политикам и лживым масс-медиа, выставляющим агрессоров невинными барашками, а спасителей – оккупантами.

Но пока чудовищное зло не наказано, к нашей дальновидности, к нашей общей исторической памяти, погранной саакашистами, взывает пепел Цхинвала.

По совести, в начале августа не на войну бы снаряжаться робким поткам витязя в тигровой шкуре, а закатить пир по случаю знаменательной даты – 225-летия Георгиевского трактата о добровольном переходе Грузии под покровительство России. Да вспомнить, что во все времена русские откликались на призывы соседей о помощи. Вот и грузины "за гранью дружеских штыков" нашли спасение от тотального истребления. Однако добрый урок не пошёл впрок нынешним, "демократическим", правителям республики. По отношению к малым народам они взяли за образец людоедскую политику бывших мучителей Грузии. Так двадцать лет назад начался первый акт югоосетинской трагедии. В непокорный Цхинвал ворвались полумилицейские-полуголовные формирования из Тбилиси. Учинив погром, наглухо заблокировали город.

На выручку осетинам тогда был послан батальон спецназа внутренних войск во главе с Сергеем Лысоком, будущим Героем России. В начале апреля 1991 года наши воины прорвали блокаду, разоружили несколько групп грузинских боевиков, изъяли десятки стволов, бронетехнику, взрывчатку, несколько тысяч патронов. Под охраной "витязей" в город прибыла колонна с продовольствием. Благодарные жители Цхинвала назвали её "золотой".

Вот по следам вояк, которых разогнал когда-то русский спецназ, и двинулись в атаку на мирно спящий город головорезы Саакашвили. Только на сей раз сил у агрессоров было куда больше, и цели давшие им карт-бланш натовские стратеги определили помасштабнее. Останься Россия безучастной, польхнул бы весь Северный Кавказ. Чего и добились работодатели грузинского президента.

Они не учли главного. Когда приходит момент истины и отступить дальше некуда, русские являют миру несокрушимую силу духа: "Не позволим!". И в этот раз не изменила себе Русь. Не случайно решение о силовом "принуждении к миру" вызвало мощное боевое воодушевление людей в погонах, патриотический порыв всего народа.

На этой волне мы добились победы. Но мало победить врага – нужно довести победу до конца, до полного исчезновения опасности. Тем паче сегодня, когда Россия перешла Рубикон и создалась совершенно новая геополитическая реальность. Нам не простят решительных действий, свидетельствующих о том, что у нас "есть ещё порох в пороховницах". Что даже сейчас, находясь в тяжёлом экономическом положении, Россия сохраняет способность вести себя как великая держава. За эту дерзость нас в покое не оставят.

Так будем же дальновидными в прогнозах. Благо исторического опыта на такие случаи не занимать. Вспомним слова одного великого грузина, смысл которых сегодня, как никогда, актуален: либо ускоренное развитие, повышение оборонного потенциала, либо нас сомнут. Будем бдительными – каждый на своём посту.

СПЕЦНАЗОВЦАМ “БУЛАТА” — ДОСТОЙНЫЕ ПОДАРКИ

30 августа в Уфе главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал армии Николай Рогожкин, президент Республики Башкортостан Муртаза Рахимов, министр внутренних дел Республики Башкортостан генерал-лейтенант милиции Рафаил Диваев, командующий войсками Приволжского регионального командования внутренних войск МВД России генерал-лейтенант Яков Недобитко приняли участие в заключительном этапе благотворительной акции “Войсковое товарищество”. Мероприятие прошло в уфимском спортивно-демонстрационном комплексе “Динамо”.

Генерал армии Николай Рогожкин вручил ключи от легковых автомобилей ВАЗ-2115 военнослужащим отряда специального назначения “Булат”, отличившимся в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе, майорам Николаю Хвостанцеву и Айрату Асмандиярову. Такой же подарок предназначен и для старшего сержанта Александра Куманьева, который пока находится на лечении в госпитале. Средства для приобретения автомобилей предоставила страховая компания “Макс”, которую возглавляет генеральный директор Надежда Мартынова.

Бойцы отряда “Булат” успешно выполнили на территории Северо-Кавказского региона немало боевых задач по изъятию оружия и боеприпасов у террористов и их пособников. Спецназовцы активно участвуют в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности во время проведения массовых мероприятий в столице Башкортостана.

С 2004 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач, 12 военнослужащих отряда награждены орденом Мужества, ещё 24 бойца удостоены медали ордена “За заслуги перед Отечеством”, медалей “За отвагу”, Суворова, Жукова.

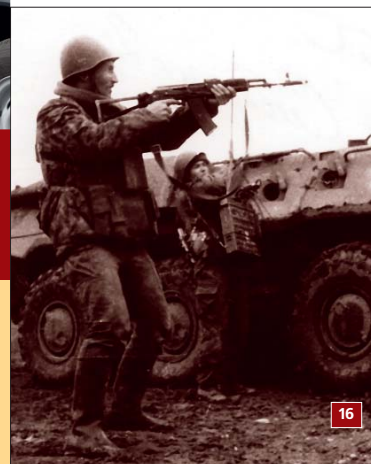
И вот теперь — легковые автомобили. Приятный подарок, достойный.

★
Майор Виталий ЧЕРКАСОВ
Фото автора

РУКОВОДИТЕЛИ ВОЙСК
**4 НЕПОБЕЖДЁННЫЙ
ГЕНЕРАЛ РОМАНОВ**

СЛУЖБА
16 БРИГАДЫ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ
**28 СПАСИБО ТЕБЕ, РУССКИЙ
СОЛДАТ!**

ВОЕННАЯ ШКОЛА
**36 АЛЬМА-МАТЕР ОФИЦЕРОВ-
ВОСПИТАТЕЛЕЙ**

ВОСПИТАНИЕ И ВОСПИТАТЕЛИ
**38 СТУПЕНИ РОСТА БРАТЬЕВ
ТИМОФЕЕВЫХ**

СОДЕРЖАНИЕ

**ИНТЕРВЬЮ
НОМЕРА**

Заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России — начальник управления по работе с личным составом генерал-лейтенант Сергей ТОПЧИЙ:

**“ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ”.
У НАШИХ ОФИЦЕРОВ — ВДВОЙНЕ...**

12

ТРАДИЦИИ
**42 СВЯТОЕ БРАТСТВО
101-Й БРИГАДЫ**

**61 Я ВСЮ ПРОШЁЛ ВОЕННУЮ
ДОРОГУ...**

ИСТОРИЯ
**46 ПЕРВЫЙ ПОЛИТРАБОТНИК
ВОЙСК ВЧК**

КНИЖНАЯ ПОЛКА
63 “НЕ СОВСЕМ ТАК...”

28

**64 ДОСТОЙНЫ УВАЖЕНИЯ
ПОТОМКОВ**

42

ЛИТЕРАТУРА
50 ПРОЩАНИЕ С КАРАБАХОМ

57 ПУЛЯ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

27 сентября 2008 года исполняется 60 лет Анатолию Александровичу Романову. Генерал Романов жив. Его имя олицетворяет собой беспредельное мужество, на какое только может быть способен человек. Судьба Героя России генерал-полковника Анатолия Романова — это удивительная судьба, безжалостно рассечённая драмой на две разноречивые части. В одной из них — он ещё полон яркой, сильной, отважной жизни, которая, как кажется всем, только входит в пору настоящего расцвета. Сорок семь лет от роду. Крестьянский сын, ставший командующим внутренними войсками МВД России. Муж и отец, нашедший в своей дружной семье простое человеческое счастье. В другой части жизни, длящейся вот уже тринадцать долгих лет — это тяжело израненный человек с ещё теплящейся в нём, как пламя свечи, жизнью. Палата Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко и белые халаты врачей. Непобеждённый генерал, чьё сознание ещё не вернулось с войны, в которой раз за разом — все эти тринадцать лет подряд — огненный шар страшного взрыва неумолимо накачивается и накачивается на него. Хлещет наотмашь свирепой ударной волной, как и хлестал в тот день, 6 октября 1995 года, когда его “уазик” и несколько бэтзэров прикрытия, не снижая скорости, влетели в тоннель под мостом возле площади Минутка...

НЕПОБЕЖДЁННЫЙ ГЕНЕРАЛ РОМАНОВ

Он очень расчётливо сумел распорядиться собственной судьбой, подчинив каждое её мгновение служению своей Родине и народу. Он не искал должностей и званий — они сами находили его. Все, кто служил и дружил с Романовым, в первую очередь отмечают его удивительное трудолюбие, любовь к знаниям и чувство ответственности за каждый совершенный поступок. Они и лежат в основе его офицерского успеха.

Беглое чтение его послужного списка оставляет ощущение постоянной внутренней собранности этого человека, размеренного и неотвратимого движения к избранной цели, которую он с юности видел в овеществлённом признаке профессионального мастерства военного человека — в пятиконечной, золотого шития генеральской звезде.

Она легла ему на погоны в сорок один год от роду.

Но хорошо узнаваемым его лицо станет позднее — в пору, когда востребованы оказались те его уникальные человеческие качества переговорщика и миротворца, которые летом 1995 года могли оказать существенное воздействие на конвертирование военных побед российских войск в Чечне в ещё зыбкий, но уже многими предрекаемый мир на всей территории мятежной республики.

Летом 1995 года Анатолий Александрович Романов был утверждён в должности командующего внутренними войсками МВД России и назначен командующим Объединённой группировкой федеральных войск на территории Чеченской республики. Участник переговорного процесса с лидерами незаконных вооружённых формирований, Романов отвечал за разработку и реализацию так называемого “военного блока” вопросов. И это означало, что в сферу его забот входили самые острые проблемы, порождённые вооружённым противостоянием: соблюдение режима прекращения огня, разоружение боевиков и приём оружия от населения, ликвидация автономных и никому не подчинявшихся бандгрупп, установление местных органов власти в множестве населённых пунктов. Всё это в тревожной обстановке тех дней не могло обойтись без надёжных гарантий командующего Объединённой группировкой.

Знаменитая фотография, запечатлевшая генерала Романова с одним из лидеров сепаратистов, бывшим сове-

тским полковником Асланом Масхадовым, для всех символизировала немолотое приближение к миру на условиях твёрдой, но при этом совершенно незапамятной России.

Этот мир покатила под гору в тот день, 6 октября 1995 года, когда выехавший в Грозный на встречу с Русланом Хасбулатовым генерал Романов был тяжело ранен. Фугасный заряд, эквивалентный 30 килограммам тротила, был подорван около 13 часов, когда часть колонны внутренних войск, включая “уазик” Романова, уже втянулась в тоннель возле площади Минутка. Это был мощный взрыв, рассчитанный на поражение нескольких десятков людей. То, что это случилось в замкнутом пространстве, только усугубило последствия: взрывная волна, многократно отражённая от бетонных стен, буквально разнесла “уазик” в клочья. “В принципе он был убит”, — скажет впоследствии о Романове начальник госпиталя имени Бурденко генерал-майор медицинской службы Вячеслав Ключев. Множество человек было ранено. Среди разбросанных взрывом человеческих тел Романова удалось найти не сразу. Его опознали только по ремню с генеральской пряжкой. Все его спутники, находившиеся в машине — помощник полковник Александр Заславский, водитель рядовой Виталий Матвийченко и охранник — боец отряда специального назначения “Русь” внутренних войск рядовой Денис Ябриков — погибли.

* * *

Анатолий Александрович Романов родился 27 сентября 1948 года в деревне Михайловка Белебеевского района Башкирской АССР в большой крестьянской семье. Его отец — Александр Матвеевич Романов — уважительно именуемый односельчанами “дядей Саней”, бывший пехотный сержант и орденоседец, был тяжело ранен на Курской дуге и вернулся с войны без правой ноги, на деревянном протезе.

И сегодня все односельчане с уважением вспоминают трудовую семью Романовых, не чужавшуюся никакой работы.

Анатолий Романов хорошо успевал в школе. Славился добрым, открытым характером, умом, трудолюбием и любовью к спорту. Окончив восьмилетку в селе, ещё два года учился в средней школе № 1 в районном центре — в городе Белебей. Там же до при-

зыва в армию работал фрезеровщиком на заводе.

Односельчане, школьные учителя и заводские мастера уже тогда подмечали у Романова лидерские задатки. Однако даже в самых смелых их предположениях по поводу будущей карьеры Толика Романова он выделялся им, скорее, председателем крупного колхоза, чем известным всей России военачальником. Но такова судьба, осенью 1967 года направившая будущего генерала рядовым стрелком в одну из подмосковных частей 95-й дивизии внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов.

Романов оказался образцовым солдатом, пройдя за два года срочной службы все служебные ступеньки младшего командира. Примечательно, что в 1969 году старший сержант Романов был уволен в запас с должности исполняющего обязанности командира взвода. Это значит, что в своём полку двадцатилетний Анатолий Романов пользовался у командования большим доверием.

Всё остальное в жизни А. Романова — это твёрдо избранная офицерская судьба. С 1969 года по 1972 год он учится в Саратовском военном училище МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского. После окончания училища он в числе лучших выпускников-лейтенантов оставлен в училище курсовым офицером, чей взвод уже вскоре будет считаться самым лучшим, опередив по успеваемости и состоянию дисциплины все остальные курсантские подразделения. Слава умного, честного и справедливого офицера-педагога будет сопровождать Романова и все последующие 12 лет, когда шаг за шагом в стенах родного учебного заведения он пройдёт путь от курсового офицера до преподавателя кафедры огневой подготовки, а потом и дальше — до командира батальона курсантов.

В 1984 году майор Анатолий Романов напишет рапорт с просьбой о своём переводе из военного учебного заведения в войска — в дислоцированный на Урале полк внутренних войск, охранявший одно из важнейших оборонных предприятий страны.

Ещё через год он возглавит этот полк, за умелое командование которым в мирное время будет награждён боевым орденом Красной Звезды.

Стремительный служебный рост Романова (за восемь лет он прошёл путь от начальника штаба 95-й диви-

демии Генштаба мне импонировала его манера аккуратного и чёткого исполнителя приказов. Как ни пытай его, он помнил каждую деталь любой операции, был чрезвычайно работоспособен и никогда не уходил с рабочего места, пока не убеждался, что всё отлажено до мелочей..."

Безусловно, в каждую минуту переговоров с чеченскими боевиками и в каждое мгновение своего пребывания на территории Чеченской республики генерал-лейтенант Анатолий Романов был и оставался верным проводником интересов и воли Российского государства.

Важными были проведённые им боевые операции. Важным – укрепление органов управления в населённых пунктах и рутинная, изматывающая работа по сбору оружия и боеприпасов у населения республики, разминированию территории.

Однако за рамками срочных информационных сообщений, перечислявших количество изъятых автоматов и гранатомётов, оставалось то главное, что составляло истинную программу готовившихся в Чечне перемен.

Накануне покушения Романов сам изложил её наиболее важные позиции в интервью обозревателю "Общей газеты" Александру Трушину: "...Главное для меня – удержать ситуа-

цию в руках, не допустить развязывания боевых действий... Пока ещё военно-техническая сторона доминирует. Мы же, военные, считаем, что это неверно, решающее слово должно быть за политиками. Затем – экономика. Восстанавливать республику надо, думая прежде всего о бедах конкретного человека, об обеспечении его жильём. Одновременно следует заниматься жизнеобеспечивающей инфраструктурой: освещением, коммуникациями, дорогами, мостами, транспортом...

И, конечно, созданием таких органов управления Чеченской республики, которые будут готовы к реальному самоуправлению. А наша роль – оказание помощи, консультации, обучение. Моя цель – подвести общество к выборам без насилия. Чтобы никто и ничто не давил на избирателя. Чтобы около избирательного участка не было ни российского танка, ни автомата, ни боевика..."

Во многом это то, что происходит в сегодняшней Чечне: воплощённая в жизнь "программа Романова" тринадцатилетней давности, которую непримиримые боевики попытались уничтожить вместе с самим генералом. В итоге это покушение обернулось для Чеченской республики, её народа и её экономики одними только украденными годами и многочисленными людскими потерями.

Как прозорливо заметил однажды товарищ Романова полковник

Александр Кислицын: "Был бы здоров Анатолий, многое пошло бы по-другому..."

Сегодня достоверно известно, куда и зачем срочно выехал генерал-лейтенант Анатолий Романов: в Грозном, в кабинете заместителя руководителя территориального управления федеральных органов исполнительной власти в ЧР Владимира Зорина была назначена его встреча с Русланом Хасбулатовым, сохранявшим определённое политическое влияние в родной ему Чечне и после известных событий в октябре 1993 года в Москве.

Хасбулатов прилетел из Москвы с новыми политическими инициативами по урегулированию чеченского кризиса.

Романов, пытавшийся консолидировать чеченскую политическую, религиозную и общественную элиту на основе любых разумных и содержательных идей, не отказывался ни от каких контактов и дискуссий.

Он знал, что формула мира должна была открыться именно здесь, в самой республике. В её людском многоголосье, которое рано или поздно должно было превратиться в свободное волеизъявление и общий созидательный труд, пронизанный духом возрождения.

Все кабинетные схемы останутся мертвыми, пока самим народом не будут осознаны выгоды мирной жизни и мирного сосуществования со своими соседями. Романов искал и находил в чеченском обществе крепкие ростки здравого смысла и опирался на авторитетных людей, чьё слово имело вес в городах и селах, на базарах и в мечетях.

Идеи Хасбулатова, привезённые из Москвы, были не бесспорными, но интересными.

Он уже ждал генерала в кабинете Владимира Зорина. Поэтому опаздывавший на встречу Романов, видимо, очень торопился и сам назначил самый короткий маршрут движения...

По оценкам специалистов, в тоннеле был заложен большой объём взрывчатки, приведённой в действие с помощью детонатора. Возможно, что взрывное устройство было заложено под бордюрным камнем или замаскировано под него. Эти сведения по-прежнему нельзя назвать достоверными, так как документы взрывотехнической экспертизы либо отсут-

ствуют, либо ещё не обнародованы в интересах следствия.

Известно лишь то, что подрыв был осуществлён дистанционно – по проводам. Совершивший его диверсант находился в двухстах пятидесяти метрах от вздука. В суматохе, последовавшей после теракта, он сумел бесследно раствориться в руинах разбитого города.

Вот что рассказывал впоследствии Роман Попов, служивший в то время в отряде специального назначения "Русь": "Мне пришлось присутствовать при разговоре генерала с офицерами – обсуждали маршрут движения. Выбрали как раз тот, где и случилась трагедия..."

Ехали так: впереди БТР, затем два "уазика", потом ещё два БТРа.

Я – старшим на том, который следовал сразу за машиной командующего. До Грозного было спокойно – нас не обстреливали. Уже в черте города на секунду остановились – уточняли маршрут. Решили: через тоннель.

Всё произошло как в фильме. Только первый БТР и УАЗы выехали в тоннель – взрыв... Я сидел на броне сверху, ноги – в люке. Рядом со мной – парень из моего отделения. Его прямо смело на землю. Вспышка. Звон в ушах.

Меня из БТРа не выбросило – ноги всё-таки были в люке. Закрылся руками, нагнулся. После взрыва поднимаюсь – ничего не вижу. Думаю: ослеп. Потом протёр глаза, головой покрутил – вижу! Мелкие бетонные осколки посекли лицо.

Когда дым рассеялся, смотрю: в тоннеле оба УАЗа – всякту. Подбежали к ним. Рядом с водителем генеральской машины сидел мой друг Де-

нис Ябриков. "Уазик" разворотило полностью, однако Денис и генерал Романов были живы..."

После этого покушения переговорный процесс в Чечне, важным участником которого был Анатолий Романов, безусловно, был обрущен если не по форме, то по существу. Сегодня мало кому известно, что члены делегации, действовавшей от имени федеральной власти, все без исключения в те дни буквально ходили "под прицелом". Накануне окончилось неудачей покушение на вице-премьера российского правительства Олега Лобова в районе аэропорта "Северный". Обстреливали из автоматов, в том числе и со злополучного моста над тоннелем машины Валентина Зорина и Вячеслава Михайлова, а в списках наиболее важных целей у чеченских боевиков значились министр внутренних дел генерал Анатолий Куликов, многие другие высшие офицеры Министерства обороны, внутренних войск МВД и Федеральной службы безопасности.

В какой-то мере подобное хождение по краю для этих людей считалось нормой. Тем более, что в ожидании внезапного нападения находились тысячи военнослужащих, несших службу в Чеченской республике, и только безумец мог рассчитывать на какие-либо гарантии безопасности, которые могли исходить от той части переговорщиков, что представляли сепаратистов.

И все-таки покушение на Романова было воспринято как особое коварство, как ошеломительный удар, ра-

зом превративший в прах те пусть ещё хрупкие, только наметившиеся интонации взаимопонимания, которые не могли не родиться у представителей договаривающихся сторон уже в силу личного знакомства и многочасовых бесед, продолжающихся изо дня в день.

Из круга переговорщиков было выбито очень важное звено: Романов отвечал за блок военных вопросов, а его манера дипломатичного, умного человека, способного аккуратно притушить самые жаростные споры и "продать" самые сложные вопросы

террористического акта я звонил в Грозный, разговаривал с Анатолием Александровичем. Он собирался на встречу с Хасбулатовым. Только за полчаса определился маршрут движения... И вдруг такая трагедия. Исполнители и те, кто замыслил покушение, должны быть уничтожены. Эти нелюди не имеют права ходить по земле.

Изменится ли позиция российской делегации на переговорах после теракта? По поручению Президента России уже сделано заявление, что не изменится. Но я думаю, что может из-

риалы этого уголовного дела сторели вместе с другими бумагами в результате прямого попадания снаряда в здание управления Федеральной службы безопасности по Чеченской республике. Напомним, что в этот день шёл штурм Грозного боевиками, а здание УФСБ, вкрутую защищавшееся чекистами от превосходящих сил противника, подверглось сильно-му обстрелу.

В декабре того же года следствие по делу было приостановлено "в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого".

Понятно, что после подписания Хасавюртовских соглашений 1996 года и воцарившейся после них бандитской вакханалии на территории Чечни трудно было даже говорить о продолжении каких-либо следственных мероприятий там, где само имя Романова было растерзано антироссийской пропагандой властей Ичкерии.

Впрочем, утвердившись во власти, лидеры Ичкерии уже и не скрывали главного – авторства террористического замысла. В интервью "Независимой газете" 13 января 1999 года один из активных деятелей сепаратистского движения, бывший президент ЧРИ Зелимхан Яндарбиев (ООН был внесён в список террористов. Погиб в 2004 году в Катаре. – **Ред.**) на прямой вопрос корреспондента, было ли покушение на генерала Романова спланированной акцией, ответил совершенно откровенно: "Да, это была спланированная операция... Он (генерал Романов. – **Ред.**) рассчитывал, что его должны пожалеть? О каких переговорах можно вести речь, когда российские войска находились на территории чеченского государства..." По словам Яндарбиева, "любых политиков России... надо было пускать в то время в воздух".

Откровения Яндарбиева, впрочем, не проясняли механизма принятия лидерами боевиков своего решения о проведении террористического акта, а также конкретных имён организаторов и исполнителей покушения.

Лишь после начала контртеррористической операции на территории Чечни, начатой в 1999 году и приоткрывшей некоторые тайны руководства сепаратистов, появились свидетельства, что организация этого покушения, возможно, была поручена одному из пяти командиров групп отряда "Герак" Аюбу Вахаеву (объявлен в розыск в 2001 г. – **Ред.**) самим Асла-

ном Масхадовым (погиб в 2005 г. в Чечне. – **Ред.**).

Можно с большой долей уверенности утверждать, что те, чьи имена так или иначе упоминались в перечне возможных исполнителей этого теракта, скорее всего, оказались сметены самым ходом последовавшей в 1999 году антитеррористической операции.

Это не отменяет обязанностей следствия по установлению всех без исключения лиц, причастных к покушению на генерала Анатолия Романова, к убийству полковника Александра Заславского, рядового Виталия Матвийченко, рядового Дениса Ябрюкова, а также к ранению ещё полутора десятков военнослужащих. Однако самым справедливым ВОЗМЕЗДИЕМ России этим преступникам является сам факт, что оплаченный кровью солдатский и миротворческий подвиг не оказался напрасным. Явственные перемены в Чеченской республике и воспринятые всеми её жителями идеи социального и экономического возрождения – это ростки тех зёрен доверия и добра, которые были посеяны Анатолием Романовым.

Посеяны на пути к миру.

На том бесстрашном пути, где он был так тяжело, так беспощадно ранен.

Незадолго до этого события генерал-лейтенант Анатолий Романов был награждён орденом "За военные заслуги". Эта награда, учреждённая в марте 1994 года, символизирует признательность России своим военнослужащим за добросовестный ратный труд, за подвиги и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга.

Романов был одним из тех, кто безоговорочно заслуживал этого ордена как эффективный и смелый военачальник.

Это событие, радостное уже само по себе, знаменовалось ещё одним удивительным обстоятельством: на обороте вручённого Романову ордена и в удостоверение к государственной награде стоял порядковый номер награды – № 1.

Сегодня трудно судить, произошло ли это по простому стечению обстоятельств либо намеренно, но обладание орденом № 1 по-любому отно-

слю генерал-лейтенанта Романова к разряду бессмертных исторических персонажей – в списке самых первых кавалеров той или иной награды, который короток даже в самой большой стране.

Но можно было увидеть в этом ещё один символ – символ по-своему исключительной, неоспоримо первой по значению роли Романова в качестве миротворца. Да, рядом с ним и вместе с ним трудились блестящие специалисты – переговорщики с более обширным, чем у него, опытом работы в многочисленных конфликтах – Аркадий Вольский, Вячеслав Михайлов, Анатолий Куликов и некоторые другие. Однако в памяти людей остался всё же только он – Анатолий Романов – высокий, подтянутый, с искренним и умным лицом генерал в пятнистой камуфлированной куртке с закатанными рукавами.

Что-то иное, помимо чино и регалий, виделось в нём людям. И тем, кто встречался и работал с ним в Чечне. И тем, кто видел Романова только по телевизору в новостных сводках.

Иначе и не объяснить огромную людскую симпатию к генералу, которая не умерла, не растворилась в со-

в пользу федеральных сил, делали его участие в миротворческом процессе по-своему уникальным.

Нравился генерал Романов людям. Нравился с первого взгляда, и было в нём нечто ещё, что заставляло примириться с его спокойными аргументами любого, даже самого оголтелого боевика. И в этом смысле для идеологов мятежа и чеченского сепаратизма, для тех, кто скрывался за их спинами в те дни, Романов был смертельно опасной фигурой.

Очень эмоционально и по-человечески честно высказался по поводу покушения на Романова заместитель главы российской делегации на переговорах в Грозном Аркадий Вольский:

"Сволочи, кто это сделал. Теракт выгоден ястребам как с одной, так и с другой стороны. Тем, кто не хочет мира на российской земле, стабильности в государстве... Незадолго до

мениться, ведь у каждого из нас сейчас есть камень за пазухой. Каждому хочется не то что отомстить, а предупредить: не надо такого делать. Сегодня у меня самого чешутся руки..."

И сегодня актуальным остаётся вопрос об ответственности виновных за совершение этого преступления.

Известно, что по факту террористического акта, совершённого 6 октября 1995 года в Грозном в отношении командующего Объединённой группировкой федеральных войск в Чеченской республике генерал-лейтенанта А.А. Романова, в тот же день было возбуждено уголовное дело № 24.

Его судьба драматична, как и вся эта история: 9 августа 1996 года мате-

толты столь необходимое для раненых в Чечне медицинское оборудование, медикаменты и материалы. В конце концов, это Романов срочно собирал по округам тех врачей, которыми были укреплены воюющие батальоны. Это Романов принимал решение о создании знаменитого МОС-На – медицинского отряда специального назначения внутренних войск, на счету которого сегодня числятся тысячи спасённых человеческих жизней.

Для Сабанина все те дни, начиная с 6 октября – словно полная горсть тревоги – пустая порода с маленьким самородком надежды: “Я встречал “Скальпель” в Чкаловском. Организовали транспорт. Я вошёл в самолёт и не сразу узнал Анатолия Александровича... Начали потихоньку выгружать. Кроме Романова там было ещё шестеро раненых. Поехали в реанимацию. Когда сделали компьютерную томографию, увидели, что головной мозг командующего буквально наштампован гематомами. Стало ясно, что ситуация сложнее, чем думалось раньше.

Вывали лучших врачей и впервые с облегчением вздохнули, когда прошли первые десять, самых критичных дней. Если человек их переживёт, значит, надежд становится больше. Ещё через два-три дня состо-

яние вроде бы стабилизировалось. Срочно нужен был аппарат для искусственной вентиляции лёгких. Из Англии получили – пассажирским самолётом. А 10 ноября, в День милиции, мы с Анатолием Сергеевичем Куликовым, министром внутренних дел России, зашли к Романову, которого только что привезли в палату из барокамеры. Увидев нас в полной парадной форме, он вдруг, к нашему удивлению, неожиданно сделал попытку встать с кровати. Трижды – раз за разом, но – безуспешно. Казалось: проливается! Вот-вот заговорит!..

Видимо, сработал какой-то импульс.

Не скрою, у нас с Куликовым слёзы... Плакали мы с ним оба, только молча...

К Новому году процесс начал угасать – гематомы стали превращаться в рубцы...”

В 1995 году заместитель министра внутренних дел Российской Федерации, командующий внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Анатолий Александрович Романов был удостоен звания Героя Российской Федерации. В том же году ему было присвоено и очередное воинское звание “генерал-полковник”.

Тот октябрьский день очень жёстко и навсегда разделил жизнь дружной семьи Романовых на две половинки – “до войны” и “после войны”.

“До войны” – всё то, что составляло их общие надежды, сокровенные семейные разговоры, тревоги друг за друга, семейные праздники и торжества, дружеский круг и даже ту их традицию, которая обязывала первого пришедшего с работы идти на кухню, чтобы приготовить ужин для остальных.

“После войны” – это значит за чертой ранения. За той чертой, где все мысли, все силы, все надежды, а по существу, и вся жизнь его жены, Ларисы Романовой, теперь крутятся вокруг госпитальной кровати, где тринадцать лет подряд сражается в своём бессловесном сумеречном плену очень дорогой и очень нужный ей человек – раненый на войне муж Анатолия Романов.

Поэтому большое и радостное известие о присвоении ему звания Героя Российской Федерации поначалу было воспринято с усталостью и с чувством безысходной тоски. Было жалко до слёз, что сам “её Толя” ещё

не в состоянии осознать, что все его усилия и труды, понесённые на войне, по достоинству оценены государством, чьи интересы он самоотверженно и честно защищал.

Называют Героем в России разборчиво. Но если называют – то навсегда!

Вслед за новостью, которую привёз Ларисе Романовой в госпиталь адъютант генерала, по радио и телевидению был обнародован соответствующий указ президента России Б.Н. Ельцина. Сопровождавшие текст видеоклипы были нарезаны из недавней хроники. На них ещё улыбающийся и сильный Романов уверенно двигался куда-то, на ходу объясняя что-то журналистам и сопровождавшим его офицерам.

Этот его образ был отличен от неподвижного Романова, лежащего в реанимации, и от этого становилось только горше.

Те врачи, кто хорошо понимали, какие ранения получил генерал, начали осторожно готовить Ларису Романову к неизбежному. К тому, что её муж, даже если ему приведётся осознать себя, уже никогда не будет напоминать прежнего Толю. Нужно примириться с тем, что уход за генералом всегда будет связан с инвалидным креслом и с большими расходами на лекарства. Что он никогда уже не будет командующим, а его военная служба, скорее всего, безвозвратно завершена.

Реалисты, они считали, что правда, какой бы тяжёлой она ни казалась, всё равно лучше лжи и напрасных ожиданий.

В какой-то момент и её захлестнула обида. Поэтому на предложение получить за мужа его Звезду Героя России она тогда ответила жёстко и бескомпромиссно: “Я не вдова. Герой жив. Ему и вручайте!”

Награждение состоялось лишь шесть лет спустя, 30 июля 2002 года, в палате госпиталя имени Бурденко, когда главнокомандующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник Вячеслав Тихомиров прикрикнул высочайшую награду Родины к скупо офицерской рубашки, в которую по случаю торжества был одет генерал-полковник Романов. Он был спокоен и возвышен в тот миг, и становилось понятно, что всё было сделано как подобает...

Андрей ЭДОКОВ,
специальный корреспондент
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Борьба за жизнь генерала Романова уже сама стала историей, достойной подробного рассказа, тоже наполненного смелостью и красотой человеческих поступков.

Мужеством, терпением и профессиональным мастерством тех людей, которые окружили раненого Романова в первые же мгновения после взрыва, кто врачует его все эти долгие годы, и кто в милосердном уходе круглосуточно поддерживает его жизнь. Кто не опустил рук и не утратил веру в исцеление.

Каждую секунду рядом с генералом Романовым оставались его войска.

Главным командным пунктом по спасению генерала Романова был и остаётся рабочий кабинет начальника военно-медицинского управления Главного командования внутренних войск МВД России, заслуженного врача России, кандидата медицинских наук генерал-майора медицинской службы Юрия Сабанина.

Для него Романов не просто бывший командующий, не просто генерал. Для него Анатолий Романов – очень близкий друг, с которым во время ввода российских войск в Чечню пришлось работать рука об руку. Это Романов, когда пошли первые раненые, помогал развёртыванию в Моздокском госпитале, а Уполномоченный им полковник Сабанин чуть ли не с пистолетом в руке подчистую выносил со складов Северо-Кавказского округа ВВ и грузил в вер-

бытиях и суете прошедшего после покушения времени.

Он и сегодня памятен всей стране, которая на любое упоминание о генерале немедленно отзывается живым интересом: “КАК ТАМ РОМАНОВ?”

С часу дня 6 октября 1995 года, когда прогремел взрыв, борьба за жизнь генерала Романова не прекращалась ни на секунду.

Генерал Романов жив. Но ещё не случилось главное – он продолжает находиться в пограничном состоя-

нии между жизнью и смертью, между светом и тьмой, вызывая искреннее сочувствие нации, пытающейся хоть как-то помочь этому мужественному человеку. Несмотря на тяжесть ранения, эта тринадцатилетняя борьба за жизнь генерала не превратилась для семьи, для его войск и его близких товарищей в исполнение тягостного долга. Она не считается безнадёжной для тех, кто лечит Романова или, забывая укрывая пледом, вывозит его погулять. Она не стала прошедшей жизнью, ибо каждый день, каждая его минута до края наполнена именно спасением.

Сергей Степанович Топчий родился 7 февраля 1954 года в городе Тамбове. В 1977 году окончил Высшее политическое училище МВД СССР им. 60-летия ВЛКСМ, в 1986-м – Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Службу проходил в должностях заместителя командира роты, батальона по политчасти, начальника политотдела полка, заместителя командира дивизии по работе с личным составом. С 1995 по 1999 год – в Главном командовании внутренних войск: начальник отдела управления по работе с личным составом, затем – помощник заместителя министра внутренних дел – главнокомандующего внутренними войсками. В 1999 году назначен заместителем командующего войсками Московского округа ВВ МВД России по работе с личным составом. С 22 мая 2003 года – заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России.

Заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России – начальник управления по работе с личным составом генерал-лейтенант Сергей ТОПЧИЙ:

“ДУША ОБЯЗАНА ТРУДИТЬСЯ”. У НАШИХ ОФИЦЕРОВ – ВДВОЙНЕ...”

– Товарищ генерал-лейтенант, мы с вами сегодня беседуем по случаю 90-летия со дня создания во внутренних войсках МВД России органов по работе с личным составом. Многим нашим читателям, наверное, небезынтересно будет узнать, что, собственно, является точкой отсчёта в долгой и непростой жизни структур, которые не единожды переименовывались, реформировывались, перенацеливались. Но тем не менее и донные остаются первыми помощниками командиров...

– Да, преобразований и переименований за столь долгий период было изрядно! Но начнём по порядку. Говорить будем тезисно, кратко, но постараемся ни о чём важном не забыть.

9 сентября 1918 года приказом по корпусу войск ВЧК был образован культурно-просветительский отдел, 23 сентября утверждён его штат. В январе 1919 года новое подразделение преобразовали в политический отдел. 20 декабря 1918 года приказом была объявлена “Инструкция по организации культурно-просветительской и политической работы в войсках корпуса ВЧК”.

Страна жила и развивалась – соответственно изменялись задачи внутренних войск, их состав, структура. Но ни на один день части и подразделения не оставались без своих комиссаров, политруков, замполитов. Все они, оргпартийники, пропагандисты и агитаторы, воспитатели и культурпросветработники, вполне подпадают под нынешнее объединя-

ющее определение: “офицеры органов по работе с личным составом”, чья задача – морально-психологическое обеспечение служебно-боевой деятельности внутренних войск. Могу сказать проще: наша задача – воспитание преданных Родине бойцов.

– В славной истории внутренних войск таких тысячи и тысячи, если не сказать – большинство...

– Вот это и доказывает жизненную необходимость присутствия в войсках целой структуры воспитателей, человекознатцев и человеколюбов, “инженеров человеческих душ”, которые составляют многоотысячный корпус ближайших помощников командиров-единоначальников. Среди них немало истинных героев, впи-

савших свои подвиги в героическую летопись внутренних войск, которая насчитывает почти два века.

В годы Великой Отечественной войны 28 офицеров-политработников стали Героями Советского Союза. С курсантских лет помню рассказы об их подвигах – мы читали о них в книгах, нам рассказывали о них на занятиях в Ленинградском высшем политическом училище МВД СССР. Старший политрук Николай Руденко, инструктор-пропагандист 14-го полка 21-й дивизии войск НКВД, находясь в боевых порядках роты (это было в августе 1941 года на Карельском перешейке), в момент вражеского наступления заменил погибшего командира, и полк отразил несколько атак. Руденко пришлось действовать ещё и пулемётчиком, причём огонь он вёл мастерски, уничтожил немало фашистов.

А старший лейтенант Михаил Читалин, политрук 174-го полка войск НКВД, при форсировании Днепра заменил погибшего командира батальона, отразил со своими бойцами восемь контратак противника и удержал завоёванный плацдарм до подхода подкрепления.

Характерный факт, подтверждающий высокие боевые качества политсостава войск НКВД: около 42 процентов войсковых политработников были направлены за время войны в состав Красной Армии.

– Следующий период советской истории обычно именуют годами послевоенного восстановления страны, годами мирного строительства, созидательного труда. Но нам-то известно, что для внутренних войск боевая служба не прекращалась ни на день, более того – появились новые задачи.

– Для наших войск понятие “мирные будни” – весьма относительное. Бандподполье в западных областях Украины, в Прибалтике современ-

ный язык назвали бы незаконными вооружёнными формированиями национал-сепаратистов, террористов. Внутренние войска сражались с “лесными братьями” и украинскими националистами до начала 50-х годов. В то же время возрастал объём задач по охране и конвоированию военнопленных. Строились и начинали функционировать важные государственные объекты, взятые под войсковую охрану. Войска стали участвовать в охране общественного порядка в десятках крупных городов.

Очевидно, что для каждого вида боевой службы солдат, младших командиров, офицеров надо было готовить как-то по-особому. Стало быть, следовало делать и соответствующие поправки, расставляя особые акценты в воспитательной, партийно-политической, культурно-просветительной работе.

“Боевая служба – наша главная задача!” – это ведь чисто наш, войсковой лозунг. Именно эту мысль внушал нам начальник внутренних войск генерал армии Иван Кириллович Яковлев. С первого дня службы солдаты разясняли, что страна доверила ему боевое оружие для защиты граждан, для “охранения тишины и спокойствия”. И пусть сегодня чаще мы используем понятие “служебно-боевая деятельность”, суть призыва, суть нашей работы ведь не меняется – мы воспитываем и обучаем профессионально надёжных, бдительных воинов.

Вообще, многие девизы-призывы, красовавшиеся в военных городках, в казармах, клубах, не потеряли и не потеряют своей актуальности, потому что проверены временем. “Служи по уставу – завоеешь честь и славу”, “Сила воина дисциплиной удивлена”, “Устав – для воина закон”. Разве не так? Другое дело, что надо не талдычить об этом, но доводить глубокий смысл этих лозунгов до сознания бойца ненавязчиво, на живых конкретных примерах из жизни войска, части, подразделения. До ума, сердца, души эти незбываемые постулаты дойдут скорее, если сам офицер-воспитатель будет примером для своих солдат.

Молодёжь (солдат-срочников, сержантов-контрактников, лейтенантов – выпускников институтов) надо с первого дня воспитывать на традициях войска, части, подразделения. Естественно, на традициях боевых, славных, героических, красивых и добрых.

В наших войсках зародилось много замечательных традиций, о которых сегодня не мешало бы вспомнить. 7 декабря того же, 1918 года был подписан приказ по Корпусу войск ВЧК “Об увековечении памяти погибших при исполнении служебных обязанностей”. Сегодня эта традиция продолжается: погибшие герои зачисляются навечно в списки части, им открываются памятники, создаются экспозиции в музеях и комнатах истории и боевой славы. Главное, чтобы всё это работало, чтобы каждый солдат прочувствовал: ге-

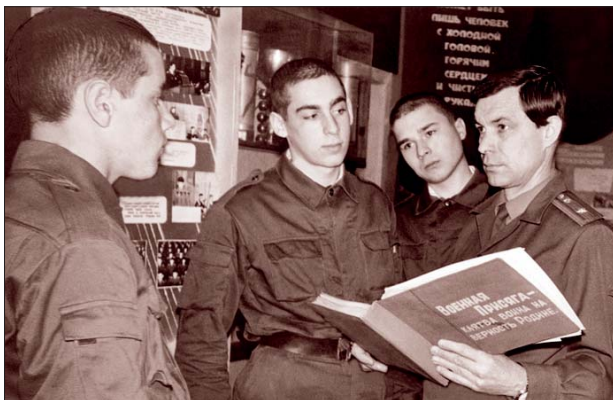
рой – это один из нас, это наш сослуживец, наш боевой товарищ, который был, как все, и в то же время он, проявивший в критической ситуации исключительное мужество и героизм, самопожертвование, – в чём-то лучший.

Кстати, многие традиции, зародившиеся во внутренних войсках в 50-е – 80-е годы прошлого века, могли бы и сегодня прекрасно поработать на воспитательной ниве для сплочения воинских коллективов, для повышения общественной активности личного состава, расширения культурного кругозора. Можно вспомнить о торжественных проводах увольняемых в запас, о передаче ими боевого оружия своей молодой смене, о шефстве воинов над школами и детскими домами, а гражданских вузов и учреждений культуры – над воинскими частями. Что-то из наработанного годами сегодня возвращается в практику, и это не может не радовать.

В советские годы прекрасно работали в войсках тысячи офицеров-политработников, о которых солдаты нередко говорили: “Наш замполит – душа-человек”. И это не выдумки, не натяжки ради красного словца – так действительно было. “Солдат Иван Бровкин”, “Максим Перепелица” – хоть и по-киношному приукрашены, но по сути правдивые фильмы. И проза Героя Советского Союза Владимира Васильевича Карпова о буднях Советской армии – правда. На первых же страницах повести “Не мечом единым”, помню, приводится эпизод в политотделе дивизии, интересные и правильные рассуждения о смысле и содержании партполитработы.

– Сергей Степанович, но ведь настал печальная память 91-й год, партию – “ум, честь и совесть нашей эпохи” – разгромили, политорганы в армии и в наших войсках ликвидировали. С “перестройкой” пришла перестрелка, обернувшаяся кровопролитными междоусобными конфликтами. Как удалось пережить то смутное время?

– Пережили! Более того, и в горячие точки сражались и погибали за Союз наши войска, а с ними, на передовой, и офицеры-политработники. Вот образцы героизма, достойные вечной памяти. На Ереванском вокзале на кару, возглавляемый замполитом роты лейтенантом Павлом Терещенко, напали вооружённые бое-

вики. Кровавый бой выиграла наша война, но отважный офицер получил тяжёлое ранение, от которого через две недели скончался в госпитале. Он был награждён орденом Красног. Знамени. В Абхазии героически погиб без пяти минут офицер-политработник, курсант моего родного Ленинградского ВПУ им. 60-летия ВЛКСМ Владимир Аков. Он был посмертно удостоен ордена Красной Звезды.

Ну а замполит роты из софринской бригады лейтенант Олег Бабак, погибший на границе враждующих Армении и Азербайджана, и вовсе стал трагическим символом тех лет, когда войны внутренних войск МВД СССР были едва ли не единственными скрепами в сокрушаемой державе. Олег Бабак стал последним Героем Советского Союза во внутренних войсках и одним из последних в стране под названием СССР.

Это были последние политработники внутренних войск...

После распада СССР и изменения государственного строя сохранение партполитаппарата в прежнем виде было, конечно, невозможно. Другое дело, что некоторые рыцарские поборники деполитизации армии пытались вместе с водой выплеснуть и ребёнка – ликвидировать отлаженную годами воспитательную систему во внутренних войсках.

Благо руководству наших войск удалось во вновь образованном управлении по работе с личным составом сохранить костяк опытных офицеров-политработников. Они продолжили в войсках дело воспитания личного состава на тех традициях, о которых мы уже упомянули, но

уже в соответствии с задачами дня. Задачи меняются, но ведь никто не отменял, к примеру, такого важнейшего для нас понятия, как войсковой патриотизм. А это, на мой взгляд, одна из главных составляющих всей системы воспитания.

Отрадно, что развиваются наработки советского периода, что зарождаются и новые традиции.

С установлением 27 марта нашего праздника – Дня внутренних войск – стали не просто войсковым, но общероссийским событием концерты мастеров искусств. И это не просто развлекательное мероприятие – в такие дни и военнослужащие, и члены их семей, и наши ветераны проникаются гордостью за свою принадлежность к войскам правопорядка. А многие-многие наши сограждане порою впервые узнают о доблестных ВВ – войсках воюющих, получают мощный патриотический заряд.

У нас замечательный отряд ветеранов, из них около 2,5 тысяч – ветераны Великой Отечественной войны. Кроме ежегодных дней части, на которые всё активнее стали собираться ветераны разных поколений, проводятся Дни памяти – наши воюющие войска потеряли в горячих точках немало солдат и офицеров. В продолжение этой драматичной, но святой для всех нас темы могу упомянуть и акции «Долг памяти», проходящие в городах России. «Никто не забыт, ничто не забыто» – это ведь и к нам обращено...

Семьи погибших военнослужащих стараемся максимально быстро обеспечить жильём. Вдовы наших товарищей получают моральную и

материальную поддержку, дети погибших офицеров направляются на полноценный отдых не только в здравницы России, но и за границу. Им помогаем поступать в кадетские корпуса, суворовские военные училища, милицеские колледжи, военные институты и гражданские вузы.

Люди должны чувствовать, создавать, видеть заботу о себе, наше внимание...

Об этой работе знают в стране – войсковой сайт считается одним из самых насыщенных и востребованных среди других сайтов силовых структур.

– **Сергей Степанович, насколько я понимаю, мы заговорили о военно-социальной, о культурно-досуговой работе. Эти направления в ряду всех видов морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск стоят не на первых позициях, не так ли?**

– Вы правы. В Наставлении по МПО, утверждённом приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерала армии Н.Е.Рогожкина 22 марта 2007 года №106, среди видов МПО вначале значатся работа по поддержанию воинской дисциплины и правопорядка, информационно-воспитательная, социально-психологическая работа. Но главная особенность МПО в том, что здесь нет ничего второстепенного – вся система глубоко продумана, всё в ней должно быть взаимосвязано, ничто не должно выпасть из поля зрения, ничто не должно быть оставлено на потом. При таком комплексном подходе вся система МПО будет работать, тогда будет успех.

Новое Наставление каждый офицер должен знать, как «Отче наш». Это по определению документ, который наставляет, направляет. Но в то же время он даёт (это главная особенность нашей работы) огромный, поистине безграничный простор для творчества. Работа с личным составом должна быть работой души, а душе настоящего офицера свойственны и вдохновенный порыв, и открытость людям, и неутомимость, и поиск. Если поэт утверждал, что «душа обязана трудиться и день и ночь», то в отношении наших офицеров это справедливо вдвойне. И я имею в виду не только ненормированный рабочий день...

– **Надо полагать, большин-**

ство так и работают. Иначе чем объяснить отрядный результат: в прошлом месяце по многим СМИ прошло сообщение со ссылкой на доклад руководителя военного следственного управления Александра Сорочкина: «Если в Вооружённых силах Российской Федерации уровень преступности снизился на 2,6 процента, то во внутренних войсках он снизился на 18,3 процента». Это значит, что первая составляющая МПО у нас улучшается?

– Давайте не будем обольщаться, тем более – почитать на лаврах. Проблем у нас ох как много! Если есть в чём-то улучшение – тенденции эти надо закреплять. Укреплению воинской дисциплины пределов нет. Этот вопрос не только сейчас, но и во все времена был актуальным. Задачи нематериального свойства нельзя решить «на все сто процентов».

Во-первых, нынешние проблемы в подразделении возникают из-за изменения сроков службы по призыву. Во-вторых, ещё нет достаточного опыта воспитательной работы с военнослужащими-контрактниками. По-прежнему остро стоит вопрос подготовки квалифицированных кадров. Наш факультет Военного университета готовит офицеров для полкового звена и выше. А заместителями командиров по работе с личным составом в ротах и батальонах работают в большинстве своём выпускники войсковых военных институтов без «замполитовской» специализации. Зато в процессе совершенствования и развития МПО у нас в войсках уже появилось более трёхсот офицеров-психологов, социально-психологическая работа стала отличаться целенаправленностью, мы ощущаем неуклонный рост её эффективности. Думаю, потребность в офицерах с психолого-педагогическим образованием будет и впредь возрастать.

– **Товарищ генерал-лейтенант, юбилей органов по работе с личным составом, согласитесь, скорее не столько праздник, на котором рапортуют о достижениях, сколько рубежный момент в жизни, когда надо поговорить о планах и перспективах. Ведь в работе с людьми не может быть каких-то качественных высот, пределов совершенствования, когда можно успокоиться, зая-**

вить: «Нами сделано всё!»

– Конечно! Вот мы только что отметили развитие в войсках квалифицированной, профессиональной социально-психологической службы. Но ведь мощной силой, ещё далеко не реализованной, в этом и других направлениях МПО остаётся войсковая общественность: советы ветеранов, офицерское собрание, советы прапорщиков, женсоветы, советы клубов, библиотек... Войсковых общественников достаточно много,

входят мультимедийные программы по темам общественно-государственной подготовки. А как они используются (если используются вообще) на занятиях? Мы с вами сегодня беседуем о делах насущных. Но прочитают ли этот номер журнала «На боевом посту» все офицеры, что называется, «заинтересованных категорий» или кое-где вновь забыли (не сумели) подписаться на войсковые издания?

Вот о чём мы все должны серьёз-

полезных и разных – вплоть до агитаторов и редакторов боевых листов во звёздах. Главное, чтобы они не значились только на бумаге, не оставались «забитыми в план» для проверок, комиссий. Главное, чтобы они работали с людьми, вносили свой посильный вклад в МПО.

Все сегодня знают наш прославленный Академический ансамбль песни и пляски – «визитную карточку» внутренних войск. Работают ансамбли в региональных командованиях, в соединениях. А везде ли есть ртутная художественная самодельность? В региональных командованиях работают редакции многотиражных газет. Но соответствует ли их содержание и даже внешний вид серьёзности поставленных перед ними задач? Снимаются фильмы нашей киностудией «Время Ч». Но устраивают ли их просмотры с необходимыми комментариями в частях и подразделениях? Выходят книги по истории внутренних войск. Но не пылятся ли они на полках? В духе времени, с использованием современных технических средств гото-

но задуматься...

– **Сергей Степанович, пусть в завершение разговора сегодня прозвучат ваши пожелания всем подчинённым, всем коллегам в войсковых структурах по работе с личным составом.**

– Личный состав – это термин стоявший, официальный термин служебных документов. Для нас это прежде всего люди. Хочется, чтобы забота о людях стала сердцевинной всей нашей работы. Успех любого дела обеспечивает человек. Если военный человек будет обучен и воспитан, если он будет накормлен, одет и обуи, если он и его семья будут жить в комфортных условиях, если он будет иметь возможности для своего профессионального, нравственного, духовного совершенствования – наш общий успех придёт. Мы обеспечим выполнение всех, самых сложных служебно-боевых задач. Мы победим!

Беседовал
Борис КАРПОВ,
полковник запаса

Двадцать лет назад, в сентябре 1988 года, был подписан приказ министра внутренних дел СССР о формировании в Софрино и Калаче-на-Дону отдельных бригад особого назначения внутренних войск МВД СССР (сейчас – отдельные бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России). Практически с первых дней своего существования они являлись, по сути, бригадами переднего края. Адресами их боевых командировок стали горячие точки, первая и вторая чеченские кампании. Сегодня мы публикуем воспоминания офицеров этих прославленных соединений, рассказы военных журналистов о самоотверженности, мужестве, героизме софринцев и калачёвцев.

БРИГАДЫ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

ИХ ПОМНЯТ КОКАНД И ШУРНУХ

18 мая 1989 года в софринской бригаде начали формировать учебную роту специального назначения. Первым командиром роты стал старший лейтенант Валерий Чернышёв. Мне же выпала честь стать первым заместителем командира роты по политчасти.

Уже в июне 1989 года бойцы софринского спецназа выполняли боевые задачи по пресечению беспорядков и предотвращению массовых убийств турок-месхетинцев в Ферганской области Узбекской ССР. Первыми адресами командировок стали города Андижан, Коканд, Яйпан, Гулистан, поселки Горский и Комсомольское. По самым скромным подсчётам, в Ферганской области бойцы роты Валерия Чернышёва спасли от верной гибели более трёх тысяч мирных жителей, рассеяли десятки групп боевиков, изъяли свыше 300 единиц огнестрельного и более 2000 единиц холодного оружия, освободили несколько заложников. Предотвратили более двадцати зверских публичных расправ. Например, сожжение малолетних детей, завернутых в ковры, или попытку сварить заживо мужчину-турка на глазах у его семьи только за то, что тот отказывался назвать места, где прятались от вандалов его соплеменники. В некоторые дни бойцам роты приходилось отрабатывать по четыре-шесть боевых задач!

А ведь во время ферганской эпопеи в составе только что сформированного подразделения в районе выполнения задач было всего два офицера – старший лейтенант Чернышёв и лейтенант Ахмедов. Офицерские обязанности зачастую поручали выполнять сержанту Андрею Макарову. Справлялся он с ними выше всех похвал. Во время ферганских событий лучшие качества проявили бойцы софринского спецназа первого набора сержант Александр Нарожный, рядовые Александр Дорошенко, Павел Лещенко, Александр Петровский, Роман Величко, Сергей Сафронов, Виталий Налимов, Миха-

ил Калинин, Владимир Горностаев (впоследствии стал сержантом), Анатолий Андреев, Сергей Астапенко, перешедший к нам из УРСН дивизии имени Ф. Дзержинского. Именно они заложили традиции высочайшего профессионализма, взаимовыручки и боевого братства, на которых в дальнейшем строилась вся служебно-боевая деятельность нашего спецподразделения.

С 1989 по 1991 годы личный состав роты принял участие в проведении более 50 специальных операций в различных регионах страны. Благодаря высокому уровню подготовки бойцов, ни в одной из них мы не понесли потерь.

Вершиной боевого мастерства софринцев в тот период стала операция в населённом пункте Шурнух Горисского района Армянской ССР, проведённая 6 апреля 1990 года под руководством Шакира Ахмедова. К тому времени он уже стал заместителем командира УРСН по специальной подготовке. Офицер настолько грамотно всё спланировал и талантливо действовал со своими подчинёнными, что шурнухская операция даже вошла в сборники учебно-методических материалов внутренних войск как образцово-показательная и была рекомендована к изучению. Тогда софринцы пленили многочисленную группу боевиков, входивших, согласно захваченным документам, в «спецназ Армении». То были вовсе не желторотые юнцы, а бывшие военнослужащие Советской армии, имевшие опыт боевых действий в Афганистане (в основном, как следовало из записей в военных билетах, снайперы и специалисты по подрывному делу), отмеченные за свою службу знаками воинской доблести и даже государственными наградами.

Но та операция оказалась показательной и в другом плане: после её удачного проведения девять военнослужащих роты представили к государственному наградам.

Впрочем, мы выполняли порученное дело не за награды, а во славу сво-

ей страны и спецназа продолжали увеличивать список успешно решённых боевых задач. В него вошла операция по нейтрализации и разоружению банды, обосновавшейся между посёлками Верхний Фараджан и Спитакшен. Кстати, именно за неё командир софринской УРСН капитан Валерий Чернышёв был награждён орденом «За личное мужество». Он тогда не только командовал одной из групп, но и отправился к блокированным боевикам в качестве парламентаря с предложением сдаться, чтобы избежать кровопролития.

Потом был захват штаба экстремистов в Джебраиле. Тогда мы передали в руки сотрудников правоохранительных органов полсотни активных участников и непосредственных организаторов различных вооружённых акций против мирного населения. В той операции мне довелось командовать одной из штурмовых групп, вторую возглавлял старший лейтенант Вадим Суворов.

В Гадруте софринцы освободили более двух десятков семей пограничников, которых боевики удерживали в качестве заложников. Женщин, детей, родителей военнослужащих погранвойск тогда вывели автоколонной из военного городка за пределы зоны чрезвычайного положения. Причём мы постарались не просто обеспечить безопасность этих людей, но и сделать всё возможное, чтобы они при этом переезде смогли забрать с собой максимальное количество личного имущества. В благодарность командование погранотряда наградило многих наших бойцов знаком "Отличник погранвойск". Солдаты носили эти знаки с особой гордостью.

Весьма необычную задачу по обеспечению общественного порядка однажды довелось выполнять софринцам в Шуше. В один из дней на центральной городской площади с подачи каких-то умников или весьма изощрённых провокаторов был устроен публичный раздел имущества семидесяти четырёх смешанных армяно-азербайджанских семей. Причём в это самое имущество включили и детей! Представляете, чего стоило удерживать обезумевших от горя матерей обеих национальностей, когда у них по решению старейшин отнимались дети и передавались в семью бывшего мужа. Но даже в этих условиях, неизменно сложных по напряжению и накалу страстей, удалось предотвратить возникновение массовых беспорядков.

Случалось софринскому спецназу в тот период приходиться на помощь не только мирным жителям, но и своему брату военнослужащему, попавшему в серьёзные переделки. Об этом нигде не упоминалось ранее. Но однажды бойцы УРСН освобождали... солдат и офицеров 2-го батальона родной бригады, которых экстремисты блокировали, пытались взять в заложники и захватить при этом всё вооружение и технику!

А о другом подобном случае, наоборот, стало известно всему миру. В районе посёлка Спитакшен группа старшего лейтенанта Суворова умелыми действиями вызволила из западни колонну бронетехники с бойцами калачёвской бригады внутренних войск, которую блокировала толпа почти в семисот человек. Так получилось, что свидетелями этих событий стали корреспонденты 1-го канала Общесоюзного телевидения,

съёмочная группа "Интервидения" и их азербайджанские коллеги из города Лачина. В итоге снятые ими кадры вышли в телепрограмме "Группа крови", появились на международных телеканалах, а сделанные снимки опубликовали британские и французские журналы.

Доводилось софринцам "первого призыва" демонстрировать своё мастерство и на показательных выступлениях, причём иногда в весьма необычной обстановке. Как это было, например, в Нахичеванском погранот-

ряде. Причиной для их проведения стали трагические события на мосту через реку Аракс на советско-иранской границе, когда экстремисты спровоцировали нападение толпы на пограничный наряд, который обеспечивал порядок во время проведения ярмарки между жителями приграничных районов – азербайджанцами и иранцами. Трое пограничников, включая офицера, возмездия не дождалось, тогда были убиты, несколько человек покалечены. Применить огнестрельное оружие на поражение в тех условиях они не имели юридического права.

После этого в погранотряде создали внештатное спецподразделение – взвод повышенной боевой способности (ПВС), в экипировку его бойцов включили металлические щиты и резиновые палки ПР-73. Но что с ними делать, как применять, командование отряда не имело ни малейшего понятия, не говоря уже о тактических приёмах действия этого спецподразделения для пресечения массовых беспорядков. Потому и обратились за помощью к нам.

В назначенный день на стадионе в районе старой Нахичевани состоялся тот "мастер-класс". Присутствовало около трёх тысяч зрителей из числа самих пограничников и членов их семей, жителей и руководителей города. Бушующую толпу изображали триста курсантов сержантской учебки Нахичеванского погранотряда. Перед этим их проинструктировало командование: мол, действовать, не стесняясь, в полный контакт. Чтобы максимально приблизить обстановку к реальности, по-

нашей просьбе для вооружения "толпы" привезли два грузовика камней, раздали металлические прутья, деревянные палки, пустые бутылки. Все-му этому воинству противостояло... сорок софринских бойцов в штатной экипировке без огнестрельного оружия. У них был строгий приказ: ни в коем случае не бить пограничников резиновыми палками по голове. Хотя и условный противник, но всё же свои...

Итог: через полторы минуты после начала столкновения "толпа" была отнесена более чем на двести метров от защищаемого спецназовцами условного моста и рассеяна. Особо отмечу: это были не просто люди с улицы, а будущие сержанты погранвойск КГБ СССР! Все зрители, наблюдавшие за этим действием, на несколько минут застыли в оцепенении. Спецназ внутренних войск, как всегда, сработал на "отлично"!

★
Олег СУЛИМА,
капитан запаса
Фото из семейного
альбома автора

50 ТЫСЯЧ ЗА ГОЛОВУ ЛЕЙТЕНАНТА

Учебная рота специального назначения (УРСН), которую было доверено возглавить мне, предусматривалась в составе калачёвской бригады изначально.

Почти полгода после начала формирования соединение не применялось в горячих точках Закавказья и Средней Азии, хотя кровавые события в этих регионах уже бушевали в полную силу. В осенние и зимние месяцы усиленно занимались плановой боевой подготовкой. Не отставали в этом деле от других бойцы и командиры бригадного спецназа. Мы использовали в учёбе опыт, что был накоплен к этому времени нашим "старшим братом" – учебной ротой специального назначения дивизии им. Ф.Э.Дзержинского, будущим "Витязем".

А уже практически весь следующий год калачёвцам пришлось провести в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР: вылетев туда 16 февраля, личный состав 1-го, 2-го батальонов и бригадной УРСН "Аллигатор" покинул район выполнения служебно-боевых задач лишь 13 декабря. Десять месяцев кряду, почти не снимая бронезилов!

Этот период стал боевым крещением для всей бригады, в том числе и для её спецназа. Чтобы понять и представить объём нагрузок, который выпал солдатам и офицерам, достаточно сказать, что за эти девять месяцев калачёвы участвовали в 83 боевых операциях, в ходе которых у экстремистов как с армянской, так и с

азербайджанской стороны было изъято более 40 килограммов взрывчатых веществ, свыше двух тысяч боеприпасов, более 1500 единиц холодного оружия. Для того времени это весьма внушительные цифры. А сколько человеческих жизней было спасено!

Примеров высокопрофессиональных и самоотверженных действий спецназовцев нашей роты "первого призыва" можно вспомнить много. Приведу лишь один из них.

Прошло три недели. 24 ноября пятнадцать наших бойцов во главе с лейтенантом Игорем Семёным получили от коменданта особого района боевую задачу: обеспечить безопасность колонны из четырёх машин ЗиЛ-130 с водителями-армянами, следующими в район Шуши для перегрузки скота. Пятый грузовик выделяли для перевозки спецназа.

Колонна возвращалась уже под вечер. И на одной из просёлочных дорог её заблокировала толпа, членов двести весьма агрессивно настроенных азербайджанцев. Головной "жигулёнок", сопровождавший машины, мгновенно исчез с места событий: находившиеся в нём два старших офицера, представлявших УВД НКАО, попросту бросили водителей и военнослужащих на произвол судьбы.

Каждый ЗиЛ обступило по несколько десятков человек. Они угрожали шофёрам "иноверцам" и всё время пытались вытащить их для расправы. Так и могло бы произойти, не приступи спецназовцы к решитель-

ным действиям. Ефрейтор Ю. Дарин, рядовые А. Бысков, А. Пиковцев и Д. Лежанкин находились в первых четырёх ЗиЛх. Они забрались на капоты машин и стали отбиваться от напавшей толпы, пресекая все попытки открыть двери кабин. Но тут положение усугубилось: со стороны Шуши к бесчинствующим молодчикам на нескольких автобусах подъехало подкрепление.

Тем временем от замыкающего колонну грузовика на помощь ведущим неравную схватку солдатам пробились лейтенант Игорь Семёнов со старшим сержантом Н. Литовченко, младшими сержантами А. Каменевым и В. Суриковым, ефрейтором Ю. Кузнецовым, рядовыми А. Кулаковым, С. Дубина и А. Сидоренко. Спецназовцы, ловко работая прикладами автоматов, руками, ногами, при крайней необходимости применяя "Черемуху", с трудом шли через толпу людей, с каждой минутой все более и более терявших свой человеческий облик. Следует отметить, что даже в условиях, когда жизнью наших ребят и жизнями вверенных им под охрану водителей угрожала реальная опасность, ни у одного из бойцов спецназа не сдали нервы, никто из них не открыл огонь. Даже предупредительных выстрелов в воздух не производилось.

Первыми вызволили водителя головной машины и защищавшего его рядового А. Быкова. После этого группа Семёнова развернулась и стала пробиваться обратно, стремясь как можно быстрее оказаться у второго грузовика, который азербайджанцы

уже подталкивали к краю обрыва, намереваясь сбросить туда вместе с водителем-армянином и продолжавшим отчаянно биться за его жизнь рядовым В. Пиковцевым. Когда машина вот-вот должна была рухнуть с высоты, боец соскочил с капота и успел вытянуть из кабины шофёра. Как раз в этот момент к ним подоспели офицер и солдаты взвода.

Отчаянные и немыслимые по своему напряжению рукопашные схватки вели около своих машин рядовые Д. Лежанкин и Ю. Дарин. Особенно тяжело пришлось Юрию: его грузовик азербайджанцы подожгли. И дело могло кончиться весьма печально, если бы вовремя подоспели

младшие сержанты Каменев и Суриков не успели оттащить его и водителя от объёглого пламенем ЗиЛа.

После неимоверных усилий лейтенанту Сёмину удалось собрать всех своих бойцов возле замыкающего автомобиля, который всё это время оборонял ефрейтор Авозянов вместе с рядовыми Романовым и Картушиным. Теперь защитников машины, в кузове которой офицер укрыл армянских шофёров, стало гораздо больше. Но беснующаяся, жаждавшая крови толпа превосходила их по численности в десятки раз. Сдерживать её натиск горстке спецназовцев пришлось ещё почти сорок минут, пока к ним на помощь не подоспело

подразделение подполковника Васильева.

Как было установлено уже по прибытии на базу, одиннадцать из пятнадцати участвовавших в той перестрелке спецназовцев, включая командира взвода, получили травмы и телесные повреждения. Игорь в довершении ко всему ещё и сотрясение мозга: брошенный издали увесистый камень попал в голову офицера, на которой во время этого инцидента находилась не «сфера», а краповый берет. Я, конечно, попенял ему потом за такое пренебрежение к собственной безопасности и здоровью. Но, с другой стороны, этот символ чести и доблести спецназа наверняка придавал дополнительные силы и помог выстоять тогда и ему, и его бойцам, которые не просто знали, а видели, что их ведёт за собой не просто офицер, а «краповик».

Кстати, голова лейтенанта Сёмина на тот момент оценивалась некоторыми лидерами экстремистов в 50 тысяч рублей, что по тогдашнему курсу составляло порядка 12 тысяч долларов. И мы, помнится, с офицерами и прапорщиками роты, естественно, искренне переживая за здоровье товарища, всё же устраивали полусерьёзные-полуплутильные диспуты, гадая, упадёт или поднимется она в цене после того удара камнем...

Следующий год выдался для нас не менее напряжённым: уже 14 января войсковой оперативный резерв калачёвской бригады, куда входил и личный состав УРСН, вновь убыл в Закавказье для оказания помощи органам внутренних дел в охране общественного порядка. Весной 1990 года спецназ бригады принимал участие в специальных мероприятиях по изъятию оружия у боевиков «Армянской национальной армии», других операциях, в том числе по освобождению заложников.

К сожалению, в том же году номинально закончилась моя служба в спецназе: я получил тяжёлое ранение. А после выздоровления и возвращения в строй был переведён на должность начальника физподготовки и спорта калачёвской бригады. Но связи с родным для меня подразделением, со своими братишками не потерял...

★
Олег КОРЖИКОВ,
подполковник запаса
Фото из семейного
альбома автора

На счету калачёвской бригады внутренних войск так много боевых командировок, что без строгого учёта выездов в горячие точки вести хронологию с годами всё труднее. Действительно, могут потускнеть детали событий, забыться последовательность, но героические поступки, сила характеров воинов-калачёвцев — это то, что остаётся в памяти навсегда.

20 ЛЕТ ТРЕВОГ И ПОХОДОВ

Город Калач-на-Дону располагался словно на семи ветрах. Здесь не редкость пыльные бури, и даже, гуляя по тихим улочкам в погожий осенний день, ощущаешь скрипачице на зубах песчинки. Приезжаем это может показаться бедствием: постоянно сухой воздух и повсюду песок. Но к особенностям климата многие привыкают, а со временем влюбляются в размеренный ритм жизни города и неспешность его обитателей. Привязанность Андрея Медведева к родным местам в значительной мере определила его судьбу.

В 1992 году Волгоград стал первым местом службы лейтенанта Андрея Медведева — выпускника Ленинградского высшего военного командного училища внутренних войск МВД России. Постоянно писал родителям в Калач. Из скупых на подробности весточек отца — подполковника Алексея Медведева, в то время заместителя командира калачёвского соединения по работе с личным составом, Андрей узнал, что беспокойно стало в родных краях. Чуть ли не весь Северный Кавказ лихорадило от взаимных обид и территориальных притязаний, конфликты вспыхивали один за другим. Поэтому всё чаще в воен-

ном городке Калача-на-Дону раздавался сигнал боевой тревоги. Значит, хватало бессонных ночей и у отца, и у остальных офицеров, многих из которых Андрей помнил с детства. Он не собирался оставаться в стороне и просто рвался перебраться из города на Волге в свой Калач к близким людям, оказавшимся почти в эпицентре страшных событий.

Так, наверное, в своё время поступил его дед-фронтовик. Он был офицером-танкистом и прошёл с боями от Сталинграда до Вены. Его самоотверженное служение своей стране стало примером для новых поколений мужчин в семье Медведевых. Сыновей здесь воспитывают прежде всего защитниками. Вот и внук танкиста, выжившего в пекле сражения на Курской дуге, решил не оставаться в стороне от грозных событий переломных для России 90-х годов. Приехав в свой первый офицерский отпуск, Андрей написал пространное, на 12 листах, письмо тогдашнему командиру бригады Михаилу Ивановичу Лабунцу. Лейтенант просил об одном — перевести его в калачёвское соединение. Суровый комбриг сначала усмотрел в этом обращении молодого офицера лишь желание вер-

нуться домой к родителям. Но всё же пригласил Андрея на беседу. В разговоре Медведев сумел найти убедительные доводы, и вскоре состоялся его перевод в СВОЮ бригаду. Не прошло и двух месяцев, как заместитель командира роты по работе с личным составом старший лейтенант Андрей Медведев уехал в первую боевую командировку в зону осетино-ингушского конфликта.

Адрес его боевого крещения — посёлок Дачное. В 1993 году здесь, в зоне осетино-ингушского конфликта, резко обострилась обстановка. В сёлах вдоль трассы Владикавказ — Назрань вновь зазвучали автоматные очереди. Манёвренные группы калачёвцев, одной из которых командовал Андрей Медведев, патрулировали этот район на БТРах. Нередко они оказывались меж двух огней, делая всё для того, чтобы предотвратить кровопролитие. Но ожесточённые в горе люди не хотели услышать друг друга. Балом правила месть. Пока светло, всё вроде бы спокойно. Но только начинало темнеть, то там, то здесь вспыхивали перестрелки. Ситуация была настолько напряжена, что воздух, казалось, звенел от всеобщего нервного напряжения. Разобраться во всём этом, да ещё командовать

подчинёнными Андрею оказалось крайне трудно. Тогда-то он и встретился с другом детства Сергеем Басурмановым, который служил в разведывательном батальоне бригады. Оба с мальчишеских лет жили в Калаче-на-Дону, учились в одном училище, но с разницей в четыре года.

Правда, после перевода Медведева в Калач они ещё не виделись – его старший товарищ тогда находился в одной из горячих командировок. И вот их пути пересеклись. У Басурманова это был не первый выезд на войну, и он взял под опеку младшего товарища, учил, как действовать в непростой обстановке. Авторитет Басурманова среди сослуживцев всегда был непререкаемым. До сих пор Андрей Алексеевич считает, что ему повезло быть рядом с таким обаятельным и сильным человеком. Они ещё не раз встретятся в командировках, и воевать им придётся бок о бок.

Так было весной 1996 года под Гудермесом. В апреле вооружённые дуэробоевики пытались захватить город, вытянувшийся вдоль магистрали Ростов – Баку. Ситуация сложилась очень напряжённая. Сорок пять суток не прекращались обстрелы и подрывы на дорогах.

– Знаете, страха не испытывал. Я

холостой тогда ещё был, отчаянный. Даже не представлял, что со мной может что-то случиться, – признаётся сейчас полковник Медведев. – Два вагончика было, где и размещались бойцы нашего КПП. Всего 28 человек. Солдаты – молодые парни, все – срочники. Самыми опытными были два сержанта, два Александра, Богучаров и Детков. Детков, как сейчас помню, из Ростова, уже был награждён медалью “За отвагу”. Пятнадцать дней подряд мы участвовали в спецоперации в составе мобильных групп.

Вот тогда-то недалеко от Джали Медведев и Басурманов снова встретились. Разведгруппа под командованием Сергея – полтора десятка человек, обнаружила бандитов. Они столкнулись, по сути, лицом к лицу. Сергей Басурманов позже рассказал, как начался тот бой. Бородатый дядька, который шёл первым в группе противника, увидев нашу разведку, совершенно не удивился “сюрпризу”. Он с почти цирковой ловкостью перехватил из-за спины автомат и моментально открыл огонь. К счастью, никого не зацепил. Разведчики оказались не менее проворными: мгновенно залегли и ответной очередью уничтожили боевика. Однако расклад сил сложился явно не в нашу пользу. Банда оказалась довольно крупной – человек 200. Это против полутора десятка разведчиков! По радиостанции Сергей запросил помощь. Чтобы блокировать район и не выпустить оттуда бандитов, сюда срочно перебросили войсковые подразделения. В этом участвовала и мобильная группа Медведева. Включив рацию, он слышал, как Басурманов доложил о примерном количестве противника, потом вызвал авиацию, дал целеуказания и умело отвлёк своё подразделение. С воздуха бандитов накрыли НУРСами. Те из боевиков, которые пытались вырваться из леса, попали под огонь мобильных групп. За участие в операции Андрея Медведева наградили медалью Суворова.

Но, пожалуй, больше всего калачёвцев радовало возвращение домой. В бригаде есть традиция: встречать подразделения из боевых командировок с духовым оркестром. Такие дни становятся общими праздниками. Приходят родители, жёны, дети, друзья. Здесь умеют ждать и дорожат своими защитни-

ками, потому что знают: вернуться домой могут не все.

– Из пяти Героев России, служивших в нашей бригаде, трое удостоены этого звания посмертно, – рассказывает Андрей Алексеевич. – 29 августа 1999 года в Дагестане погиб и мой друг детства Сергей Басурманов. Правда, знаю о его подвиге только со слов товарищей. В то время я учился в Москве, в академии. А тут – снова война. Сергей мог и не ехать в ту командировку, по плану его очередь была только в сентябре. Но как он – старший помощник начальника штаба бригады по разведке отправит в пекло своих братишек одних? Это не в его характере. Утром 29 августа наши разведчики поднялись на высоту Чабан, на которой находился ретранслятор боевиков, уничтожили его охрану, разрушили передающий центр и заняли круговую оборону. Днём боевики начали штурмовать высоту. Там был такой переплёт, столько наших полегло. Очевидцы говорят, если бы не Сергей, погибших оказалось бы ещё больше. Он пожертвовал собой, прикрывал ребят до последней возможности. Очень нам его не хватает. Имел редкий по силе характер, очень серьёзный человек, а в то же время добрый и открытый, становился душой любой компании. А как нежно он любил семью. Дочкой очень гордился. Мы же в бригаде живём довольно тесным миром, все – соседи, каждый – на виду. Поэтому о Сергее помнят многие...

В 2000 году Андрей Медведев вернулся в бригаду с дипломом выпускника Военного университета. И, как говорится, с корабля – на бал, точнее – на войну.

В то время бригадой командовал генерал Александр Агапов. С ним калачёвцы прошли Первомайское, Сержень-Юрт, Ца-Ведено. На этот раз взаимодействовали с подразделениями ФСБ и десантников. С июня по октябрь 2003 года охраняли в Грозном комплекс правительственных зданий. Стояли в самом центре чеченской столицы. Там и 15-летие бригады отметили. Праздник получился запоминающийся. Пригласили гостей – омовцев из Красноярск и Ставрополя, совместно с которыми несли службу. Был и концерт – его специально для бригады организовали артисты ансамбля песни и пляски Приволжского округа. В те дни они

совершали гастрольную поездку по частям объединённой группировки войск. Вот такой был военно-полевой юбилей...

С 2005 года калачёвская бригада в Чеченской республике служебно-боевые задачи не выполняет. Зато прибавилось хлопот в Дагестане. Андрей Медведев со своими подчинёнными в январе 2006 года совершили марш на КамАЗах от Калача до Махачкалы. Во время командировки военнослужащие попали в серьёзную переделку, когда пришлось мобилизовать силы и проявить характер. Произошло это в Цумадинском районе. Полковник Медведев, вспоминая тот эпизод, говорит о своих бойцах по-мужски сдержанно:

– Ребята из нашей разведки обнаружили бандгруппу. Противник попытался заблокировать узкий участок дороги и забросать гранатами автоколонну. Разведчик-контрактник старший сержант Иван Бондаренко, который отслужил в свое время в спецназе, одним из первых заметил бандитов и открыл по ним огонь. Началась перестрелка. В это время я был дежурным от руководящего состава в пункте временной дислокации бригады. И тут передают по радиосвязи, что наши ведут бой. Подняли по тревоге дежурное подразделение, отправили на выручку. Но ехать им было довольно далеко, побоялся, что не успеют. Поэтому срочно связался с соседями, которые располагались ближе всего к месту боестолкновения. Те пообещали помочь. Разведчики же оказались в очень сложной ситуации. Иван, прикрывая отход

своих товарищей, получил тяжёлое ранение. Ему на выручку бросился Андрей Савченко. Но тут же попал под огонь боевиков. Чтобы убежать, Андрей спрыгнул с большой высоты и повредил суставы ног. С такой болезненной травмой он сумел вынести на себе истекающего кровью братишку. К несчастью, по дороге в госпиталь Иван умер. Посмертно старший сержант Бондаренко награждён орденом Мужества. Я не раз убеждался: в бригаде служат надёжные парни. Их неоднократно проверяли на прочность, и в трудные минуты они действовали на пределе человеческих сил. О наших солдатах, прапорщиках, офицерах есть что рассказать, есть чему у них поучиться.

Из таких боевых эпизодов, повседневной службы и редких праздников складывается калейдоскоп испытанного огнём и медными трубами соединения внутренних войск из Калача-на-Дону. Как не без основания утверждает заместитель командира бригады по работе с личным составом полковник Андрей Медведев, в их тихом городке жизнь кипит именно вокруг бригады. А ещё Андрей Алексеевич не скрывает надежды, что и сын – одиннадцатилетний Данилка – по примеру старших мужчин в их семье тоже выберет профессию защитника Родины.

★
Капитан
Татьяна МЕЖАНОВА
Фото из семейного альбома Медведевых

Майор
Сергей БАСУРМАНОВ

Старший сержант
Ирина ЯНИНА

Рядовой
Дмитрий ПЕРМИНОВ

Подполковник
Александр СТЕРЖАНОВ

Рядовой
Андрей КАЛЫПИН

В адрес командующего внутренними войсками МВД СССР генерал-полковника Ю.В. Шаталина пришла телеграмма:

"Выражаем благодарность военнослужащим внутренних войск, самоотверженно защищавшим жизни тысяч турок-месхетинцев в ферганских событиях летом 1989 года. Наш народ никогда не забудет мужества рядовых Виктора Шелеца, Сергея Бузова, Александра Дедушенкова, Виктора Гнедеца, Владимира Незнамова, Александра Лазаренко, их командиров – Виктора Еловского, Владимира Васильева, Владимира Енягина. Их имена мы чтим наряду с именами национальных героев.

Председатель правления колхоза "Адыгон" Байрагдаров, беженцы из Ферганской области Ризасв, Асланов, Камбаров и другие".

После ферганских событий отличившиеся воины были отмечены боевыми наградами. Орден Красной Звезды получили подполковники В. Васильев и В. Еловский, освободившие из рук террористов заложника. Ордена "За личное мужество" (одним из первых во внутренних войсках) был удостоен ефрейтор В. Незнанов, самоотверженно и смело действовавший против разъярённой толпы.

То было боевое крещение молодых софринских батальонов. За короткое время командованию бригады удалось подготовить солдат и офицеров к выполнению сложнейших масштабных задач, с которыми никто прежде в службе своей не встречался. "Массовые межэтнические столкновения" – так политкорректным языком назывались кровавые побоища и резня в городах Средней Азии.

Такой бригады, как софринская, в войсках прежде не было. Командующий войсками генерал Ю.В.Шаталин офицеров в эту часть подбирал тщательно, прекрасно сознавая, что испытательного срока ни у кого из них не будет. Полковнику Владимиру Мальцеву, первому софринскому комбригу (впоследствии генералу), не впервые было формировать, спланировать, обучать новые, необычные подразделения. Именно он, Мальцев, был в своё время первым командиром роты спецназа дивизии имени Ф. Дзержинского, той самой УРСН, которая потом стала знаменитым отрядом "Витязь".

Боевой подготовкой 21-й ОбрОН плотно занимался фанат войскового

ЗДРАВСТВУЙТЕ, СОФРИНЦЫ!

спецназа, грамотный методист-новатор и мастер-практик подполковник Виктор Еловский. Начальник штаба подполковник Владимир Васильев, вскоре ставший комбригом, полковником, начальник политотдела подполковник Владимир Енягин, заместитель командира по тылу подполковник Борис Чулугов – каждый на своей "кафедре" денно и нощно созидали, вкалывали. Бригада на глазах становилась уникальным соединением – мощным, боеспособным, мобильным, дисциплинированным, вышколенным. Нормативы для софринцев определили очень жёсткие, предельно сжатые, бригада была словно сильная пружина, готовая разжаться с выхлестом скрытой энергии – подъём по тревоге, по машинам, марш до аэродрома, загрузка в утробы "семьдесят

шестых" Илов, короткая полётная дрёма – и в бой с вполне реальным противником, которому спуску не давай, но от которого и пощады не жди...

Непростое им выпало время. В Фергане благодарили, в Тбилиси проклинали, в НКАО просили не уходить, в Вильнюсе называли фашистами... А ещё до Чечни были Баку, Душанбе, Северная Осетия и Ингушетия...

Но "муж не должен убиваться в столкновении с судьбой. Муж в беде стоять обязан неприступною стеною..." Шота Руставели когда-то изрёк мудрые слова прежде всего для своих земляков-соплеменников, но славяне-софринцы им вняли скорее. Именно они и стояли неприступною стеною между враждующих, стояли до тех пор, пока не случилось вероломное предательство государственных му-

жей, чьи подписи на бумаге стали бикфордовым шнуром, проложенным вдоль державных границ. Загресли взрывы. Беда была кругом.

Сегодня имя древнего города Тбилиси снова у всего мира на устах. Янки всерьёз полагают, что кавказская Грузия и их штат Georgia суть близнецы-родственники.

Тбилисские события апреля 1989 года тоже были уникальны по своей драматургии. Именно после них появился зловеще-угнетающий термин "тбилисский синдром" (жуткая смесь: незнание того, кто и почему истинный враг-противник, как против него сражаться, придётся ли после виниться-оправдываться за применение силы?).

Софринскому батальону, выполнявшему задачи в столице советской Грузии, повезло в том, что командовал им подполковник В.Еловский, совсем недавно служивший в Тбилиси и хорошо знавший не только поэму "Витязь в тигровой шкуре", но, что важнее, психологию грузина и психологию грузинской толпы...

Софринцам выпало охранять общественный порядок в районе Грузелерадио – объекта стратегически важ-

ного в сложнейшей политической обстановке в Грузии, когда экстремисты стремились захватить СМИ. Воспитанные в духе социалистической законности, наши солдаты и командиры, сжав зубы, скрепя сердце смотрели на беснующуюся толпу: им в лицо бросали оскорбления, в их сторону грозили кулаками, плевали. Потом в опасной близости от войсковой цепочки стали носиться легковые машины с включёнными фарами и вопящими клаксонами. За рулём, как позже выяснилось, были обкуренные и "дадые" молодчики-подстрекатели. Их психоз мог вот-вот достичь критической точки – газанули бы чуть лишку, и бронежилет бы не спас.

Хладнокровный и умудрённый Закавказьем Еловский решил устроить перед беснующейся толпой "демонстрацию мускулов" – наши солдаты поочередно, чтобы размяться после долгого стояния в цепочке, проделали несколько выразительных спецназовских па с автоматами, со щитами, с резиновыми дубинками. Толпа грузин сначала притихла. Потом какой-то провокатор заорал: "Путають, козлы! Да мы их сделаем!"

Но первыми своё дело сделали софринцы. Сработали на опережение – тренированные солдаты не только увернулись от мчащегося на них "жигулёнка", но и успели врезать по лобовому стеклу резиновой дубинкой, да так, что горячие южные парни вмиг остыли. Здесь, в зоне ответственности софринцев, побоища допущено не было...

Вслед за Тбилиси были Душанбе, Баку, НКАО... После уличных сваток вруклопашную всё чаще происходили перестрелки, вооружённые провокации, взрывы. Противостояния стано-

вились шире по фронту, глубже, ожесточённые.

На границе Азербайджана и Армении совершил свой подвиг замполит роты лейтенант Олег Бабак. (До сего дня многие азербайджанцы называют его Бабеком – по имени народного героя IX века.)

Софринский батальон, которым тогда командовал майор В.Бурдуков (позже – полковник, комбриг), стоял в азербайджанском районе Кубатлы. Застава, где старшим был лейтенант О.Бабак, – в двадцати километрах, в горном селе Юхары Джибикли. Перипетии неравного боя, который вели лейтенант Бабак и сержанты Логинов и Бочков, до сих пор в нас сидят рваными осколками. Трое софринцев отбивали атаку роты боевиков, пытавшихся захватить мирных жителей. Последними словами Олега Бабака, брошенными своим подчинённым, был приказ: "Уводите людей! Отходите! Я прикрою!"

День гибели отважного офицера – 7 апреля (в 1991 году это было Светлое Воскресение Христово, Пасха) – стал Днём памяти в софринской бригаде. Лейтенанту Олегу Яковлевичу Бабаку 17 сентября 1991 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Два сержанта, два Алексея – Логинов и Бочков – были награждены орденом "За личное мужество"...

А ещё были сердечные письма, присланные родителям Олега Бабака в полтавское село Виктория из Москвы и с Сахалина, из Казахстана и Эстонии, из Молдавии и Тюмени... Вот что писала бакинская десятиклассница Севиндж Тагиева: "Мне очень больно и обидно, что такой кошмар происходит в наше мирное время, а ещё боль-

Лейтенант
Олег БАБАК

Генерал-майор
Геннадий ФОМЕНКО

Ефрейтор
Евгений БУШМЕЛОВ

нее знать, что это происходит на моей родной земле, в моей родной республике. Ваш сын проявил героизм, защищая мирных жителей от расправы боевиков. Олегу было всего 24 года, он даже не успел насладиться радостями жизни. Пусть все знают, сколько молодых жизней уносит эта беспощадная война. Неужели зло восторжествовует над правдой? Нет, этого не случится, пока есть такие войны, каким был ваш сын. Вы должны гордиться своим сыном. Добрая память о нём навсегда останется в сердцах людей".

Первая и вторая чеченские кампании подтвердили высокий авторитет софринцев. Командование направляло бригаду туда, где было труднее всего. Более тысячи солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров были награждены боевыми орденами и медалями. Командир бригады генерал-майор Геннадий Фоменко и механик-водитель БМП ефрейтор Евгений Бушмелёв стали Героями России.

В январе 1995-го они входили в Грозный. Были бои в Самашках, в Бамуте. Боев было много, передышек – мало...

Вторую кампанию начинали тяжёлым маршем из Дагестана, шли ногайскими степями, песками... И снова был Грозный, возвращение на круги своя, на круги ада – Старопромысловский район, Заводской...

Разговор с рядовым Юрием Коншиным состоялся в Грозном в ночь на 14 января 1995-го:

– Я в Бога очень верю. Перед командировкой я у командира роты (он человек хороший) отпрашивался в увольнение. Мы живём в Софрино, а

Загорск (Сергиев Посад – **Б.К.**) от нас тридцать минут. Там лавра. Я съездил туда – поставил свечки за своё здоровье, за здоровье родителей. Я теперь верю, что до 87 лет проживу и со мной здесь ничего не будет. И хоть я иду здесь на задания, осторожно иду, я верю, что проживу до 87 лет.

– Ну, дай бог!

– Так и будет, товарищ полковник, так и будет! У меня дома милая... По-христиански в церкви мы с ней повенчаны (это мне бабушка моя посоветовала – перед армией с милой повенчаться), она теперь у меня жена любимая. Каждый день пишет мне, каждый день "Я больше не знаю, милый мой, что тебе писать..." Пишет, что за день сделала, где была. И всё равно каждый день письмо получаешь, где "милый мой" – радости! Она ко мне в часть приезжала, говорила: "Не дай бог, дурачок, куда сунешься!"

– Это все женщины так говорят...

Мы опять прилетели в Чечню 23 мая. Сапёр Юра Коншин погиб 22-го...

Из "второй Чечни" запомнился разговор с солдатами в руинах Грозного. С Героем России полковником Г.Фоменко пришли на позиции. Насторожение в тот февральский день 2000-го заметно поднялось: софринская бригада выполнила задачу, в тяжёлых боях выбив "духов" из Заводского района. Главное, что радовало комбрига, – потеря в последние дни не было. Даже солнышко наконец-то проглянуло сквозь дым, гарь, туман. А ведь ещё пару дней тому назад всё было доволно скверно...

– А правда, что был приказ воевать до последнего солдата?

Вопрос ефрейтора Анохина – комбригу в лоб. Стоим перед двумя десятками чумазых, прокопченных "дембелей" в развалинах дома. Оконные проёмы заложены обломками этих же стен, в прорехи задувает ветер и летит крошево штукатурки, когда "духовские" пули и ВОГи попадают в косыки. Пол под костерком, разведённым тут же, в непростреливаемом закутке, почти прогорел, и его забрасывают чёрным крупчатым снегом, принесённым с улицы в дырявом ведре.

– Мы не последние солдаты. – Комбриг, умеющий вести диалог и с министром, и с командующими, и с чеченцами, сейчас подбирает несколько правильных слов для честного ответа своим героям-окопникам. – Мы, софринцы, всегда были первыми, разве не так? А первому труднее. Приказ нам был один – выбить бандитов из Заводского района. И мы приказ выполним. Штурмовать не заставлю, но на "блоках" сидеть будете – во фланги и в тыл нам враг ударить не должен. Вы слишком много сделали, чтобы я с вами говорил грубо и неуважительно. Но если вы пойдёте против закона, то и я перешагну через себя – уйдёте без государственных наград, без "боевых" денег, с позором. Вот всё, что могу вам сказать...

Комбриг говорил негромко, но внятно, делая паузы только во время ухающих слева и справа разрывов. Полковник Фоменко оказался перед трудной дилеммой. Его бригада ведёт бои в Грозном, несёт потери. Людей не хватает. Для нескольких десятков солдат и сержантов настал срок увольнения в запас. А по заведённому ещё в Афганистане негласному правилу "дембелей" в бой не посылали – берегли. Хотя сами солдаты-"старики" на этот счёт были противоположного мнения: рвались на передовую, примером отваги уча молодых...

Назавтра софринская бригада выйдет в излучину мутной, серо-бурозовой Сунжи, где телевизионники будут допрашивать комбрига среди чумазых, но явно повеселевших его бойцов. Репортёр подведёт итог интервью красивой двусмысленной фразой: "Командир привёл свою бригаду в город. В город, которого нет".

Это вроде риторического "За что воюем?..."

Не за ответом на этот sacramентальный вопрос ездил к софринцам на войну журналисты. Пишущая и снимающая братия почувствовала – там, где эта бригада, там самые жаркие схватки, там эпицентр событий, там

подвиги, там герои. В поисках истоков мужества и героизма журналисты стремились быть рядом с бойцами бригады. Под Самашками, попав в засаду, погиб военный корреспондент журнала "На боевом посту" старший лейтенант Анатолий Ягодин, очень любивший софринцев, много о них писавший.

На второй войне под станицей Червлённой был тяжело ранен фото-

вчера отправился отсюда пешком по Руси, деланием и словом собирая её воедино. По свидетельствам современников, удивительная чистота, скромность и сила отличия отрока Варфоломея (будущего Сергия). Не эти ли достоинства так свойственны многим отважным софринцам – павшим в бою и живущим?!

Это он, Сергей Радонежский, благословил на правый бой перед Кули-

кор Олег Смирнов, прошедший с друзьями-софринцами свой славный путь, запечатлевший и схватки боевые, и палаточно-окопные фронтовые будни...

Всё это будем помнить. Будем помнить радость побед, лица героев. Будем помнить горькие дни утрат, слёзы безутешных вдов и матерей, памятники, которые ставили во славу погибших. Покуда сами живы, будем говорить: "Здравствуйте, софринцы!"

...Отставной командующий внутренними войсками генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин выбрал себе "деревню на жительство" – надоела шумная столица, да к тому же "кто воевал, имеет право у тихой речки посидеть". Помня присловье "Где родился, там и пригодился", ездил он вокруг да около родного своего Дмитрова, от Москвы до Сергиева Посада, зная, что здесь сможет найти полное умиротворение после всех своих войн и военных походов.

Дом подходящий с садом-огородом нашёлся в Хотьково, рядом с Радонежем, где жил печальник земли русской, вся Руси чудотворец Сергий.

Игумен Радонежский жил здесь в стародавние времена, но будто бы

ковской битвой русское воинство, направил в смертельную схватку с орденами иноков и воинов Пересвета и Ослябю.

В Софрино всегда останавливались паломники, идущие к Сергию, в лавру.

Вот и Юрий Васильевич Шаталин, создававший в 1988-м бригаду переднего края, уходя на покой, решил однозначно твёрдо: "Буду рядом с моими софринцами!"

...В 1992-м, когда уже не было государства с названием СССР, на плацу софринской бригады на высоких флагштоках развевались три флага – российский, белорусский и украинский. Комбриг пояснил: "Союза нет, а солдаты, призванные из Белоруссии и Украины, остались служить до окончания срока. И до того срока флаги будут здесь. Политика политикой, но наше софринское братство никто не отменит никаким указом..."

★
Борис КАРПОВ,
полковник запаса
Фото Олега СМЕРНОВА
и автора

НА Боевом ПОСТУ

СПАСИБО ТЕБЕ, РУССКИЙ СОЛДАТ!

Осетия никогда не была для России чужой. И Грузия не была чужой. До поры. Пока некоторые умы там не свихнулись. Повреждённые гордыней, самолюбованием, властолюбием, умы грузинских правителей не просто понадеялись бед — они пролили реки крови.

"Маленькая, но гордая" Грузия в действительности несчастная страна. После сотен лет иноземного, неверного ига, под угрозой новых нашествий она в 1783 году по Георгиевскому трактату по собственной просьбе защитилась имперской дланью великой России.

Нынче ту историю забывают — замалчивают, а советскую — клеймят — проклинают. Хотя и среди республик Союза ССР грузины жили много лучше и приятней, пользовались не просто благосклонностью центральной власти, получая, как теперь принято говорить, значительные преференции, дотации.

На сломе эпох, на волне пресловутой "перестройки" вожди, либо безумные, либо лукавые (Гамсахурдиа, Шеварднадзе, Саакашвили) сворачивали себе шею, глядя на Запад, за океан.

И вот когда оттуда, из-за океана поступила команда "фас", когда вооружённое на американские деньги войско пошло агрессией на Южную Осетию, на горстку российских миротворцев, единственной силой, способной спасти осетинский народ от новой волны геноцида стала Российская армия.

Помните плакат времён Великой Отечественной со словами-мольбой — "Воин Красной Армии, спаси!"? Не так ли звали осетины к России и сегодня?

Спасли. Несмотря на жертвы, защитили беззащитных. Сорвавший блицкриг саакашвилистов — "это не просто серьёзнейшая военная, психологическая и моральная победа России — это перчатка, открыто брошенная глобальному лидеру современного мира". Такова оценка Полномочного представителя Рос-

сийской Федерации при НАТО Дмитрия Рогозина. Человек, работающий в Брюсселе, где недругов наших гораздо больше, чем друзей, имеет право на такие выводы.

Выводы из трагических событий августа надо делать всем. И не только высоким политикам, военачальникам. "Бдительность — наше главное оружие" — извечный постулат, внушаемый каждому военнослужащему внутренних войск. Это надо твёрдо помнить. Как помнить и слова, услышанные в несломленном, спасённом Цхинвале: "Спасибо тебе, русский солдат!"

Генерал-полковник Александр БУДНИКОВ, инспектор-координатор Главного командования внутренних войск МВД России:

"ЗАДАЧИ ПОСТАВЛЕНЫ СЕРЬЁЗНЫЕ. И ВОЙСКА ИХ ВЫПОЛНЯТ"

— 9 августа в связи с трагическими событиями в Южной Осетии была создана оперативная группа, я возглавил её по приказу главнокомандующего.

Естественно, прежде всего мы оценили ситуацию, организовали взаимодействие с представителями Минобороны, МВД Республики Северная Осетия-Алания. Первой и главной задачей в те дни было обеспечение общественного порядка на территории Северной Осетии, куда стекались тысячи беженцев из Южной Осетии, где для них оборудовались временные лагеря, передвижные госпитали.

В сторону Цхинвала шли, сначала на юг, а потом обратно, на север, войсковые колонны 58-й армии — надо было обеспечивать их по возможности бесперебойное и безопасное продвижение. Внутренние войска взяли под охрану все мосты, тоннели вплоть до Рокского перевала.

В первые дни пограничники не справлялись с наплывом беженцев, поэтому до 60 человек во главе с командиром батальона внутренних войск были выделены им в помощь. Пропускная способность КПП была восстановлена до своего максимума. Потом большим потоком пошли

гуманитарные грузы. У МЧС не хватало своего транспорта, министерством и главнокомандующим нам была поставлена задача по перевозке, охране и сдаче этих грузов на базу МЧС в Цхинвале.

Ежедневно в таких колоннах выходили по 20, а то и более машин внутренних войск. Кроме того, мы брали под охрану все остальные колонны, вели по 60–100 машин!

С оперативным штабом, который возглавил генерал армии

С.К.Шойгу, все вопросы решались по-деловому. МЧС пользовалось нашим госпиталем, который мы же и охраняли — спасение раненых в первые тяжёлые дни было важнейшей задачей.

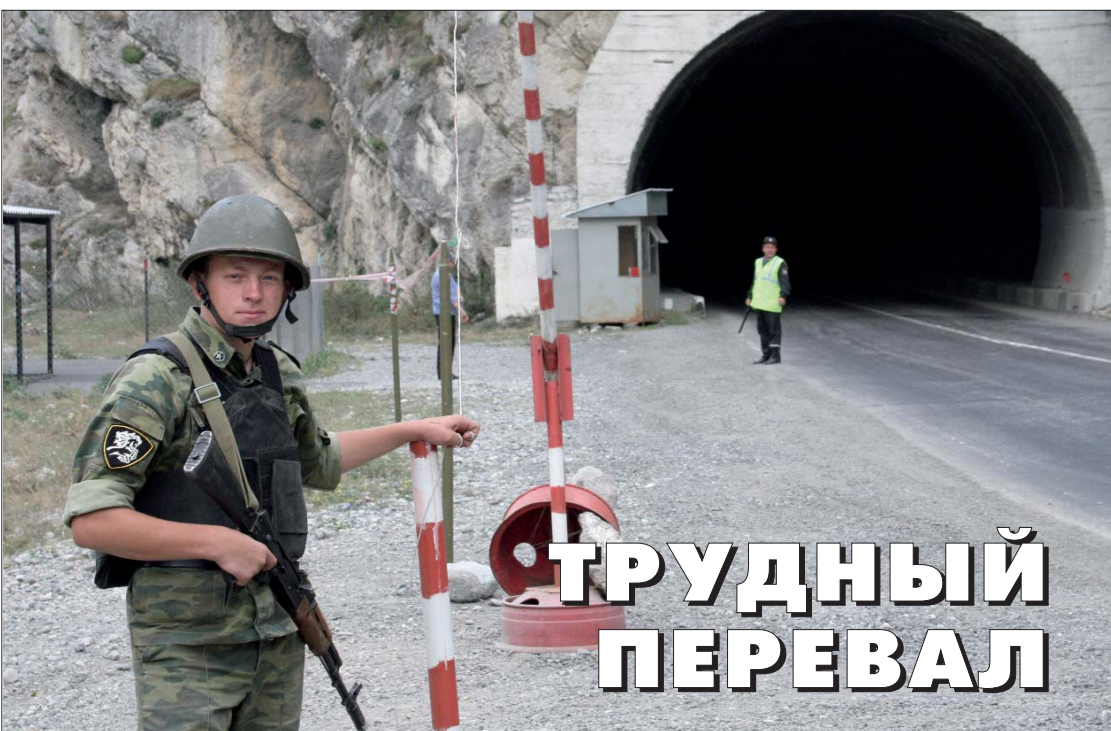
А вот задачи по обеспечению порядка на территории Северной Осетии, по охране мостов, тоннелей, всей трассы, этой "дороги жизни", думаю, долгосрочные. После событий, о которых узнал весь мир, после признания независимости Южной Осетии, естественно, по всем направлениям здесь нужна помощь России — будут одновременно идти создание структур государственного управления, организация работы правительства, восстановление разрушенного города и сёл. А также становление своего МВД в соответствии с новыми реалиями. Вопросы борьбы с преступностью ведь не снимаются, и старая истина, что преступность национальности не имеет, в этом регионе оправдывается как нигде. Для внутренних войск охрана общественного порядка, обеспечение безопасности — задача привычная, мы умеем её решать.

Силы и средства для этого у нас есть. Мы справляемся с задачами личным составом тех частей, которые дислоцируются здесь, в Северной Осетии. Опыт работы оперативных групп, создания войсковых группировок, если они потребуются, у нас тоже имеется.

★
Записал
Виктор БОЛТИКОВ
Фото автора

Победный марш. Колонна 58-й армии возвращается в пункт постоянной дислокации

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

Вдоль границы Северной Осетии на стратегических высотах расположены посты и секреты горного батальона владикавказской бригады внутренних войск МВД России

Заглушая Терек ревом без малого сорока моторов, гуманитарная колонна на Цхинвал покидает ещё не проснувшийся Владикавказ. Навстречу идут подразделения 58-й армии. Возвращаются домой.

Миновали Алагир, ставший на время прибежищем для тысяч беженцев. Дорога всё больше петляет, превращаясь в горный серпантин, порядком разбитый за последние дни бесконечными колоннами военной техники. Клубы пыли из-под колес "Уралов" оседают на редких деревьях по обочине. Зелень здесь давно стала седой...

Проезжаем большое село Мизур, разделённое надвое тоннелем. По обеим его сторонам посты. На руках солдат знакомые бело-красовые нашивки — наши, ВВ! До границы, до Рокского перевала — всё под нашей охраной.

К Бурну дорога становится всё уже. Скалы нависают прямо над колонной. Известно, что и в мирное время здесь всегда опасно — горные обвалы, осыпи, снежные лавины случаются нередко. А в эти дни уже было предотвращено несколько диверсионных актов.

На таможне, как на восточном базаре, царит суета. Старшие гуманитарных колонн, которых только в сторону Цхинвала здесь уже три, ругаются одновременно с пограничниками и с

Пост пограничной службы ФСБ России на границе усилен подразделением внутренних войск

таможней — каждый старается побыстрее доставить груз, каждый пытается, насколько это возможно, упростить порядок пропуска. Но на то он и порядок, чтоб его держать в строгости...

Обрывки фраз "Слушай, брат, у тебя сорок машин, а у меня всего восемь — пропусти!" — "Продукты, вода, медицина пойдут первыми..." — "В тоннеле не тормозить! Если мотор, не дай бог, заглохнет — тащите на буксире, да попустрей. В таком тоннеле пробка —

хана! Здесь вам не город, "здесь климат иной...", слышали?"

Эльза, заслуженная служебная собака (недавно она нашла бандитский схрон — гранатомёт, два заряда к нему и тротилловую шашку), внимательно посмотрела на нас своими большими умными глазами, повела чутким носом. Не углядев — не учув никакой опасности, она теряет к нам интерес...

Командир поста подполковник Ерёмин встречает нас у штабной па-

латки, приглашает в свою КШМку на чай. Решаем ехать в Цхинвал с завтрашней колонной, а ночь и утро до полудня провести на посту, пообщаться с нашим взвёзным народом на горной заставе.

Основные задачи поста: сопровождение колонн гуманитарных грузов до базы МЧС в Цхинвале и помощь пограничникам в осуществлении пропускного режима.

Поначалу была ещё одна проблема, с которой помогали справиться наши войска, — так называемые "добровольцы". Под шумок в Цхинвал пытались проникнуть и любители лёгкой наживы, и бездумные авантюристы, и... Да, были и диверсанты, пособники грузинских агрессоров. С 10 по 15 августа людской поток на Цхинвал достиг такой силы, что пограничники уже не в состоянии были справиться с ним. Обстановка всё более накалялась. Большинство действительно стремились на помощь братьям, у кого-то по ту сторону перевала оставалась родня. Многие были вооружены. Происхождение и принадлежность оружия установить было порою трудно. Унять человеческие страсти — ещё сложнее. Кто-то из "добровольцев" даже призывал применить оружие... против российских пограничников!

Вот тут-то и пришлось поработать нашим взвёзникам.

А с юга, с фронта, пытались просачиваться уже нагруженные чужим добром мародёры. Их вычисляли сотрудники милиции, пограничники, таможенники — по документам, по ха-

рактеру груза, по ухищрениям и повадкам...

На глазах наших солдат разворачивались и настоящие человеческие трагедии. Женщина, потерявшая в безумии первых дней войны свою трёхлетнюю дочь, сначала искала её в лагере беженцев в Алагире. Потом вернулась на таможенный пост и больше недели жила там, сутками встречая и провожая колонны, заглядывая в глаза сотням и тысячам людей. Спала прямо на улице, от солдатского крова отказывалась. Бродила молча... Только на третий день солдаты узнали её имя и

имя её дочери. И теперь уже сами пробегали каждую колонну в поисках девочки, не желая безучастно смотреть на чужое горе. Ребёнок так и не нашёлся, и женщина через неделю куда-то исчезла, оставив аккуратно свёрнутый спальник (солдаты ей подарили) у ворот КПП.

Такая вот история...

Проснулись мы в шесть утра. Зябко кутаясь в бушлаты, выходим из палатки. В лагере жизнь уже кипит. Подполковник Ерёмин назначает людей в сопровождение первой утренней колонны. Мы же отправляем-

Спасибо, Россия! Такие надписи можно встретить по всей Южной Осетии

Агрессоры не пожалели даже детские сады

ся на взводный опорный пункт у села Батикау, куда надо завезти запас продуктов.

Основная задача этого ВОПа – не допустить проникновения разведывательно-диверсионных групп на территорию Южной Осетии. Здесь три наблюдательных поста – по числу перевалов, контролируемых заставой. Командует здесь лейтенант Алан Бурацев. Хорошей дороги сюда нет. Продукты с Большой земли завозят на три дня. Горячую пищу готовят на заставе.

Делимся с командиром новостями: беженцы возвращаются в Цхинвал, над Рокским тоннелем найдены следы какой-то ДРГ, это заставило усилить охрану тоннеля и близлежащих высот. Но, конечно, главная новость, о которой говорит весь мир, – Россия

Подбитая грузинская техника была частью пейзажа Цхинвала и его окрестностей почти весь август

признала независимость Южной Осетии и Абхазии.

Оставляем ребятам все наши сигареты и, попрощавшись, вновь лезем в

кузов. Возвращаемся на главную для тысяч людей трассу, где уже стоит очередная колонна. Таможня даёт “добро”. Закидываем свои рюкзаки в кузов “Урала”. Впереди – Цхинвал.

Рокский тоннель – не просто внушительное дорожное сооружение. Это неизведанные прежде ощущения. Это символ единения севера и юга. Это пуповина, связывающая несломленный Цхинвал с великой Россией.

Стоит отъехать какие-то двадцать метров от арки Северного портала, как возникает ощущение, будто кто-то вдруг взял и отключил тебе все органы чувств. Сырой полумрак, рёв десятков двигателей многократно усиленный отражающимся от стен эхом, тяжёлый влажный воздух, наполненный выхлопом идущей колонны. Минуты, за которые проходим эти три с половиной километра, кажутся вечностью...

Выходим на ю! Нас встречает солнце...

Все, что осталось от казарм российских миротворцев

Сотрудники МВД Южной Осетии спасли многих жителей грузинских сёл. Однако правительство Саакашвили отказалось принимать своих граждан. Лишь только после вмешательства комиссара по правам человека Совета Европы Томаса Хаммарберга их удалось вывезти в Грузию.

– Кто она? – спросили мы у стоящего рядом с нашей машиной майора МЧС.

– Осетинка. Спросите лучше, кто они, – буркнул в ответ майор. И сам же ответил: – Это грузины. Когда грузинскую армию выбили из города, нам пришлось их тоже спасать. Осетины бы их просто разорвали. Надо сказать, есть за что.

– За что же? Это же мирные...

Мы подошли ближе и включили диктофон:

– Моя семья живёт на этой земле, пять поколений здесь жили. Здесь родились и я, и мои дети. Вы, наши соседи, называете нас, осетин, гостями на этой земле, но разве может гостить моя семья на этой земле веками? Чего вам не хватало? Я не могу понять! Сейчас страдают и наш, и ваш народы. Америка пообещала вашим политикам золотые горы – за что? Америке не нужен этот народ, им нужна земля, чтобы свои военные базы размещать. В этой войне наш народ грузинское войско стерло бы с лица земли, если бы не приехали наши братья – русские. Грузины бы нас всех поубивали!

Женщина вдруг умолкла. Она обвела вопросительным взглядом опустивших головы грузинских мужчин, потом подошла к нам.

– Вы журналисты? – Она увидела у нас фотоаппараты и диктофоны. – Напишите в свой журнал, что я скажу. Меня зовут Луиза. Ученики звали Луиза Георгиевна. Я учителем в школе была, пока её не разбомбили. Мой дом рядом с центральной площадью

Цхинвала. Мы всю войну были здесь, ни на сутки не покидали этот город. Мы никогда не думали, что будет такая война... Этот маленький народ, этот маленький город с самолётов бомбили, “Градами” бомбили. Мы сначала даже не поняли, что это за снаряды такие. Мы все были в истерике – самолёты бомбят, “Грады” летят. Кто успел, спрятались в подвалы...

Но всё это уже позади. Сегодня у нас праздник, долгожданный праздник, этот праздник мы ждали давно.

Огромное спасибо всему российскому народу, Медведеву, Путину. Русским солдатам, нашим спасителям, спасибо! Российский народ нас понял и поддержал в трудную минуту. Мы этот праздник будем праздновать пока хоть один осетин будет жить на этой земле. Надеемся, что у нас всё будет хорошо. Сейчас всё налаживается. Мы уже неделю ходим в школу, убираем. Нам помогают российские строители, и первого сентября наши дети пойдут в школу, как во всех российских городах...

Мы, в свою очередь, пожелали Луизе Георгиевне, всем её землякам, ученикам её школы прочного мира, процветания признанной республике с солнечным названием – Южная Осетия.

А гарант мира – наш солдат, за плечами которого – великая Россия.

★
Александр КУЗНЕЦОВ,
Алексей БУЛАКОВ
Фото авторов и
Сергея КУЗНЕЦОВА

**Генерал-лейтенант
Михаил МИНДЗАЕВ,
министр внутренних дел
Республики Южная Осетия:**

“БОЕВОЙ ДУХ МЫ НЕ ПОТЕРЯЛИ, БОЕГОТОВНОСТЬ СОХРАНИЛИ...”

В трудные для Южной Осетии дни на плечи республиканского МВД легло много задач.

После войны, после боёв, очень тяжёлых, кровопролитных боёв, психология у людей меняется, меняется очень быстро и, к сожалению, нередко в худшую сторону. Наши главные задачи – не допустить разгрома преступности, случаев мародёрства и других антиобщественных проявлений, обеспечить общественный порядок, безопасность.

Я могу с полной ответственностью и гордостью сказать, что

личный состав министерства внутренних дел Южной Осетии в самые сложные дни и часы, когда над каждым человеком буквально висела опасность смерти, сохранил и боеготовность, и организованность, и порядок. Именно сотрудники нашего МВД в кратчайшие сроки нормализовали обстановку в Цхинвале, в других населённых пунктах республики.

И в боевых действиях наши сотрудники показали себя отважными солдатами. Встретив сопротивление бойцов нашего ОМОНа, ретировались грузинские военные и по-

лицейские формирования, значительно превосходящие нас по численности и вооружению. Именно ОМОНам был сбит грузинский беспилотный самолет, который проводил разведку мест расположения российских войск.

Были случаи, когда наши солдаты и омоновцы выходили против грузинских танков и побеждали! Когда заканчивались противотанковые гранаты, они бросались на танки с автоматами, поражали пехоту противника и захватывали танки едва ли не голыми руками. Три таких танка Т-72, модернизированных в одной из стран Восточной Европы, были переданы Минобороны России.

Наши люди работают днём и ночью, чтобы поскорее выйти на доверенный уровень обеспечения безопасности населения. У многих милиционеров дома разрушены, жить нелегко, у кого-то погибли родные и близкие, есть у нас и раненые. Тем не менее, задачи, которые стоят перед нашим министерством, они выполняют достойно.

Не только как должностное лицо, но и просто по-человечески, побратски я выражаю благодарность всем сотрудникам МВД России, Минобороны, которые в трудный момент нас не бросили, спасли от геноцида, поддерживают и сейчас.

Что будет дальше? Независимость, которую мы приобрели, не даёт нам права на самоуспокоенность. Те задачи, которые мы выполняли, никто не отменит. Напротив, мы должны прилагать больше сил и усердия, больше ответственности за судьбу нашей республики.

Если в момент грузинской агрессии в задачу нашего МВД входила эвакуация всего населения, то теперь беженцев надо вернуть, принять. Сразу были организованы палаточные городки, которые и охраняются нашими силами. Ведём учёт беженцев и оставшегося населения. Даже когда ещё гремели взрывы недалеко от Цхинвала, наши сотрудники паспортно-визовой службы организовали восемь пунктов учёта граждан.

Мы, несмотря на те злодеяния, которые совершала грузинская сторона в отношении гражданского населения на нашей территории, не позволяли даже пальцем тронуть грузинских стариков, женщин, детей. Мы их защищали, кормили, предоставляли медицинскую помощь и потом, в установленном порядке, по согласованию с европейским комиссаром по правам человека передали грузинской стороне. Мы предложили им оставаться –

жить в домах, которые будут восстанавливаться. Хотите – живите! Но теперь здесь Республика Южная Осетия, не Грузия.

Большинство, конечно, уехали, но есть и такие, кто захотел остаться в Республике Южная Осетия. Я в глазах тех людей, которые оставались, видел только радость, видел надежду на будущее. По долгу службы мне приходилось ездить по грузинским сёлам, и я видел, в какой бедности там живут люди. На грузинский прожиточный минимум человек может прожить только три дня и то голодом.

С миротворческим российским контингентом мы взаимодействовали всегда очень тесно. Грузинская сторона не без помощи зарубежных покровителей и подстрекателей тщательно готовилась, чтобы скомпрометировать миротворческие силы до начала боевых действий. Какие только провокации они не выдумывали! И надо отдать должное стойкости, выдержке, мужеству российских миротворцев – они чётко выполняли свои обязанности, даже когда их в упор расстреливали грузинские танки.

Задача грузинским войскам была поставлена людоедская – стереть

с лица земли Цхинвал и все сёла, уничтожить мирное население. Не смогли!

О сегодняшней обстановке в республике можно сказать, как о больном человеке: обстановка пока стабильно тяжёлая, но перспективы хорошие.

А то, что сделала для нас Россия, вызывает, могу повторять это ещё и ещё, чувство искренней благодарности.

★
**Записал
Роман ДУРКАЧ**
Фото автора

АЛЬМА-МАТЕР ОФИЦЕРОВ-ВОСПИТАТЕЛЕЙ

На скромный особняк незамысловатой архитектуры на Садово-Кудринской улице редко обращают внимание москвичи и гости столицы. Но воспоминания о нём согревают сердца нескольких поколений офицеров и генералов: именно здесь вот уже тридцать лет размещается факультет внутренних войск МВД России Военного университета...

Его первым начальником стал полковник (впоследствии – генерал-майор) Евгений Белов, до этого возглавлявший отдел пропаганды и агитации политуправления внутренних войск МВД СССР. Под руководством Евгения Ивановича создавалась необходимая учебно-материальная база, разрабатывались учебные программы, налаживались деловые связи с руководством академии и командованием внутренних войск.

В 1987 году генерала Белова сменил полковник Сергей Митягин, которому довелось руководить факультетом в эпоху больших перемен. С распадом страны рушилась и система воспитательной работы в войсках. Тогда в обществе преобладало мнение, что с крахом коммунистической идеологии полностью отпадёт необходимость и в офицерах-политработниках.

По-другому думали руководители внутренних войск, в частности заместитель главнокомандующего внутренними войсками генерал-лейтенант Станислав Кавун. Во многом благодаря его твердой принципиальной позиции по этому вопросу в войсках удалось сохранить институт офицеров-воспитателей. А значит, продолжить и подготовку профессионалов для этой структуры в стенах академии.

За тридцать лет существования факультета обучение на нём прошли более тысячи офицеров, 47 из них закончили вуз с золотой медалью, 176 был вручен диплом с отличием. Полученные в процессе обучения знания по общегуманитарной, общенаучной и военной подготовке дают возможность выпускникам факультета качественно решать любые задачи служебно-боевой деятельности внутренних войск, и как следствие этого – достигать значительных высот в службе.

Среди тех, кем по праву гордится факультет, заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России по работе с личным составом генерал-лейтенант Сергей Топчий, начальник управления кадров ГКБВ МВД России генерал-лейтенант Петр Ермаков, командующий войсками Се-

веро-Западного регионального командования генерал-лейтенант Павел Дашков, командующий войсками Восточного регионального командования генерал-майор Виктор Стригунов, заместители командующих войсками региональных командований по работе с личным составом генерал-майор Виктор Зелёный, полковники Владимир Рыщук, Николай Рябчиков и Николай Долонин, генералы Борис Сиренко, Владимир Власко и Юрий Денисенков, чья служба во внутренних войсках уже закончилась.

Обладая глубокими теоретическими познаниями и практическим опытом службы в войсках, преподаватели факультета и его слушатели вносят немалый вклад в развитие военной науки. За тридцать лет ими было защищено 49 диссертаций по наиболее актуальным проблемам жизни войск, 50 офицеров окончили адъюнктуру.

Военно-научная работа на факультете направлена не только на теоретические исследования, но и на поиск решения практических вопросов, ежедневно возникающих в воинских коллективах при выполнении ими служебно-боевых задач. Профессорско-преподавательский состав и офицеры, обучающиеся на факультете,

традиционно участвуют в разработке основополагающих руководящих документов для внутренних войск. Они входили в состав рабочей группы, которая готовила «Наставление по морально-психологическому обеспечению деятельности внутренних войск» – базовый документ, в соответствии с которым сегодня выстраивается вся воспитательная работа в войсках правопорядка. В настоящее время на факультете близится к завершению работа над «Руководством по организации информационно-воспитательной работы во внутренних войсках».

При разработке документов, составляющих научно-методологическую базу практической деятельности по организации морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности войск, на факультете решается ещё одна важная задача: анализируется и синтезируется передовой опыт, накопленный в соединениях и воинских частях. Слушатели, приезжающие на учебу из разных регионов страны, охотно делятся своими наработками в области воспитания военнослужащих.

Особенно востребован и актуален опыт, приобретённый войсками в ходе выполнения задач в горячих точках. Для многих слушателей и преподавателей факультета это ещё и личный опыт: в контртеррористических операциях на Северном Кавказе участвовали нынешний начальник факультета полковник Александр Мурыгин, начальники курсов полковники Владимир Масный и Дмитрий Худы, многие преподаватели и более семидесяти процентов нынешних слушателей факультета, большинство из которых отмечены государственными наградами. Немало награждённых и среди выпускников факультета прошлых лет. Одному из них – выпускнику 1999 года майору Никите Кулькову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Большие учебные нагрузки и объем знаний, который необходимо дать слушателям за два года, задают всему коллективу напряжённый ритм работы. На высоком методическом уровне проводят лекции, семинары, практические занятия преподаватели различных дисциплин, многие из которых сами являются выпускниками факультета: доктор философских наук, профессор полковник Анатолий Деникин, кандидаты педагогических наук подполковники Евгений Федак и Сергей Грибов. После реорганизации, прошедшей в Военном универ-

ситете в 2000 году, в состав факультета входит кафедра тактики (оперативно-использования) внутренних войск, которую возглавляет кандидат исторических наук полковник Павел Смирнов. Более чем двадцатилетний стаж работы имеют старший преподаватель кафедры полковник запаса Виктор Валуев и кандидат военных наук полковник запаса Анатолий Гришаев.

Наряду с преподавателями университета занятия со слушателями проводят офицеры разведуправления, управления боевой подготовки, управления по работе с личным составом Главного командования и Центрального регионального командования внутренних войск МВД России, Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск. Такое общение с офицерами-практиками дополняет теоретические знания, получаемые слушателями в стенах учебного заведения, положительно сказывается на уровне их общей подготовленности, позволяет постоянно чувст-

вовать связь с войсками, быть в курсе их злободневных проблем и решаемых задач. С этой же целью проводятся и выездные занятия слушателей в частях и соединениях внутренних войск. Эту форму обучения руководству факультета удалось сохранить, несмотря на значительные трудности, связанные с организацией подобных выездов. В настоящее время совместно с командованием внутренних войск прорабатывается вопрос о возрождении в учебных планах месячных войсковых стажировок для слушателей факультета.

В настоящее время совместно с командованием внутренних войск прорабатывается вопрос о возрождении в учебных планах месячных войсковых стажировок для слушателей факультета.

Факультет внутренних войск сегодня единственный в Военном университете, на котором остался такой вид занятий, как командно-штабное

учение. При его проведении слушатели исполняют обязанности не только командиров, но и предусмотренные для офицеров структур по работе с личным составом в звене полк-бригада. В течение трёх дней они на общем оперативном фоне практически отрабатывают вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности воинской части в той или иной конкретной ситуации. Кроме того, слушатели факультета приглашают на аналогичные или более масштабные командно-штабные учения в Общевойсковую академию Вооружённых сил Российской Федерации.

За тридцать лет дважды менялось название вуза, в составе которого действует факультет, вводились новые специализации. Но незыблемым оставалось качество подготовки военных специалистов и руководителей для внутренних войск, сохранялись и неуклонно наращивались его научный потенциал, крепились и множжились традиции.

Сегодня выпускников факультета можно встретить во всех регионах страны. Они успешно служат и как педагоги в военных вузах, и как офицеры-практики: заместители командиров различного уровня по работе с личным составом – от полков до региональных командований, и как помощники командиров по правовой работе.

Тридцатилетняя история факультета свидетельствует: его питомцы способны решать многоплановые задачи любого уровня сложности, год от года приумножая славу своей альма-матер.

★
Майор Вадим ВИННИК
Фото Сергея КОРЕЦА

СТУПЕНИ РОСТА БРАТЬЕВ ТИМОФЕЕВЫХ

Не секрет, что роль офицеров-воспитателей в войсках некоторые командиры считают второстепенной. Так же полагали и выпускники Новосибирского института внутренних войск братья Артём и Максим Тимофеевы, когда прибыли командовать взводами в одну из учебных частей Сибирского регионального командования. Однако вскоре молодых офицеров назначили на должности заместителей командиров рот по работе с личным составом. Тогда их мнение о значении воспитательной работы кардинально изменилось. Попробовав "хлеб" замполита, Артём и Максим убедились, что без навыков воспитателя и знания методики работы с подчинёнными им будет сложно в последующем стать хорошими командирами.

Когда в 1981 году выпускника Новосибирского военного командного училища внутренних войск МВД СССР лейтенанта Игоря Тимофеева оставили служить в родном вузе, он и не думал, что свяжет с ним всю свою жизнь. В военном городке на Ключ-Камышинском плато получил квартиру. Вскоре семья приросла сыновьями-погодками Артёмом и Максимом.

Тимофеев командовал курсантским взводом, ротой, был курсовым

офицером. Как и подобает командиру подразделения, постоянно находился с подчинёнными: вместе с ними сбивал сапоги на училищном плацу, часами пропадал на спортплощадке, по колено в грязи совершал марш-броски в учебный центр. И повсюду старался брать с собой сыновей. "Пусть, — размышлял Игорь Евгеньевич, — мальчишки лишний раз на турнике подтянутся, автомат в руках подержат, чем на улице балдугонять будут".

Вот так под музыку военного оркестра, строевые песни и грохот учебного боя росли братья Тимофеевы. Шло время. В начале 90-х военное училище преобразовали в институт, а Тимофеев-старший перешёл на преподавательскую работу. Сначала учил курсантов тактике, а после окончания юридической академии возглавил кафедру уголовного и гражданского права.

В 2000 году Артём заканчивал школу. Всей семьёй Тимофеевы ре-

шали, какую профессию выбрать сыну.

— Как ни странно, но отец не настаивал, чтобы я непременно стал офицером, — вспоминает Артём подробности того семейного совета. — Как только я завёл разговор о том, что военным сейчас быть не престижно и офицерские погоны вряд ли обеспечат мне достойную жизнь, отец лишь улыбнулся, посмотрел на меня искоса и спокойно ответил: "Не хочешь быть военным, не надо".

Честно говоря, такая позиция отца меня удивила. Ведь она принципиально отличалась от точки зрения других папаш-полковников из нашего института, которые даже не спрашивали мнения сыновей относительно их будущего и рубили с плеча: мол, считай как хочешь, а учиться всё равно будешь здесь!

После того разговора Артём всерьёз призадумался: что же делать? С одной стороны, поступать в гражданский вуз — значит начинать новую жизнь, полную неожиданностей, в то время как военные будни ему знакомы с детства. С другой — ему не хотелось прерывать семейную династию Тимофеевых: как-никак, дед всю жизнь отдал службе в органах внутренних дел, бабушка — майор милиции, отец — полковник, мать — прапорщик. После долгих раздумий Артём все же решил и вскоре уже примерял курсантские погоны. А через год по проторённому Артёмом пути пошёл Максим.

Мы сидим в канцелярии одной из рот омского учебного полка, куда по распределению попали братья Тимофеевы. На подоконнике пытит старенький самовар, на столе — вазочка с любимым маминим вареньем: баночку со сладким деликатесом собственного производства она передала сыновьям через их друзей по новосибирскому вузу.

Интересуюсь, почему всё-таки Омск? Оба ведь окончили военный институт с золотой медалью, имели право выбрать любое место службы.

— Поначалу, конечно, подмывало уехать куда-нибудь в Центральный регион, — рассказывает Артём. — Но потом хорошенько подумал, посоветовался с отцом и решил остаться в роднине, в Сибири.

Приехал в управление Сибирского округа внутренних войск, представился начальнику отдела кадров.

Он спросил: "Где готов служить?" Ответил: "Куда направите, туда и поеду!"

Предложили должность в северском соединении по охране ВГО. Но когда я уже паковал чемоданы, мне позвонили и сказали, что служить буду в Омске.

Ехал сюда, немного переживал: вдруг не справлюсь, как-никак учебный полк — кузница младших командиров. Благо с нашего выпуска в часть попало пять человек. Первое время мы поддерживали друг друга. Трёх из нас назначили командирами взводов в одну роту, и это тоже помогло в становлении. Командир роты, замполтех и "замполит" выручили, подсказали, с чего начинать. Да и старшина роты здорово помог: обеспечил всем необходимым, а главное — жильё подыскал.

А спустя год омский учебный полк встречал Тимофеева-младшего.

Приукрашивать своё офицерское становление ни Артём, ни Максим не стали. Наоборот, охотно рассказали о первых трудностях.

— Полк у нас учебный, поэтому и специфика в нём своя, — рассказывает Артём. — Даже конспекты для проведения занятий с курсантами отличаются от тех, что мы составляли во время стажировок в частях по охране ВГО. Но ничего, втянулись. Изучили приказы, освоили технику. Я, например, попал в роту по подготовке водителей БТРов. А какой из меня водитель, тем более бронетранспортёра? Предмет такой в институте был, только вот изучали мы его больше теоретически. Практиковаться пришлось уже на месте. Сначала сам хорошенько изучил матчасть боевой машины и освоил вождение, а уже потом курсантов натаскивал.

Начальство оценило способность лейтенанта Артёма Тимофеева сплачивать вокруг себя людей, и уже через полгода командир полка предложил ему должность заместителя командира роты по работе с личным составом.

— Честно говоря, от такого предложения я сначала растерялся, — продолжает он. — Не рановато ли, думаю. Набрал номер отцовского мобильного, объяснил ситуацию. В ответ слышу: "В армии, сынок, вышестоящую должность два раза не предлагают. Раз откажешься, второго может и не быть. Понимаю, будет тяжело, но ты не опускай руки, работай..."

И он работал. Сутками пропадал в казарме, старался как можно быстрее освоить новое для себя дело. Большую помощь в то время оказал ему заместитель командира полка по работе с личным составом подполковник Владимир Тюменцев. Офицер с 25-летним стажем воспитательной работы научил Артёма многому, а когда увольнялся в запас, подарил ему свою рабочую тетрадь. В ней — ценные методические рекомендации по морально-психологическому обеспечению службы личного состава.

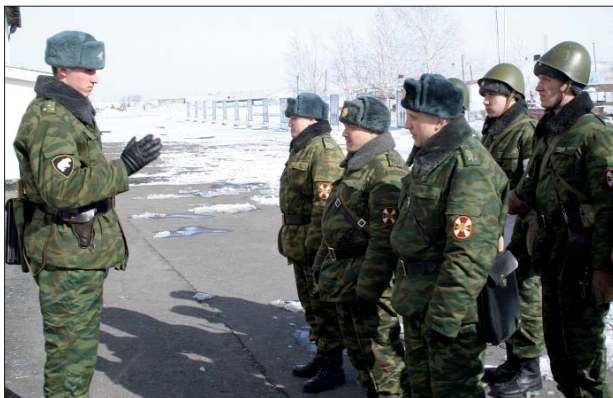
— Тетрадь эта — настоящий кладёз знаний, — говорит Артём. — Сколько я почерпнул из неё нужного, необходимого! Чего греха таить, до той поры я считал роль офицера-воспитателя в войсках второстепенной, не самой важной. Ох и ошибался я! Ведь выполнение практически любой задачи зависит от настроения человека или людей, которым она поручена. Если коллектив дружный, готовый всем миром добиваться поставленной цели, то горы можно свернуть. А если нет настроения, то и работать личный состав будет без охоты. А для этого, в свою очередь, к каждому солдату надо найти индивидуальный подход, вникнуть в их проблемы, стать им не только командиром, но и старшим товарищем, наставником.

— Вот только жаль, к военной службе курсанты привыкают очень тяжело, — вздыхает Артём. — И это не вина их, а беда. Так людей воспитали в детском саду, в школе, в семье. Сейчас ведь как размышляют на гражданке: сумел закосить от армии — ты на коне, не получилось — вставай в армейский строй. В моей роте сначала было всего лишь несколько парней, которые искренне хотели служить. Гораздо больше тех, кто всячески отлынивал от службы и старался переложить свои обязанности на других. Вы пройдите по городу, посмотрите на молодых людей, которые завтра встанут в строй: пустой взгляд, оружие надушилки, банка пива в руках, сигарета в зубах. Неудивительно, что уже на первых занятиях по обществу-государственной подготовке выясняются их недостаточные знания в, казалось бы, элементарных вопросах. Ни Флага, ни Гимна России они не знают, фамилию действующего президента ещё могут назвать, а кто был до него — ни в зуб ногой.

Со знанием истории ситуация просто критическая. Спрашиваю

курсантов: "Когда началась Великая Отечественная война?" Они весь календарь перебрали, но правильной даты так и не назвали. Более того, выяснилось, что даже год начала войны из всей учебной группы знали всего лишь четверо курсантов. Чем дальше в лес, тем больше дров. Как, интересно, сейчас называется бывший город Сталинград? В ответ сплошная паника: Белгород, Воронеж, Ленинград...

Пришлось по подшефным школам проехаться, подобрать нужные учебники и вместе с курсантами ещё раз вспомнить этапы развития нашей страны.

Артём Тимофеев на занятиях с подчинёнными

— Пока мой брат с курсантами историей занимался, я со своим взводом географию штудировал, — вспоминает своё первое занятие по ОПГ Тимофеев-младший. — Готовился к нему целую неделю, изучил методическую литературу, полистал газеты, ни один выпуск теленовостей не пропустил — мало ли о чём меня могут спросить?

И вот — начало занятия. Знакомлюсь с курсантами, поднимаю одного из них, спрашиваю:

— Откуда, товарищ курсант, родом?

— С Урала, — отвечает.
— А ну-ка покажи на карте свой город, — прошу его и даю указку.

Подожёл он к карте, тупо на неё посмотрел и тычет куда-то в район Подмосквы.

— Хорошо, — говорю, — а покажи-ка нам город Санкт-Петербург.

И снова неуязвка — указка ткнулась в Кавказский хребет.

Уже через месяц моих подчинённых было не узнать, каждый из них мог показать любой город от Калининграда до Камчатки.

А тот парень с Урала уже после выпуска подошёл ко мне, с улыбкой вспомнил давнее занятие, поблагодарил и пошутил, что после учебки ему вপুরе доктором географических наук становиться...

"Замполитом" Артём Тимофеев был недолго. Осенью его вызвал командир полка и предложил принять роту. Вспомнив мудрые слова отца, он согласился. Сейчас офицер командует ротой по подготовке командиров отделений для спецподразде-

Наш разговор продолжился на следующий день в учебном центре, куда вместе с подчинёнными братья Тимофеевы прибыли на полевой выход. До окраины Омска курсантов довезли на машинах, затем при полной выкладке они совершили 5-километровый марш-бросок. Первый километр будущие младшие командиры держались бодро, на втором и третьем явно подустали, а уже ближе к финишу силы их иссякли, и некоторые повалились на землю. "Хиляков" тут же подхватывали сослуживцы и тащили на себе вплоть до учебного центра.

— К счастью, таких доходит у нас единицы, — рассказал Максим, — основная часть курсантов дружит со спортом, и в этом мы им активно помогаем. Я сам кандидат в мастера спорта по офицерскому многоборью, поэтому знаю, как за короткое время развить во вчерашних школьниках силу и выносливость. Бывает, приходит к нам молодёжь, начинаешь проверять их физические данные и диву даёшься: на турнике ни разу подтянуться не могут, а побегут три километра — валятся с ног уже на полпути.

Поначалу их чуть ли не из-под палки приходилось загонять на спортгородок, а потом смотрю, курсанты втягиваются, сами приходят на стадион мяч погонять, штангу тягают, на турнике занимаются.

К выпуску их было просто не узнать: двенадцать раз подтянуться на турнике — норматив на "отлично" — пожалуйста, пробежать стометровку или трёхкилометровый кросс — нет проблем. Одновременно со спортивными достижениями у них появились твёрдые знания по другим предметам обучения, парни становились подтянутыми, более дисциплинированными. Такое вот получается воспитание через спорт...

Пока мы беседовали с Максимом, его брат внимательно наблюдал, как курсанты устанавливают палатки. К одной из них подчинённые лейтенанта Тимофеева проявляли особое внимание: бережно нагибали брезент, расставляли внутри столы, развешивали наглядную агитацию. Это переносная комната информирования и досуга, где в свободное от боевой учёбы время будущие сержанты смогут написать письмо домой, поиграть в шахматы или шахматы. На столе — подшивки журналов "На боевом посту" и "Братишка", рядом — га-

Братья Тимофеевы в перерыве между занятиями

реакция у них одна — мол, далеко это, нас не касается. И только когда слышат фамилии осуждённых или травмированных военнослужащих нашего объединения, становятся более серьёзными. Вместе с заместителем по работе с личным составом старшим лейтенантом Павлом Зенковым (сейчас он командует ротой, где "замполитом" Максим) мы прикину-

зеты "Красная звезда" и "Ситуация". На разборном стенде — свежий выпуск боевого листка с фамилиями курсантов, отличившихся во время марш-броска, и красочная открытка с поздравлениями тому, чей день рождения совпал с началом полевого выхода. В углу — импровизированная сцена с гитарой и стареньким аккордеоном.

Обойдя свои владения, Артём прямо на ходу провёл пятиминутку с активом воинского коллектива и набросал примерный сценарий предстоящего после ужина концерта участников ротной самостоятельности.

Узнав, о чём мы говорили с Максимом, он с удовольствием продолжил близкую для него тему воспитания курсантов.

— В воспитательном процессе очень многое зависит от отношения к делу командира подразделения и его заместителей, — со знанием дела начал Артём. — Даже к профилактике травматизма и доведению приговоров военных судов до осуждения военнослужащих можно подойти нестандартно.

Как-то я подметил, что, когда курсантам рассказываешь о преступлениях и происшествиях, совершённых солдатами и сержантами, к примеру, из Центрального или Восточного региональных командований,

Семья Тимофеевых

ли, отчего так происходит, и решили на каждом занятии рассказывать курсантам о наиболее острых негативных фактах из практики нашей части. Пусть, думали мы, они учатся на ошибках нерадивых однополчан.

Служил в нашем полку солдат-сантехник. Дисциплинированный, исполнительный. Сразу и не скажешь, что когда-то он самовольно оставил часть и несколько дней находился в бегах. Благо хватило ума вовремя одуматься и вернуться в полк. Через пару месяцев солдата осудили военным судом и отправили в дисциплинарный батальон. Его товарищи были давно дома, когда он возвратился в часть и продолжил нести службу. Солдата как подменили: трудился не покладая рук, всерьёз занялся спортом, а в часы досуга частенько рассказывал курсантам "страшилки" о несладкой дисбатовской жизни.

— Через месяц-другой мы поняли, что идём в правильном направлении. Примеры из полковой жизни заставили многих курсантов пересмотреть своё отношение к службе, — не без гордости говорит Артём. — Выходит, цели своей мы с "замполитом" достигли.

Во время нашего разговора к офицерам то и дело подходили сержанты. Что-то докладывали, получали очередную задачу, затем снова шли с докладом о её выполнении. Чувствовалось, в этом плане Тимофеевым повезло, помощники у них сильные, командиры не подведут.

Артём быстро уловил ход моих мыслей:

— Как видите, сержанты у нас отличные, во всём на них можно поло-

житься, доверить самую ответственную задачу. При этом заметьте, что все они — срочники.

По-моему мнению, главное, чему должен научиться курсант, это работать с людьми. Ведь, с одной стороны, сержант — главный помощник офицера, а с другой — самый первый командир солдату. Кто, если не командир отделения, должен стать бойцу не просто непосредственным начальником, а наставником, товарищем? Не только знать его имя-отчество, когда и где родился, но и постоянно быть в курсе его семейных дел, писать ли парню его девушке... Словом, завоевать у подчинённых доверие, научиться понимать каждого из них. И естественно, учить солдат личным примером, по принципу "Делай, как я!", а не "Делай, как я сказал!".

Братья Тимофеевы знают, о чём говорят. За свою недолгую офицерскую службу они подготовили десятки толковых сержантов, что наглядно подтверждают положительные отзывы из частей, где служат их недавние курсанты. Одни попали в спецназ и великолепно показали себя в боевой обстановке в Чечне, другие стали контрактниками, а третьи без проблем поступили в военные вузы и вскоре пополняют офицерский корпус внутренних войск. Ни Артём, ни Максим не сомневаются, что за этих офицеров им не будет стыдно.

**Подполковник
Сергей ПОРТНОВ**
Фото автора
и из семейного
альбома ТИМОФЕЕВЫХ

СВЯТОЕ БРАТСТВО 101-й БРИГАДЫ

...На Поклонной горе разошёлся, разгулялся ветер-лиходеи. Постояишь с полчаса на таком ветрище – и бьёт озноб. Ёжятся редкие прохожие, озябшими руками натягивают на головы кашпоны, ускоряют шаг. Прогноз погоды в Москве неутешительный: “6 августа переменная облачность, ожидаются осадки в виде дождя, шквальный ветер, максимальная температура – 13 градусов выше нуля”.

А 6 августа 1996 года в Прозном было жарко. Боевики ворвались в город, заявили о своих намерениях ухающими выстрелами гранатомётов, грохотом автоматных очередей. Они обложили КПП и блокпосты, упрямо призывали солдат и офицеров сдаться в плен... Земля содрогалась от разрывов снарядов, горела и плавилась броня, а блокированные военнослужащие не сдавали своих позиций бандитам, отчаянно оборонялись, остервенело отстреливались... В тот день на подмогу окружённым боевиками омонивцам вышла бронегруппа разведбата 101-й особой бригады оперативного назначения. Разведчики и спецназовцы вязались в бой и оттянули основные силы противника на себя. Комбат капитан Олег Визнюк принял решение вывести из кольца окружения убитых и раненых, а сам остался прикрывать отход. Мужественный офицер не вышел из боя... На скорбном небосклоне зажглась Звезда Героя России.

Сколько случаев самопожертвования бережно хранят страницы летописи кровопролитной чеченской войны? Не счесть. Сколько светлых, благородных традиций родилось на этой страдальце-земле? Солдаты 101-й бригады перед дембелем договорились каждый год 6 августа встречаться на Поклонной горе в Москве. Поминать комбата Олега Визнюка и погибших товарищей. Тот день стал последним ещё для 26 спецназовцев и разведчиков.

...Колючий ветер – не помеха для тех, кто, надев ордена и медали, пришёл на Поклонную гору в августе две тысячи восьмого. Ветераны 101-й бригады верны памяти о погибших. Они собираются здесь уже 12-й год подряд.

– Каждый год жду этой встречи, готовлюсь к ней с волнением, – говорит подполковник медицинской службы Владимир Васильев. – В этом году пришёл вместе с сыном Мишей. Пусть он воочию увидит, что такое боевое братство. Я привёл его в нашу общую семью. Ведь мы все понимаем, что служба в бригаде стала судьбой, за эти годы прикипели друг к другу сердцем.

Подполковник медицинской службы Евгений Белов с супругой Еленой приехали в Москву из Самары.

– Мы в первый раз на этой встрече, – рассказывает офицер. – Из Интернета узнал, что на Поклонной горе 6 августа собираются однополчане. На одном из сайтов увидел фотографию ребят, сделанную здесь около храма, и подумал: приеду обязательно. Всё было разом вспомнилось, и так захотелось увидиться с братишками! В этом году специально взял отпуск в августе, и вот мы здесь.

Старший преподаватель кафедры военной гигиены Самарского военно-медицинского института на практике знает, что такое военно-полевая хирургия. В августе 96-го врач-ординатор операционно-перевязочного взвода лейтенант Белов вытаскивал раненых с того света, оперируя их в непригодных для этого условиях в пункте временной дислокации.

Сейчас он по-мужски крепко обнимает полковника Константина Постникова.

– Тот герой в 96-м был капитаном, – с радостью в голосе обращается к нему Белов. – Уже 6 августа требовалось срочно эвакуировать раненых из бригады. На следующий день создали штурмовую группу, во главе которой он шёл впереди колонны. В городе, где, казалось, стреляет каждое дерево, огирается огнём каждый дом, свинцовый град пуль рвётся из каждого переулка, ребята прокладывали нам путь и вызывали огонь боевиков на себя. Это они сберегли нас, только благодаря их мужеству колонна добралась до Ханкала. Да что там, в дни штурма Прозного Постников вытянул на себе с поля боя 18 тяжёлых раненых! Рисковал, но лез в самое пекло.

...В этом году не смог выбраться на встречу однополчан замполтех бригады майор Виктор Ткаченко. Но здесь его сын Данила. Лейтенант Ткаченко стоит в новенькой офицерской форме, он пошёл по стопам отца и окончил Военный университет Министерства обороны. Авианаблюдчик капитан Виталий Борисов пришёл вместе с сыном Артёмом. Офицер о чём-то оживлённо разговаривает с полковником запаса Владимиром Кочергиным, автором и исполнителем военных песен. По традиции все собравшиеся у монумента Георгия Победоносца ждут командира бригады, ныне генерал-лейтенанта Юрия Завизионова.

– Командир идёте! – Первым увидел комбрига подполковник медицинской службы Васильев. – Стройся! – звучит его чёткая команда.

В одном строю – подполковник Андрей Головатый, капитан Дмитрий Кузнецов, прапорщики Бадри Парулава и Константин Барабашкин, рядовой Алексей Горюшко.

Юрий Завизионов здоровается за руку с каждым. Воспоминания... Воспоминания... И столько искренней радости и теплоты в глазах людей, что, кажется, даже ветер стихает на Поклонной.

По традиции все идут в храм, где ежегодно проходит панихида по погибшим товарищам. Застыли в скорб-

ном молчании полковники Сергей Дубецких и Борис Тюрин, подполковник Сергей Буталенко, подполковник медицинской службы Елена Хилько, старшина запаса Галина Копышева, рядовой запаса Роман Солдатов.

Среди людей, в руках которых поминальные свечи, сын комбрига Александр Завизионов. Уже по дороге из храма он, ныне “замполит” роты прославленной Отдельной дивизии оперативного назначения, делится впечатлениями:

– Помню, когда отец уехал на войну, мы смотрели все новости по телевизору, ловили любую информацию из Чечни, очень за него переживали.

Молчит домашний телефон, а я жду, и так хочется услышать родной голос. А когда папа звонил, для меня, десятилетнего мальчишки, это была самая большая радость. Наверное, не нужно говорить, почему я выбрал профессию военного. Для меня всегда примером был отец – человек слова, честный, порядочный, справедливый.

Двенадцать лет спустя встречи на Поклонной горе стали большим, чем воспоминания о былом людей, прошедших через горнило войны. Это и дань памяти погибшим, и, что очень важно сегодня, продолжение традиций, заложенных в суровом августе 96-го. Но любой человек, даже если он Ге-

рой с большой буквы, нуждается в защите общества. Жизнь ветеранов чеченской войны может стать более комфортной и благополучной. Они должны ощущать заботу государства и знать, что не забыты в своём Отечестве. Об этом долгое время думал генерал-лейтенант Юрий Завизионов. Сегодня комбриг пришёл на Поклонную гору вместе с заместителем председателя Общероссийской общественной организации “Инвалиды войны в Афганистане” Михаилом Кибаклиным.

На общем собрании, прошедшем в Зале воинской славы, Юрий Гаврилович внёс предложение объединиться в общественную региональную организацию “Боевое братство ветеранов 101-й особой бригады оперативного назначения”. Ветераны должны быть вместе не только в святой для них день 6 августа. Неформальные встречи будут организованы и подготовлены заранее. Это даст замечательную возможность встречаться чаще, быть ближе друг к другу, знать о нуждах и проблемах каждого, чтобы вовремя прийти на помощь.

– Товарищ генерал, вы с нами? – задает риторический вопрос рядовой запаса Алексей Горюшко.

– Конечно, – ответил Завизионов.

– Тогда голосуем... – уверенно сказал Алексей.

Так 6 августа 2008 года появилась на свет уникальная общественная организация, созданная ветеранами внутренних войск.

– Есть много вещей, которые нас объединяют, – в свою очередь, сказал Михаил Кибаклин. – Конечно же, это боевое прошлое и память. Но сегодня многие ветераны нуждаются в поддержке. Они должны знать свои права. Ветераны и инвалиды чеченской войны, а также их дети в возрасте до 14 лет могут получить бесплатные путёвки в Центр восстановительной терапии имени М.А. Лиходеева, расположенный в подмосковном городе Руза. Этот санаторий отведен в безвозмездное пользование ветеранам Афганистана. Мы готовы тесно взаимодействовать и помогать вам.

На моих глазах зарождалась новая традиция. Я думаю, что этот день станет историческим не только для ветеранов 101-й бригады. Событие обязательно найдёт отклик в войсках. А мы на страницах журнала непременно будем сообщать вам об этом.

★
Капитан
Елена ЖАРНИКОВА
Фото Илья АНТОНЮКА

НАВСТРЕЧУ 200-ЛЕТИЮ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ – БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ

6 июля 1927 года в войска поступило циркулярное письмо политуправления РККА и ОГПУ "Об усилении бдительности в связи с обострением международного положения".

В документе говорилось: "Обостряющееся международное положение СССР вызвало одновременно оживление деятельности белогвардейских организаций внутри страны". Тон письма был тревожным, а строки текста призывали воинов к бдительности и нацеливали на самоотверженную борьбу с усилившимися проявлениями политического бандитизма.

В это время в стране, особенно на её окраинах, активизировались многочисленные антисоветские вооружённые формирования, в которые вступали недовольные советской властью. Всплеск бандитизма пришёлся на конец 20-х – начало 30-х годов, когда повсеместно началась сплошная коллективизация на селе.

В это время борьба так называемого кулачества против колхозов приняла исключительно острые формы. Бандиты убивали партийных и советских активистов, председателей колхозов и сельсоветов, уничтожали скот, сжигали амбары с хлебом. Только в Нижневолжском крае были раскрыты более тридцати антисоветских организаций и около двухсот вооружённых группировок. Активное участие в подавлении и ликвидации бандитизма принимали части и подразделения внутренних войск.

Так, например, на Дальнем Востоке реальную угрозу представляла так называемая "Толонгуйская бригада", состоящая из бывших белогвардейцев и местных жителей, не принявших советскую власть. Банда прекратила своё существование после того, как в её ликвидации приняли участие подразделения 2-го Дальневосточного кавполка войск ОГПУ.

В конце 1927 года сводный отряд этого полка в лютый мороз ликвидировал банду бывшего полковника Попова,

которая не один год терроризировала население Якутии. В бою смертью храбрых погибли три бойца-чекиста – комвзвода В. Реут, красноармейцы Н. Иваненков и А. Потанин. Приказом ОГПУ от 4 марта 1929 года имена героев впервые в истории Советских Вооружённых сил были навечно зачислены в списки полка.

Особую опасность для советской власти представляло басмаческое движение, развернувшееся на территории Среднеазиатских республик. Прячась среди барханов, басмачи совершали внезапные разорительные налёты на колхозы, грабили мирных граждан, убивали партийных и советских работников, военнослужащих, чекистов, милиционеров.

В боях с басмачами воины-чекисты проявляли чудеса храбрости, героизма и верности воинскому долгу. Например, в Красноводском районе Туркестана небольшой отряд 85-го отдельного дивизиона войск ОГПУ численностью 44 человека трое суток бесстрашно сражался с бандой, насчитывавшей более 400 басмачей. Однако силы были слишком неравными, все бойцы-чекисты погибли смертью храбрых. Но и бандиты недосчитались в своих рядах более сотни штыков.

В 1932 году была проведена широкомасштабная чекистско-войсковая операция по ликвидации басмачества в Туркмении. В боевых действиях приняли участие 11-й Хорезмский, 18-й Мервский и 19-й Ферганский кавполки войск ОГПУ. Басмачи ожесточённо сопротивлялись, но с помощью местного населения оперативные отряды нанесли сокрушительный удар по бандформированиям.

За мужество и героизм, проявленные в боях с басмачами, десятки военнослужащих внутренних войск были отмечены орденами и медалями. Среди них красноармеец 11-го Хорезмского полка Р. Панченко, первым среди воинов-чекистов удостоенный ордена Ленина...

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
Сентябрь

В этом месяце:

2 сентября

• День Российской гвардии. Во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. за массовый героизм, мужество и высокое воинское мастерство, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, звания гвардейских были удостоены четыре стрелковые дивизии Красной Армии – бывшие соединения войск НКВД.

2 сентября

• 1978 г. – В Военно-политической академии имени В.И. Ленина (ныне – Военный университет МО РФ) образован факультет внутренних и пограничных войск, готовящий в настоящее время офицеров по специальности "морально-психологическое обеспечение служебно-боевой деятельности внутренних войск" с высшим военным образованием.

3 сентября

• День солидарности в борьбе с терроризмом, установленный в память о трагическом событии – захвате террористами школы в Беслане в 2004 году.

8 сентября

• День воинской славы России. В этот день в 1812 г. произошло Бородинское сражение русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией. В битве участвовали будущие командиры внутренней стражи генералы Н.И. Гартунг, П.М. Капцевич, К.П. Рейбниц и А.Л. Тришатный.

14 сентября

• День танкиста. Достоинно выполняли свой долг танкисты внутренних войск. В 1937 г. танковое подразделение дивизии им. Ф. Дзержинского, направленное для оказания военной помощи властям китайской провинции Синьцзян в борьбе с повстанцами, совершило беспримерный переход через перевалы Памира. В годы Великой Отечественной войны командиры танковой бригады полковник А. Ковалевский, бывший военнослужащий танкового батальона дивизии имени Ф. Дзержинского, удостоен звания Героя Советского Союза. В боях с гитлеровцами успешно действовали танковые подразделения рижского, киевского и мервского оперативных полков войск НКВД. Во время контртеррористической операции в Чеченской республике отличились танкисты механизированного полка новочеркасской дивизии оперативного назначения внутренних войск. За мужество и героизм командир танкового взвода этого соединения лейтенант А. Козин был посмертно удостоен звания Героя Российской Федерации.

30 сентября

• В соответствии с приказом министра внутренних дел СССР в подмосковном Софрино и Калаче-на-Дону началось формирование бригад особого назначения внутренних войск (ныне отдельные бригады оперативного назначения ВВ МВД России). Военнослужащие соединения принимали участие в урегулировании межнациональных конфликтов в Средней Азии и Закавказье, восстановлении конституционного порядка в Чеченской республике и специальных операциях на Северном Кавказе. Сотни из них награждены орденами и медалями. Офицер софринской бригады лейтенант О. Бабак удостоен звания Героя Советского Союза посмертно, Героями Российской Федерации стали служившие в ней генерал-майор Г. Фоменко и ефрейтор Е. Бушмелёв. В калачёвском соединении этого высокого звания удостоены подполковник А. Стержантов, рядовой Д. Перминов, посмертно – майор С. Басурманов, старший сержант И. Янина и рядовой А. Каляпин.

НАМ ДОРОГА НАША ИСТОРИЯ

КАЛЕНДАРЬ

СЕНТЯБРЬ 2008

9 сентября 1918 года приказом по корпусу войск ВЧК при штабе корпуса был образован культурно-просветительский отдел, 23 сентября состоялось утверждение его штатов. Первым начальником (заведующим) первого подразделения, отвечающего за организацию политической и воспитательной работы во внутренних войсках, стал большевик с дореволюционным стажем Сергей Ксенофонтович Волощевич.

О судьбе этого человека до последнего времени было известно до обидного мало. И только благодаря кропотливому изыскательскому труду сотрудников Центрального музея ВВ МВД России удалось восполнить этот пробел.

ПЕРВЫЙ ПОЛИТРАБОТНИК ВОЙСК ВЧК

В июль 1903 г. скрылся из под надзора полиции.

[illegible]

...1894 год. Одесса. Здание окружного суда. На скамье подсудимых студент Новороссийского императорского университета. Ему 21 год. Русые волосы, борода. Держится спокойно и уверенно. Приговор гласит: "За антиправительственную деятельность год тюремного заключения и ссылка на три года". Осуждённый – бунтарь и революционер.

К сожалению, подобная картина не была тогда редкостью. Всем известно, что за народ эти студенты: это им не нравится, то их не устраивает! Что поделяешь? Молодёжь. Перебесышь и успокоится. Но удивительно другое. Обвиняемый – сын прокурора Одесского военного округа! Отец стоит на страже законов Российской империи, а сын выступает против них. Следовательно, который вёл дело, был явно озадачен. Как же так? Сын столь уважаемого человека и совершает такие ошибки? На что молодой человек, вскинув голову, гордо ответил:

– Ошибки совершает мой отец,
а я их исправляю!

Таким был Сергей Ксенофонтович Волошкевич. Родился он в Одессе в 1872 году в семье потомственных дворян. По окончании Одесской классической гимназии поступил в Киевский императорский университет на медицинский факультет. Через год перешёл на юридический факультет Новороссийского императорского университета. Впрочем, оттуда он скоро был исключён «по подозрению в сношениях и знакомствах с лицами политически неблагонадёжными».

Первый раз Сергея Волошкевича привлекли к ответственности в 1893 году. Он находится под гласным надзором полиции, и через некоторое время выяснилось, что неблагонадежный юноша состоит в тайной революционной рабочей организации Одессы. Поэтому 5 февраля 1894 года Волошкевича арестовали. Он просидел по приговору суда один год и ещё три отбывал ссылку в одном из северо-восточных уездов Вологодской губернии. Ему, уроженцу благодат-

ного юга России, в этих краях приходилось несладко. Но Сергей и там сохранял присутствие духа, оставался душой компании, любил петь, особенно украинские песни, отлично знал художественную литературу, был остроумным собеседником.

Молодые революционеры в ссылке без дела не сидели. Организовывали коллективные чтения книг и статей, которые выходили легально, ухитрялись доставать и запрещённую литературу, пропагандируя идеи марксизма среди местных жителей. Получая весточку с воли, узнавали о положении в стране. К тому же колония сильных беспрерывно пополнялась. Новички рассказывали о товарищах и близких поселениях. Горячие головы, люди неравнодушные, они часто спорили. Им казалось, что они даже здесь служат большому, светлому и чистому делу революции. Отсюда их непонятная многим стойкость и готовность к самопожертвованию. Подобные качества присущи всем "борцам за народное дело".

По-разному относились к таким людям современники. Одни одобряли, другие осуждали. Не менее противоречивы оценки их деятельности и сегодня. Но они скорее всего были такими, как об этом написано в воспоминаниях, жандармских донесениях, исследованиях историков, научной и художественной литературе. Единства в тогдашнем обществе не существовало. Так и среди революционеров: одни были приверженцами радикальных взглядов и соответствующих методов борьбы, другие – придерживались более умеренных либеральных воззрений и проведения реформ. Власти – полиция и жандармы – как могли боролись с крамоллой, оберегали монархию, революционеры же, наоборот, всеми силами стремились её уничтожить.

После ссылки Сергей Волошкевич поселился в Екатеринославе (нынешнем Днепрпетровске). Здесь он сблизился с группой известных участников революционного движения (среди них Иван Бабушкин, Григорий Петровский, Исаак Лаяланц, Миха Цхакая и др.), вступил в Российскую социал-де-

– Сочинение не моё, но изложенные в нём идеи вполне разделяю.

– Надеюсь, на допросе вы не откажетесь от этих слов?

— От своих слов никогда не отказываюсь...

Вскоре почти все члены екатеринославского комитета РСДРП оказались за решёткой. Их содержали в одной камере, чем они и

По-разному относились к таким людям современники. Одни одобряли, другие осуждали. Не менее противоречивы оценки их деятельности и сегодня. Но они скорее всего были такими, как об этом написано в воспоминаниях, жандармских донесениях, исследованиях историков, научной и художественной литературе. Единства в тогдашнем обществе не существовало.

ность не осталась незамеченной властями. Начались аресты. Дошла очередь и до Волошкевича. 3 июля 1900 года он был схвачен во время выступления перед рабочими. У него отобрали рукопись на шести

воспользовались: читали Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

В повести Михаила Шатрова "Буревестник" есть строки, посвящённые Сергею Волошкевичу, в которых отражён именно этот пе-

С.К. Волошкевич с сыном Владимиром

листах, озаглавленную "Что делает правительство для народа и на что опирается его власть". Руководивший его задержанием жандармский полковник Делло спросил Сергея:

— Это ваше сочинение, господин Волошкевич?

риод его биографии: «...Особенно трудно было Сергею Волошковичу. Оживлённый, красноречивый... он в предвечерние часы отходил в сторону и, присев на краешек нар, погружался в горестные размышления. Через Муху Цхакая, служившего с Волошковым в управле-

С.К. Волошкевич с женой Евгенией. Женева, 1904 г.

нии Екатерининской железной дороги и поэтому лучшие других знавшего его личную жизнь, товарищи узнали, что жена Сергея и маленький больной сынишка остались без средств к существованию. У неё пока нет специальности, учиться на курсах зубных техников, а ребёнку нужны масло, молоко”.

Через жену Петровского организовали помощь. Но утаили от него, что по настоянию полковника Делло дирекция курсов, которые уже заканчивала госпожа Волошкевич, исключила её из числа слушателей, как жену “государственного преступника”.

После продолжительной отсидки в тюрьме Сергею Ксенофонтовичу предстояло уехать в ссылку на пять лет в Восточную Сибирь. В 1903 году он был предварительно отправлен в город Курган Тобольской губернии, откуда ему удалось бежать за границу. Бывший студент Новороссийского университета из потомственных дворян Сергей Ксенофонтович Волошкевич, 34 лет, по кличке Юмовский, был объявлен в розыск.

Из розыскного циркуляра департамента полиции № 1800 от 1 февраля 1904 года можно узнать о некоторых подробностях его личной жизни и биографии, там же прочитав словесное описание его внешности: “Женат, жена – Вера Львова, урождённая Зухер, и малолетний сын живут в гор. Екатеринославе, отец умер, мать – Надежда Юрьева живёт в гор. Новая Бухара Самаркандской губернии, а сестра Мария, по мужу Крестникова, – в г. Одессе. Приметы: роста 2 арш. 6 1/4 вершк., телосложения умеренного, наружностью

производит впечатление приятное, волосы на голове русые, гладкие, зачёсывает их вверх, на бороде и усах светло-русые, глаза светло-голубые, средней величины, близорук, голова правильная, лоб небольшой, прямой, нос прямой, небольшой, подбородок закруглённый, лицо продолговатое, бледное, рот небольшой, недостает на верхней челюсти справа одного резца и клыка, а слева первого жевательного зуба, в нижней челюсти жевательных зубов, голос звонкий, ушные раковины развиты правильно, размером 6,5 сант., походка правильная; на обоих плечах имеются по два знака от привитой оспы...”

В это время Волошкевич был уже в Швейцарии, в Женеве. Здесь с головой окунулся в жизнь политэмигранта начала XX века. В ней было немало сложностей и огорчений. Но он со своей неумолимой энергией преодолел все трудности. Сергей стойко перенёс печальную весть: от скоротечной чахотки умерла жена. Малолетнего сына согласились взять на воспитание родственники.

Впрочем, горевал Сергей Ксенофонтович недолго. На одном из партийных собраний он знакомится с Евгенией Грот, студенткой из Парижа, и вскоре женится на ней. Невеста принадлежала к известной в России фамилии Гротов, выходцев из Швеции. Её отец – Николай Яковлевич – русский философ, профессор Московского университета, а дед – крупный филолог и академик. В 1905 году у Волошкевича в Париже родилась дочь Елена. Вскоре по амнистии Сергей Ксенофонтович с семьёй возвратился на родину. Поселились они в Харькове, где продолжили свою революционную деятельность.

После октября 17-го Волошкевич перебрался в Москву. Он по-прежнему энергичен, полон сил и радужных надежд. Ещё бы, ведь осуществилась его мечта! Теперь всё пойдёт по-другому! В столице работают

В 1903 году он был предварительно отправлен в город Курган Тобольской губернии, откуда ему удалось бежать за границу. Бывший студент Новороссийского университета из потомственных дворян Сергей Ксенофонтович Волошкевич, 34 лет, по кличке Юмовский, был объявлен в розыск.

многие его друзья по подполью. Например, в аппарате Наркомата внутренних дел служил Григорий Петровский, а в редакции “Известий” трудился старый одесский товарищ Юрий Стеклов. Но он не стал обращаться к ним за помощью и предпочёл ограничиться довольно скромной должностью политкомиссара 1-го полка 5-й Московской дивизии.

Но о нём скоро вспомнили, предложив возглавить культурно-просветительский отдел, только что учреждённый в корпусе войск ВЧК.

С 1 октября 1918 года Волошкевич на новом посту. Работа с людьми – его конёк. Вежливый, спокойный, доброжелательный, немного ироничный, он умел видеть в подчинённом прежде всего человека, которого надо правильно нацелить на нужное дело: убедить, доказать, но ни в коем случае не оскорбить, не унижить.

Первым крупным мероприятием для него стала организация 1-го Всероссийского съезда коммунистических ячеек корпуса войск ВЧК, который состоялся в ноябре 1918 года. К тому времени культпросветотдел был преобразован в политотдел, его штаты расширены, чётко определены задачи, разработаны инструкции. На комячейки возложили множество обязанностей: создавать клубы, организовывать митинги-концерты, открывать школы для неграмотных и малограмотных (среди красноармейцев их было много), читать вслух в подразделениях книги и газеты и т.п.

Выступивший на съезде с докладом Волошкевич подчеркнул, что главным условием прочной, сильной организации и успешной боевой деятельности корпуса является его теснейшая связь с Красной Армией. Это был отпор его оппонентам, заявлявшим о ненужности и надуманности особой военной организации и якобы напрасной трате сил. Начальник политотдела твёрдо отстаивал принцип единства Вооружённых сил республики. “Никаких особых воинских частей, стоящих вне Красной Армии, тем более ей противопоставляемых, не может быть, – сказал он. – Красная Армия – это наша сила, наша радость, наша гордость. Она едина по своей организации и по своим задачам. Но, учитывая особенности двух фронтов – фронта внешнего и внутреннего (тыла) и давая себе ясный отчёт во всей условности такого деления, приходится серьёзно подумать о необходимости выделения части сил Красной Армии, незначительной по сравнению с целым её объёмом, для борьбы с внутренней контрреволюцией”. Эти условия, как говорил докладчик, тре-

Работа с людьми – его конёк. Вежливый, спокойный, доброжелательный, немного ироничный, он умел видеть в подчинённом прежде всего человека, которого надо правильно нацелить на нужное дело: убедить, доказать, но ни в коем случае не оскорбить, не унижить.

буют от личного состава частей “проявления высшей революционной энергии, инициативы и коммунистического сознания”, а потому подбор кадров для войск ВЧК, “производятся на общих с Красной Армией основаниях, в силу необходимости должен сопровождаться специальными гарантиями в виде обязательных рекомендаций профессиональных, партийных организаций или комитетов крестьянской бедноты”.

Съезд разработал инструкцию для работы партийных коллективов в частях корпуса войск ВЧК, указав, что они должны быть в тесном контакте с ячейками Красной Армии, местными партийными и чекистскими органами. Съезд одобрил подготовленные инструкции по организации культурно-просветительской и политической работы в корпусе и среди населения, призвав к развёртыванию воспитательной работы в батальонах и отрядах. Волошкевич активно сотрудничает с газетами. В “Известиях ВЦИК” появились его публикации за подписью “С. Самарин”. Во-

Елена Волошкевич, дочь С.К. Волошкевича

лошкевич выступил и на 1-й Московской губернской конференции представителей комячеек отрядов ВЧК в январе 1919 года.

Сергей Ксенофонтович работал в Москве, но его постоянно беспокоила мысль о положении дел на Украине. Там в это время шло формирование особого корпуса войск ВУЧК. Волошкевич готовил для направления туда подобранных им политработников. Он и сам подумывает выехать в родные края. Вскоре ЦК партии направляет Волошкевича на продовольственный фронт на Украину. Он приезжает в Харьков, готовясь приступить к новой работе. Но здесь свирепствует тиф. Заболев им, первый политработник войск ВЧК скончался 22 апреля 1919 года.

Судьба сына Сергея Ксенофонтовича мне неизвестна, а дочь Елена в 13 лет осталась круглой сиротой, но сумела выжить. На её долю выпала нелёгкая судьба, однако советская власть, за которую отдал жизнь отец, поддержала девушку, назначив персональную пенсию. Обладая прекрасным голосом (в отца), она училась пению, а затем выступала в различных известных хоровых коллективах.

Самуил ШТУТМАН,
полковник в отставке,
ведущий научный сотрудник
Центрального музея
внутренних войск МВД России,
заслуженный работник культуры РФ,
кандидат исторических наук

Фото предоставлены дочерью С.К. Волошкевича

ПРОЩАНИЕ
С КАРАБАХОМ

Повесть

Сергей
КОНОВАЛОВ

7.

Время шло. Приближалась зима, а обстановка только ухудшалась. Советский Союз агонизировал, республики становились самостоятельными государствами и были озабочены одним – как захватить побольше богатств разваливающейся империи. Про Нагорный Карабах, казалось, вообще забыли: туда войска вводило руководство СССР, а выводить должна была Россия, которая и сама ещё не решила, кому эти войска должны принадлежать.

Отопление в санатории включали два раза в сутки, чтобы только не разморозить трубы. Почти каждую ночь город обстреливали армянские боевики самодельными ракетами и из стрелкового оружия. В декабре начались перебои с продовольствием.

Продолжение. Нач. в № 8

Гюзалов, глава городской администрации, едва ли не каждый день через своих людей просил командира батальона то подвезти муку в азербайджанские деревни за Степанакертом, то выделить людей на похороны или на какие-то другие нужды.

Комбат шёл навстречу, отправляя приданные ему ЗИЛы по опасным маршрутам. Лишь от сопровождения гражданского автотранспорта наотрез отказался: горная дорога находилась под наблюдением армянских боевиков, которые не задумываясь открывали огонь по любым азербайджанским машинам, несмотря на войсковое прикрытие.

Обстановка накалялась, а управление из центра ослабевало. В сентябре, когда было относительно тихо, в батальон часто приезжали офицеры из комендатуры особого района, управления дивизии и полка. В октябре в связи с участвовавшими обстрелами ездить перестали и те и другие. Приноровились вызывать комбата в Степа-

накерт да по радио – с помощью приданной батальону кашээмки – передавать указания. Единственный раз за последний месяц в Шушу наведёлся командир дивизии – один, без сопровождения, переодетый в солдатскую куртку. Он предупредил комбата об осложнении ситуации, переговорил с какими-то гражданскими и уехал восвояси.

А комендатура продолжала ставить новые задачи: то по охране рабочих азербайджанских команд, то на уничтожение огневых точек армянских боевиков. И то и другое требовало тяжёлого оружия, которого батальон не имел. Самым мощным его огневым средством являлся РПК. В распоряжении комбата были пятнадцать КамАЗов и личный состав со щитами и резиновыми дубинками для борьбы с уличными беспорядками. Ведь в своё время никто и предположить не мог, что дело от уличных волнений может перейти к настоящей войне.

Обычно Гюзалов со всеми вопросами обращался к комбату через своего помощника – Бекчиева, который в очередной раз заискивающе заглядывал в глаза офицеру и униженно-слащаво просил:

– Пойми, дорогой, там дети, там старики без хлеба сидят. Ну что тебе стоит? Всё равно машину грузовую будешь в Степанакерт за продуктами отправлять. Ну завези попутно. Очень, очень тебя Гюзалов просил. Выручай, брат, выручай. Мы тебя не забудем. Проси что хочешь...

Комбат хотел одного – выбраться со своим батальоном из этого гиблого места, пока сам он и его подчинённые живы-здоровы.

– Ладно, ничего мне не надо. После обеда лично поеду вниз, заодно и вам муку завезу.

– Спасибо, спасибо, дорогой! Мы этого добра никогда не забудем. – Бекчиев, сложив ладони и склонив голову в полупоклоне, удалялся. Лицо его светилось благодарностью и радостью.

Решение ехать самому у комбата возникло неожиданно. Вообще-то его место было в штабе батальона, но последний обстрел показал: надо менять тактику передвижения, чтобы максимально обезопасить подчинённых.

– Олег Петрович, – обратился комбат к взводному Павленко, – в обед старшим машины в Степанакерт поеду сам.

– А мне что, не доверяете?

– Доверяю. Но хочу показать, как на серпантине действовать надо. Подготовь человек шесть бойцов, машину азерам под загрузку, и через два часа выезжаем.

Сразу за городской чертой комбат остановил машину, высадил людей и поставил задачу:

– Громов, в дозор! Идём в метрах ста – ста пятидесяти вперёд и смотришь вправо и влево. Не бойся, я – за тобой, в случае чего прикрою. Мусантов, Хотынский, Приступа, следуйте за мной в шести-восьми метрах друг от друга. Вести наблюдение! Мусантов – вправо, Хотынский и Приступа – влево. Олег Петрович, вы с Раджабовым замыкающие. Двигаетесь за машиной. Набив за рулём, потихоньку едет за нами. В случае чего сразу залечь. Если будет обстрел, то открыть ответный огонь.

– Товарищ майор, – прервал его Павленко, – так мы что, до самого Степанакерта как дураки пешком пойдём?

– Да. Лучше медленно идти, чем на машине с ветерком уехать на тот свет. – И, видя скептическое выражение лица старшего лейтенанта, пояснил: – А если они на серпантине очередь по машине дадут? Вы об этом подумали? И ещё, Олег Петрович, если увижу, что в кабину залезете,

накажу, и очень жестоко. – Комбат разозлился: беспечное настроение взводного могло передаться подчинённым.

Без происшествий они спустились к Степанакерту, где комбат усадил всех в кузов, и часа через два отряд уже возвращался назад. У подножия Шушинской горы майор снова высадил людей и вместе с ними пешком поднялся до Шуши в уже начинающихся сумерках.

Обстрела опять не было.

– Вот так, товарищ старший лейтенант, – подвёл итог комбат, – вы сами убедились, что они боятся, когда мы в боевом порядке. Будете теперь каждый раз только так машины по серпантину проводить. Иначе до беды доездить недолго.

Холодало. Ещё несколько раз местное руководство просило комбата оказать помощь. Майор не отказывал, искренне полагая, что добром воздастся за добро и при случае местные власти обязательно помогут.

Он выпросил у командира полка автоматический гранатомёт АГС-17, ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7 и модернизированный пулемёт Калашникова – ПКМ. Учитывая большую удалённость батальона от основных сил, Саповичев прикомандировал в Шушу два БТР-70, а с ними две машины боеприпасов и гранат.

Знакомясь с водителями бронетранспортёров, комбат в одном из них признал того самого неумеху, которого месяца два тому назад ему уже придавали и от которого он сразу же избавился. Однако теперь перед ним предстал совсем другой человек – во внешнем виде, поведении, а главное, в выражении лица солдата произошли разительные перемены.

Да, его обмундирование, как и прежде, было замурзанным, но теперь вместо солдатской “песчанки” на нём зеленела камуфлированная зимняя куртка, которую выдавали только офицерам и прапорщикам. Обут он был в кирзачи с обрезанными голенищами. Над воротником куртки вызывающе нагло торчал ворот засаленного светлого-серого свитера. И лицо вышло неуверенности и страха выражало теперь сплав ухарства, показного бесстрашия и банального разгильдяйства.

– Ну что, научился водить бэтээр и сразу припнуть стал? Свитер, гляжу, гражданский натянул, голенища обрезал, – спросил комбат почти дружелюбно.

Водитель улыбнулся широко и открыто, так что на грязном лице ослепительно блеснули белые зубы:

– Н-н-никак н-н-нет, э-э-это мне комбат р-р-разрешил. М-м-мою форму всю м-м-маслом залило. – Он говорил, заикаясь, с большим трудом, не переставая при этом весело улыбаться. Комбат спросил:

– Ты ведь раньше не заикался?

– Т-т-так точно. Э-э-это после т-т-того, как в Га-Га-друзе в-в-в пропасть гробанулись, э-э-заниматься стал.

– И что, глубокая пропасть?

– М-м-метров две-две-двенадцать. М-моему комбату с-с-спину по-по-повредило, двум б-б-бойцам кости по-о-ломало, а т-т-ак ни-ни-ничего, все живы.

– Тебе же лечиться надо, а не на бэтээре ездить.

– Т-т-так точно, т-т-только за-за-за бэтээр сажать не-не-кого, по-по-этому я отказался в го-го-госпиталь ехать. Го-олова кружиться пе-пе-рестала, рвота про-о-шла. Не-не-волнуйтесь, не-не-не пропадём. Я ве-ве-зучий.

– Хорошо, ты только поосторожней давай, – вздохнул комбат, у которого пропало желание делать дальнейшие замечания. – А пулемёты у тебя рабочие? Боеприпасы

есть? Наводчик где?

– Н-н-наводчик здесь, м-м-мы с ним н-н-ночью по по очереди дежурим. – Водитель застучал ладонью по броне и безо всякого заикания заорал: – Никитоя, давай сюда!

Бокковой люк бронетранспортёра мгновенно открылся, и оттуда высунулась голова с копной нестриженных чёрных волос.

– Ну-ка доложи про вооружение, – приказал комбат.

Солдат спрыгнул на землю и со знанием дела разъяснил, что вооружение в порядке за исключением ПКТ, у которого не передёргивается затворная рама. А вот КПВТ исправен, и из него они с водителем несколько раз уже стреляли. К КПВТ боеприпасов десять коробок, и в “десанте” есть ещё два ящика в штатной укупорке.

В общем, комбат остался доволен экипажем. Теперь в его руках было и более мощное, чем у боевиков, оружие, и бронезащита. Он вызвал командира взвода восьмой роты старшего лейтенанта Павленко, который в отличие от него закончил училище Минобороны и в вооружении разбирался лучше других.

– Олег Петрович, когда-то я этот КПВТ изучал и разбирал, но уже забыл всё к чёртовой матери, помоги-ка вспомнить.

Они забрались в башенную установку. Павленко занял место наводчика, прильнул к прицелу, потом, чертыхаясь, открутил какой-то болт на креплении сиденья, опустил его ниже. Зажав окуляр прицела большим и указательным пальцами, стал регулировать резкость. Все действия взводного были уверенны, и по всему чувствовалось, что подготовлен он хорошо.

– Олег Петрович, вы, когда что-то делаете, мне говорите, чтобы я тоже был в курсе.

– Товарищ майор, да что тут непонятного: сел, подогнал под себя сиденье, потом посмотрел в прицел, отрегулировал резкость этим вот кольцом большим на окуляре; потом опустил пулемёт, для чего снял вот с этого стопора и покрутил рукоятку; потом вставил коробку в гнездо до щелчка; потом поднял пулемёт вот так, взял ленту, вытащил из коробки и вставил в приёмник, ухватился за четвёртый патрон и с силой, до щелчка, надавил; подёргал – не выйдет ли лента назад; снова опустил пулемёт; эту вот рукоятку потянул вертикально вниз, вывел патрон на линию досыла; включил тумблер спуска; нажал на кнопку электроспуска; снова взвёл боевую пружину. Ну вот и всё – теперь готово, можно стрелять.

– Подожди, подожди! Давай сначала и помедленнее.

Комбат со взводным ещё часа два возились в башенной установке. Наконец майор твердо усвоил навыки обращения с пулемётом. Теперь их можно было применять на практике.

8.

Третий день батальон выставил сторожевой пост по охране места работ на подорванном армянами городском водопроводе. Место аварии находилось в ущелье, километрах в трёх от города. Ехать туда надо было по шоссе, ведущему в сторону Лачина, а потом сворачивать влево на каменистую грунтовую дорогу, которая на километровом спуске, делая несколько крутых поворотов, уходила к горной реке, где и находился подорванный во-

дозабор.

На вечернем совещании комбат заметил командира седьмой роты:

– Я думаю, Аркадий Федорович, не для того боевики водозабор рвали, чтобы его через три дня азербайджанцы восстановили. Одно из двух: или они его ещё разок рванут, или перебьют всех работяг. Надо группу охраны усилить, я вам завтра бронетранспортёр придам.

– А чем мне ещё усилить? – недружелюбно глядя на комбата, ответил ротный. – Все посты и так двухсменные. Вчера ещё Раджабов заболел.. Писаря Громова в строй поставить могу да с кухонного наряда пару человек снять.

– Снимите. Старшим отправьте старшего лейтенанта Булидова. Сам он с бронетранспортёром пусть остаётся наверху, занимает позицию там. Если начинётся обстрел, его задача прикрыть отход группы охраны с рабочими. Не забудьте предупредить группу, чтобы отрыли окопы. Всё ясно?

– Ясно-то ясно. Только пусть бы они сами себя охраняли.

– Ну давайте откажемся. А вы знаете, что воду нам местные завозят? Сегодня откажемся, а завтра от жажды подыхать будем. Да и просили от главы администрации, объясняли, что резервного водозабора не хватает, эпидемия начаться может..

– Ну что ж, усилим охрану.

С Громовым у Вогомолва проблем не было. Солдат он был надёжный. Прослужил уже два года; как и многие, ждал увольнения и, числившись в седьмой роте, исполнял обязанности радиотелеграфиста, писаря, посыльного при штабе батальона, а параллельно был писарем и при своём ротном. Ещё в пункте постоянной дислокации комбат был поражён добросовестностью этого солдата. Когда первый раз увидел его на плацу в строю отделения при проведении занятий по строевой подготовке.

– Громов, а ты тут что делаешь?

– На занятиях присутствую, товарищ майор.

– А документы в штабе батальона ты разве все сделал?

– Так точно.

– А в роте?

– И в роте все сделал. Бумажных дел больше нет, поэтому в строю своего отделения занимаюсь.

– А кто же тебя в строй поставил?

– Сам встал, никто меня не ставил. Должен же я со своим отделением находиться или нет?

– Тебе что, места в штабе мало?

– Товарищ майор, я хочу служить честно.

Комбат был сражён: солдат, имея законный повод “загаситься” от занятий, добровольно ушёл из тёплой канцелярии, где мог спокойно заниматься личными делами, и встал в строй под холодный дождь и ветер. Это как понимать?

Второй раз Громов удивил комбата, когда тот как-то утром сделал ему замечание за то, что Громов не выполнил задание, полученное накануне вечером.

Солдат покраснел, отвернулся к двери и по-детски зашмыгал носом.

– Громов, Громов! Да ладно, бог с ней, с этой бумажкой, – не выдержал комбат. – Только уж впредь не подводи, не забывай.

– Товарищ майор, я не забыл, я всё помню. Но вы же знаете, что я третью ночь не сплю..

– Как не спишь? Почему не спишь?

– Так меня же после отбоя в штаб полка забирают. Там мне подполковник Ларшин задачи ставит: что надо за

ночь сделать. Поэтому я вашу задачу выполнить и не могу.

– А почему же ты раньше мне об этом не сказал? У них в штабе своих писарей пруд пруди, а они ещё из батальонов забирают!

– Я думал, вы знаете. Подполковник Ларшин говорил, что это задача командира дивизии и её надо выполнить за пятеро суток..

Кроме Громова на усиление охраны Вогомолва решил послать Касева, которого пришлось снимать с кухонного наряда.

– Касев, ты не бойся, – успокаивал солдата ротный, – задача простая. Обстрелов там ни разу не было. Ты хоть сутки передохнёшь. А то на тебя уже товарищи скоро коснуться начнут – всё на кухне да в роте. Пора бы опытному солдату и поважнее задания выполнять.

Так на следующий день Громов, Касев, Приступа и Гониев (черноволосый, невысокого роста узбек) оказались на дне ущелья и принялись окапываться на небольшой возвышенности, метрах в ста от подорванного водозабора. Приехавшие с ними мастера заканчивали восстановительные работы. Сверху, на шоссе, взводный установил бронетранспортёр так, чтобы в сектор обстрела попал участок леса на противоположной стороне ущелья, откуда вполне можно было ждать нападения боевиков.

Громов, которого ротный назначил старшим, сразу указал солдатам их позиции, сектора обстрела, приказал вырыть окопы для стрельбы лёжа.

– Та на кой ляд сдались эти окопы? Лучше так полежим, отдохнём, – проворчал Приступа, беззаботно развалившись на согретых утренним солнцем камнях. А когда Громов, вглядываясь в недалекий лесной склон, заметил: а ну как ротный проверять придёт, Приступа лишь махнул рукой: – Не на чем ему сюда ехать. В батальоне три ЗИЛа: один сломан, второй за продуктами уйхав, а третий комбат в резерве держит..

Боязливо оглядываясь по сторонам, в разговор вмешался Касев:

– Слышь, Приступа, если стрелять будут, ты ко мне в окоп не лезь.

– Та кто здесь нападёт? Копайте, хучь заройтесь.

– Ладно, раз не хочешь копать, тогда не в небо смотри, а наблюдай за лесом, – примирительно заключил Громов.

Часа через полтора окопы были готовы, и, едва солдаты залегли, дожидаясь окончания работ бригады, тишину распологовала автоматная очередь. Пули просвистели над головами. Через секунду ударил ещё один автомат.

– Огоны! – заорал Громов и, не найдя цели, выпустил полмагазина по лесному склону. Рядом короткими очередями застучал автомат Гониева. Он заметил вспышки огня второго нападавшего и удивился тому, как явно они видны даже днём. До этого Громов наблюдал стрельбу, только находясь сзади или сбоку от стреляющего. Тогда из ствола вылетал почти невидимый огонёк, а тут, когда стреляли в него, тот же огонек становился яркой вспышкой чуть ли не метрового диаметра.

Вслед за автоматом Гониева ударил АКМ Приступа, который, почувствовав, что его тело неожиданно стало таким большим и беззащитным, проклинал свою лень и лупил со страху длинными очередями.

Только Касев не ответил огнём на огонь. В его животе что-то опять сжалось, руки и ноги охватили противная слабость. Он впечатал голову в каменистое дно окопа, вжался в него всем телом и замер в ожидании роковой

пули.

Но через несколько секунд с дороги по подлеску ударил КПВТ. Горное эхо мгновенно усилило звук очереди крупнокалиберного пулемёта. Оно авторитетно перекрило автоматную трескотню, как бы показывая, кто здесь главный, и заставляя автоматы боевиков смолкнуть.

Постреляв ещё немного для острстки, солдаты подбежали к рабочим, которые суетливо забирались в автобус.

– Ну что, мужики, все целы? – спросил Громов.

– Слава Аллаху, целы. Поехали отсюда быстрее!

Напряжение не спало. Солдаты открыли окна и выставили в них стволы автоматов, готовые в любой момент к открытию огня. Азербайджанцы, согнувшись в три погибели, не скрывали страха и молили своего Аллаха о благополучном возвращении. Водитель выжимал из мотора всё возможное, чтобы быстрее оказаться вне зоны обстрела. Он даже не остановился у дожидавшегося их бэтэра, а помчался по шоссе на полной скорости в город.

Бронетранспортёр безнадежно отстал.

Как только автобус выехал в Шушу, азербайджанцы приободрились, принялись благодарить солдат за своё спасение, а затем пригласили на обед. Трапеза началась с провозглашения тоста за здоровье солдат и их родителей.

От выпивки категорически отказался только Гониев. После третьего тоста Громов, видя, что конца веселью не предвидится, встал из-за стола и решительно потребовал отвезти его и всех остальных в батальон.

Булидов уже давно дожидался их прибытия.

– Вы что, негры, забыли свои плантации? – зловеще прохрипел он и завертел шеей, как бы извываясь от невидимой петли. – Я здесь уже полчаса парюсь, комбат ничего не докладываю, а вы по городу катаетесь?! Громов, тебя зачем назначили старшим? Отвечай!

– Товарищ старший лейтенант, мы только пообедали, нас азербайджанцы угостили..

– Э, да вы никакие даты? Ну-ка дышите сюда по очереди!.. Ну вот, только Гониев и трезвый, а остальные.. А ну шагом марш оружие разряжать!

Через несколько минут Булидов уже докладывал комбату о выполнении задания, а заодно и о происшедшем:

– А ваш выкормыш, товарищ майор, нажрался сам и вдобавок напоил ещё Приступа с Касевым. Разрешите я всем троим сейчас вправлю мозги на всю оставшуюся жизнь!..

Комбат, не обращая внимания на вызывающий тон взводного, старался смягчить ситуацию:

– Булидов, не забывайте, что люди справились с задачей и были под обстрелом! Что значит нажрался? Ну сняли нервное напряжение.. Пусть отдохнут, а завтра я с ними сам поговорю и, если надо, накажу.

– Вы что, товарищ майор, Иисус Христос, чтобы такое прощать? – не сдавался взводный. – Вон подвал под лестницей, пусть там пару суток посидят, чтобы впредь неповадно было..

– Да вы что, Булидов? – удивился комбат. – Там же воды по циклотку, света нет..

– Зато дверь железная есть! И этим польза, и другим наука.

Комбат скрепя сердце согласился.

...Под ногами хлопала вода, через небольшую щель пробивался лучик света, который, падая на пол, освещал чёрную волнистую жижу. Он был настолько тонок, что

даже не позволяя рассмотреть ближайшую стену. Откуда-то сверху капала вода, раздавались неясные шорохи. В глубь подвала идти было небезопасно, и арестанты, присев на корточки и прижавшись спинами к дверям, затихли.

Прошло часа три, луч света начал тускнеть, наступил вечер. Вдруг откуда-то сбоку послышался громкий писк, какой-то зверёк плюхнулся в воду и быстро побежал в глубь подвала.

— Ой, мамочка, — прошептал Приступа, — спаси меня!

— Не бойся, это же обычная крыса, — ободрил его Громов.

— Та кто ж её знает, чи крыса, чи хто? Ой, як у мене серце схватило...

Громов вскочил на ступеньку и принялся колотить в железную дверь.

Прошла минута, вторая. Никто не подходил. Громов продолжал стучать, пока наконец не расслышал голос комбата:

— Ну что вы там? Ведь было сказано — двое суток ареста. Сидите и не рыпайтесь, а то ещё добавлю.

— Товарищ майор, что-то у Приступы с сердцем не в порядке. Он крыс не переносит, маму зовёт. Выпустите его, пожалуйста. А я за него отсижу четверо суток. Старшим же меня назначали, — попросил Громов.

— Пошёл к чёрту этот Булидов с его принципиальностью. Бойцы из-под обстрела вышли, с задачей справились, а я их за это ещё и в зиндан посадил! — подумал комбат. А он самого начала жалел, что проявил излишнюю строгость, и теперь, освобождаясь от давящего чувства собственной вины, не пытаясь придать голосу строгости, сказал:

— Ладно, считайте, что отсидели свои двое суток, сейчас выпущу. Но предупреждаю: если ещё раз произойдёт подобное, сидеть будете по всей программе.

— Спасибо, товарищ майор, мы больше не будем! — перебивая друг друга, радостно и облегчённо заговорили бойцы.

9.

В начале декабря батальону прирезали новый участок ответственности — Дошталты. Так называлась армянская деревня, расположенная у подножия Шушинской горы, с противоположной Степанакерту стороны. Если к столице Карабаха гора спускалась полого, то в сторону Дошталты начинался резкий обрыв — двухсотметровая пропасть. Только выехав за город в сторону Лачина, можно было попасть в деревню по узкой тропе, в которую за последние два года превратилась довольно сносная грунтовая дорога. Она была проложена в пору расцвета советской власти, когда армянские дети Дошталтов благополучно учились в азербайджанском Шушинском техникуме, а азербайджанцы безбоязненно ездили по выходным на пикники в живописные окрестности армянской деревни.

Теперь всё изменилось — азербайджанцы регулярно с отвесных скал обстреливали “земляков” из всех видов имеющегося оружия, сбрасывая с круч автомобильные скаты, начинённые тротилом. При удачном приземлении эти отработавшие срок покрышки, весело подпрыгивая, катились к армянским домам и разрывались там, разнося при этом в щепки строения соседей.

Первый караул комбат возглавлял сам. Во главе две-

надцати бойцов он спустился по тропинке в селение, где был радушно встречен председателем местного колхоза — Ашотом Оганесовичем, среднего роста мужчиной, с напряжённо-ждущим выражением лица и рыскающим взглядом. Тот будничным голосом рассказывал о постоянных обстрелах, перечислил раненых и убитых.

— Сколько жителей в деревне? — спросил майор.

— Семьсот тридцать один.

— Почему вы не уходите отсюда или, по крайней мере, не эвакуируете в безопасное место детей?

Глаза у мужчины недобро блеснули, и он указал рукой в сторону Шуши:

— Пусть они уходят, а нам уходить некуда.

Потом он показал место размещения поста — заброшенную ферму на южной окраине села. Позиция комбата понравилась: к ферме примыкала небольшая высота, с которой великомерно просматривались и простреливались подступы к селу с трёх сторон, сама же высотка прикрывала ферму с двух сторон, оставляя незащищённой только западную часть, обращённую к шушинскому склону.

— Вот и хорошо, — подумал комбат, — хоть со схемой охраны и обороны голову ломать не надо. Суточный парный пост на высоту — это шесть человек, полусуточный — ночной к ферме — четыре человека, помощник — одиннадцатый, я — двенадцатый!.

Председатель показал место отдыха — закуток фермы с аккуратно разложенными на полу детскими матрацами и крохотными подушками.

— Это что же вы, детский сад ради нас обобрали?

— Нет, — ответил председатель, — мы его уже давно закрыли.

— Почему? — удивился комбат.

— Потому что, если попадёт мина, граната или ракета в детский сад, всех разом и накроет. Когда обстрелы начались, мы детей вместе собирать перестали. А подушки вот для вас пригодились. Пользуйтесь.

После ухода председателя комбат поставил задачу на отрывку окопов. Сам взял лопату, принялся лично оборудовать свой КНП — командно-наблюдательный пункт.

На случай обстрела инстинктивно хотелось зарыться поглубже в землю, так, чтобы ни один осколок, ни одна пуля не смогли влететь в окоп. С другой стороны, при слишком глубокой отрывке терялся весь смысл сооружения — в первую очередь из него должно быть удобно наблюдать и вести огонь. Приходилось приравниваться, делать трапецевидные секторы, подсыпать землю на бруствер, но, несмотря на все уловки, плечи и голову полностью укрыть не удавалось. Наблюдая перед собой, можно было получить пулю и в лоб, и в правый висок через амбразуру, и сверху в темечко, потому что над головой нависали шушинские скалы.

Комбат высчитывал всевозможные траектории пули. Ему постоянно казалось, что он делает что-то не так и пуля или осколок обязательно залетит в окоп. Наконец комбат понял: он просто-напросто трусит. Но от этого не стало стыдно. Напротив — он подвожал нескольких солдат и с их помощью привалил окоп сверху металлическим тракторным кузовом. И только потом пошёл проверять ход работ у подчинённых.

Солдат подгонять не требовалось: к вечеру каждый отрыв для себя окоп в полный профиль, очистил, насколько представлялось возможным, сектор обстрела. Некоторые даже успели обить их изнутри валявшимися

на ферме досками.

Дежурить ночью комбат не любил. Ещё в лейтенантские годы он вволю находился начальником караула, где полагалось всю ночь бодрствовать, а днём предоставлялось несколько часов прерывистого сна. Воспоминания о тех временах были тягостны: рота заступала в караул через сутки, недосыпание, скачущий режим, вечное переутомление оставили в его памяти неизгладимо тяжёлый след.

— Мусантов, будешь дежурить до утра. Смена постов через четыре часа. Постоянно поддерживай связь с батальоном, в случае чего буди меня.

На сержанта Мусантова, чеченца, в таких делах можно было положиться. И комбат спокойно уснул.

Разбудила его близкая автоматная очередь. Ощущение было таким, будто стреляли у порога. Потом вдалеке раздалось несколько выстрелов, и в ответ, перебивая друг друга, с постов ударили автоматы.

— Мусантов! — заорал комбат, которому не хотелось шнуровать снятые накануне берцы. — Мусантов, что там?!

Однако ответа не последовало. Пришлось в крошечной темноте обуваться, хватать автомат и выскакивать на улицу.

Перебежав к ближайшему посту, майор залёг, изготовился к бою и шёпотом спросил у часового, забившегося в окоп:

— Хотынский, ты, что ли?

— Так точно, товарищ майор.

— Ты стрельбу начал первым?

— Никак нет! Азеры со скал из автоматов долбят. Ну я и ответил...

— А Мусантов где?

— Он на соседний пост перебежал.

На скале отчётливо и резко забились ярко-жёлтые вспышки.

— Раз, два, — зашептал комбат, но не успел он выговорить “три”, как звуки короткой очереди достигли слуха. “Примерно чуть больше секунды, — размышлял комбат. — Семьсот пятнадцать начальная скорость пули... Значит, дальность до цели около километра и опасности почти никакой. Но всё равно неприятно, когда в твою сторону стреляют, тем более что пуля — дура, свою убойную силу не теряет на расстоянии до трёх километров”.

— Товарищ майор, разрешите ответить?

— Эх, — тоскливо подумал комбат, — сюда бы сейчас бэмпэшку, навести по вспышкам и очередью осколочно-фугасных — снарядами эдак в тридцать — всадить. Тогда бы они, гады, заткнулись. А из стрелкового оружия, да ночью, да при такой дальности — только патроны переводить”.

— Товарищ майор, — опять зашептал Хотынский, — ну разрешите ответить.

С соседнего поста почти одновременно ударили по скалам два автомата. Очередь одного из них прошла ниже, и было отчётливо видно, как пули высекли дорожку бледных искр под тем самым местом, откуда стрелял азербайджанец.

— Уймись, Хотынский. До них километр с лишним, всё равно не попадёшь, да и прячутся они за камнями...

— Товарищ майор, так они ж по нам стреляют, а нам что — молчать?

На скале снова заплескались вспышки, и вскоре в воздухе коротко просвистели пули.

Хотынский, так и не дождавшись разрешения, выпустил ответную очередь.

— Нет, теперь их не остановишь, так и будут палить

друг по другу. И до утра не заснуть”, — подумал комбат и, ещё раз уточнив задачу Мусантову, пошёл к себе на КНП.

Утром пришёл председатель колхоза.

— Ну и как первая ночь прошла?

— Нормально. Только вот под утро азеры стрельбу открыли — спать не дали, — ответил комбат.

— Вы тоже, слышал, не молчали. Только, наверное, зря. — Почему зря?

— Их надо не стрелять, их надо убивать. — Глаза председателя блеснули, лицо побавровело, и Ашот Оганесович моментально превратился из тихого и доброго председателя колхоза в хищного рассвирепевшего зверя. — Их надо убивать! — повторил он. — Подкрасться, подползти метров на пять и убить наверняка! — Правой рукой он сделал резкое движение, сжимая воображаемый пистолет и показывая, как надо убивать врага.

— Если тебе надо, ты и ползи, — подумалось комбату. — А нам бы до своего дома как-нибудь добраться”.

Дальнейшему разговору помешала выбежавшая из-за угла фермы стая каких-то странных животных, чем-то напоминавших исхудавших собак. Покрыты они были короткой, редкой и, судя по всему, жёсткой шерстью, и вместо лап у этих зверюг были копыта. Ни на минуту не оставаясь на месте, они стремительно тыкали во все стороны длинными головами, что-то высисывая в пыли и пронзительно повизгивая.

— Неужели это свиньи? — спросил комбат.

— Да, да, — закивал головой Ашот Оганесович. — Поросятки пасутся.

— Несладко, значит, тут живётся, если даже свиньи в толщих собак превратились”, — подумал комбат.

После обеда на смену пришёл Булидов. Он критически осмотрел позиции.

— Сидим здесь, как на дне бочки. Только ленивый со скал стрелять не станет, — недовольно пробурчал старлей. — Пусть армия своими силами обороняется, нечего за наши спины прятаться. Нам уже давно пора дома быть...

Разговоры о возвращении к месту постоянной дислокации слышались отовсюду. Всем давно было ясно-понятно, что войска остановить карабахскую войну не могут, что после развала Советского Союза они сами оказались на территории уже чужого суверенного государства и самым разумным в этой ситуации стал бы сбор людей и техники где-то в одном месте с последующим выводом в Россию. Однако это очевидное и понятное даже простому солдату решение проблемы для руководителей страны казалось сложным и запутанным. То ли высшее политическое руководство надеялось на восстановление былой мощи СССР, то ли посредством затягивания вывода войск стремилось обеспечить военное присутствие России на Кавказе, но скорее всего там, наверху просто надеялись на русское авось, привычно пуская дело на самотёк. А армяне и азербайджанцы замирать не собирались, активно вооружались, готовясь к грядущим боям. У армянской стороны роль регулярных частей выполняли отряды боевиков, у азербайджанцев — отряды ОМОНа, а под их прикрытием и более серьёзные формирования будущей национальной армии, спешно создававшейся на территории республики. Наши солдаты и офицеры, видя весь этот расклад, своей роли здесь не понимали, но чувство воинского долга, вбиваемое десятилетиями, удерживало на местах. Оно же позволяло политикам управлять войсками с уверенностью, что те выполнят лю-

бой приказ.

Как всегда, оказавшись в скверном положении, люди делили вокруг измену и предательство.

— Товарищ майор, — продолжал бурчать Булидов, — а вам не кажется, что нами просто-напросто торгуют? Армяне заплатили кому-то, вот мы и брошены в эти Дошал-ты...

— Вы, Николай Васильевич, лучше бы занялись делом. И без ваших рассуждений тошно, — оборвал его комбат.

Самым скверным в подобной ситуации было сознание бессмысленности своих действий. Ради чего рисковать жизнью, если Карабах после развала Советского Союза к России не относится?

10.

Вечером комбата вызвал на связь командир полка и приказал подготовить восьмую роту, четыре ЗИЛа и командно-штабную машину к маршу.

— А остальные как же? — удручённо спросил комбат.

— Не волнуйся, дня через два и вас уберут оттуда, — бодро заверил полковник.

Всю ночь восьмая рота грузила имущество на машины. Рылов сорвал голос, щёки его стали пунцовыми, глаза округлились, и он злое шипел на подчинённых.

Настроение у остающихся было поганым: они завистливо и удручённо смотрели на своих товарищей, которые через несколько дней уже будут дома.

Комбат последний раз вёл переговоры из отбывающей кашээмки и уточнил, как ему дальше поддерживать связь.

— Я же говорил, что и вас дня через два снимут, — уверенно ответил командир полка. — Поступит сигнал — пришло машину, а уж двое-то суток как-нибудь продержитесь.

Комбат в ответ лишь тяжело вздохнул: сколько раз на его веку железные заверения начальников не выполнялись...

После убийства колонны он построил оставшихся. Всего двадцать четыре штюка. Четверо офицеров — начальник штаба батальона майор Лыбов, командир седьмой роты капитан Вогомоллов и два командира взводов старшие лейтенанты Булидов и Павленко, четверо сержантов и шестнадцать солдат.

На душе кошки скребли: по приезде сюда они сменили целый батальон софринской бригады, а теперь их остались меньше звзда.

— Ничего, — сказал комбат, — скоро и наша очередь наступит, скоро и мы отсюда уедем. А пока предупреждаю: всё пойдёт по старому распорядку. Бдительность усилить, не допускать внезапного нападения.

Оставшись вдвоем с начальником штаба, комбат спросил:

— Ну, что будем делать?

— Что теперь делать?.. Уходить мне отсюда надо на седьмое КПП. Это ж ворота в Степанакерт. Людей поснимали, а обстановку всё хуже. Вы тут без меня справитесь, а там девятая рота, почитай, месяц без контроля. Люди устали, надо с ними заниматься. Да и оттуда ближе к полку, буду о вас напоминать.

Комбат согласился.

Вместе с собой Лыбов забрал шесть человек, способных нести службу. Теперь стало не до психологических тонкостей и учёта персональных особенностей каждого

военнослужащего.

— Касев, хорош придураться, — отнёс все возражения капитан Вогомоллов. — Людей не хватает, поедешь на седьмое!

Седьмое КПП располагалось на западном склоне Шушинской горы у "Т"-образного перекрёстка дорог Степанакерт — Шуша и Степанакерт — Шошкенд. По первой дороге кроме военных никто не ездил, а по другой изредка проходили одиночные машины армян.

Шошкенд и несколько сёл за ним являлись армянскими, дорога считалась безопасной, однако из-за нехватки горючего местные раскатывали только в случае крайней необходимости.

После кухни Касеву трудно было привыкнуть к нормальной службе. На КПП тянули двухсменку. Это означало: четыре часа на посту, потом четыре — отдых, снова пост и снова отдых, и так с одуряющей монотонностью до бесконечности.

Днём ещё стоять куда ни шло: хорошо просматривался и свой сектор, и сектора соседних постов; время от времени на дорогу выходил армейский начальник для осмотра проезжающих машин. Пригревало солнце, прогоняя постоянный озноб и непроходящее ощущение стылости и неуютя. Ночью же темнота закрывала подступы к посту, за каждым камнем таилась опасность, несмотря на ватную куртку и тёплые штаны бил озноб. Всё вокруг было сырым, липким, холодным. Соседних часовых не видать, и потому казалось, что ты обречён здесь стоять в одиночестве под дождём и снегом, с сырыми ногами, стоять вечно или, по крайней мере, до прихода бородатых, страшных людей, готовых убить тебя в этих камнях неизвестно за что.

— Быстрее бы кончилась ночь, быстрее бы смена, — шептал Касев посиневшими губами. Но ночь всё длилась, покрывая непроглядной пеленой чужие, враждебные горы. И до окончания пытки бессонницей, холодом и страхом было бесконечно далеко. Сознание к концу смены тупело: ни воспоминаний, ни мыслей, только одно всепоглощающее желание залечь куда-нибудь в тепло.

Наконец смена наступала. Но и тогда полного облегчения не приходило. Вместо того чтобы растолкать людей и упасть на дощатые нары, надо было под присмотром сержанта разрядить оружие, смазать его, дожидаться, пока откроют пирамиду, чтобы поставить туда автомат, потом проглотить невкусный и пресный ужин, помыть котелок, выслушать боевой расчёт... И всё это в отблесках копилки, давящем полумраке и при непроходящем чувстве усталости. Потом, при плохом раскладе, по команде сержанта предстояло идти за водой или дровами, что-то убирать или подметать. И тратилось на это не какое-то, а драгоценное время личного отдыха.

В такие часы в Касеве просыпалась тупая злоба. И отступала она лишь в те минуты, когда, не снимая ни сапог, ни зимних брюк, он падал на топчан, проваливаясь в забытье.

Ни выспаться, ни толком прийти в себя он не успевал — его будили, заставляли что-то делать, но голова была словно налита свинцом, руки-ноги не слушались, хотелось одного — спать, спать и спать. Но вместо этого он снова оказывался на посту, и снова всё повторялось: холода, тьма, сырость, усталость...

Продолжение следует.

Виктор ЛОСЕВ

ПУЛЯ ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

Рассказ-быль

У депутата Государственной думы генерал-полковника Аркадия Баскаева среди сувениров лежит сплюснутая пуля, которую он вытащил из стены после того, как чеченский снайпер промахнулся, пробив лишь генеральскую фуражку. Сопровождавшие Баскаева офицеры говорили, что коменданта Чечни спас случай: в тот миг он чихнул, наклонился, и пуля, только чиркнув по коже, вошла в стену. Однако тому случаю есть и другое объяснение...

СНАЙПЕРА звали Анвар. Он третьи сутки неподвижно лежал на втором этаже разрушенного и сторевавшего здания, прикрывшись обломками растрескавшейся штукатурки, изредка напрягая мышцы на руках и ногах, чтобы ощутить тело, занемевшее от неподвижности.

Анвар знал, что в двух домах напротив оборудовали свои позиции русские снайперы, охотившиеся за такими, как он, чеченскими бойцами. Он понимал, что стоит ему неловко пошевелиться и выдать себя, как тут же упадёт на мушку. Но он не шевелился, бесстрастно наблюдал, как очередной сухой выстрел внезапно останавливал бег чьей-то жизни.

Анвар мог бы снять любого из этих снайперов, как он понимал, просто метких мальчишек, которым доверили винтовки, не научив как следует маскироваться, не выработав у них терпение, без которого не может быть настоящего снайпера. Да он и сам когда-то, в другой жизни, был таким же самоуверенным и горячим, не сразу его тело привыкло подчиняться воле, выпадать из ощущений и звуков, дожидаясь единственного мгновения, когда ему нужно было опередить в движении такого же, смотрящего на тебя через окуляр, человека.

Но Анвар даже мысленно не отвлекался на этих сопляков, радующихся каждому удачному выстрелу так, что рисковали уйти к своему Богу с улыбкой на губах, так и не поняв, что с ними произошло. Его задача была одна: выследить и убить генерала, который обязательно должен был появиться в доме напротив. В этом доме русские оборудовали наблюдательный пункт, и генерал, которого они называли комендантом Чечни, обязательно должен был появиться здесь хоть раз. Анвар назначен был сделать так, чтобы второго раза не было.

Солнце медленно выкатывало из-за гор, беззвучно повисало в голубой дымке, бесстрастно разглядывая разрушенный город Грозный, его чёрные здания с проломленными стенами и пустыми глазами окон, заваленные хламом улицы и легкие тени редких жителей,

испытанно бросающихся под защиту обломков этих домов при каждой автоматной очереди или орудийном вздохе.

Русские бились за свой русский город Грозный с чеченцами, вошедшими в чеченский город Грозный, чтобы выгнать русских оттуда, как когда-то давно, поколение назад, русские выгнали чеченцев в далёкую, незнакомую и враждебную им казахстанскую степь.

Анвар лежал под палящим солнцем, и над ним голубело открытое небо, — ведь три стены, сохранившиеся после прямого попадания бомбы, никак не прикрывали его от неспадных лучей. Он очень хотел пить, и фляга была под рукой, но дотемна не мог позволить себе приподнять её, чтобы не привлечь внимания русских наблюдателей и снайперов из дома напротив.

Иногда терпение его кончалось, и ярость закипала в нём обрывками русского и чеченского мата. Он беззвучно проклинал и русских, и это солнце, и Басая, который послал его под пули снайперов. Особенно ненавидел он Басая, главного среди чеченов, которых он встретил, оказавшись в плену.

Басай был широкоплеч, коренаст, чёрная борода, казалось, закрывала всё лицо, кроме чёрных же глаз и носа, всегда потного и на вид липкого, с толстыми, шевелившимися при дыхании ноздрями.

— Ты хотел обмануть свой народ? — лениво выталкивал слова Басай, сверля Анвара чёрными буравчиками всегда расширенных, как у наркомана, зрачков. — Ты хотел обмануть Аллаха? Ты и меня хотел обмануть? По закону шарията ты предатель своего народа и заслужил свою смерть, — бесстрастно говорил Басай, изредка сплевывая попадавший в рот длинный волос неровно подстриженных усов.

Анвар со связанными за спиной руками стоял перед ним на коленях, удерживаемый двумя рослыми бородачами, от которых несло прокисшим сыром, чесноком и ещё чем-то кроваво-нутряным, словно они только что разделявали барана.

Его, вчера ещё солдата милицейского батальона, чеченцы только что выволокли из-под обвалившегося киоска, где Анвар и облюбовал себе снайперскую позицию. По киоску ударили из безоткатного орудия свои же, и Анвар стал пленником.

— Ты почему служил русским? Почему убивал мусульман? — бубнил Басай.

— Меня призвали в армию на срочную, как всех, — выдавил Анвар, трудно ворочая засохшим, деревянным языком. И тут же стоявший сзади бородач со всего маху двинул его прикладом в затылок. Анвар рухнул лицом на бетонный пол бункера.

— Не говори, пока тебе на прикажут, русская собака! — ощерился бородач, снова поднимая приклад над головой Анвара.

— Подожди, мы ещё успеем его убить, — остановил его Басай. — Он хоть и предатель, но чеченец. Пускай сам выберет себе смерть. Мы позволим ему искупить

СТОЯЛА глубокая ночь, когда Анвар пришёл в себя. В бункере по-прежнему горел тусклый свет и сновали, переговариваясь, бородастые неулыбчивые люди, не обращавшие на пленных никакого внимания.

Анвар пытался переменить позу, но жёсткая боль в голове парализовала движения, и только сдавленный стон просочился сквозь наполненный уже загустевшей кровью рот.

— Что, браток, тяжело? — услышал он шёпот лежащего вплотную к нему солдата, как оказалось, курного и белокрысого.

— Руки, руки у меня занемели, — с трудом проговорил Анвар, не ожидая ни помощи, ни сочувствия. Сосед, однако, заглянул ему за спину и чуть присвистнул:

— Да они ж у тебя синие и толстые, как баклажаны. Вот-вот отвалятся. Дай-ка я попробую верёвку ослабить.

Он долго пытался, пытаясь развязать мастерски затянутый узел, но тот не поддавался.

— Постояй, я его сейчас зубами, прошептал белокрысый, пододвигаясь ближе. Но, видимо, это шевеление заметили в противоположном углу, где стояли столы и диваны и размещалось что-то похуже штаб Басая.

Один из бородачей неспешно поднялся и подошёл к ним.

Белокрысый солдатик только-только вцепился зубами в верёвку, опутавшую запястья Анвара.

Бородач внимательно посмотрел на застывшего в нерешительности солдата, всё понял, сощурился, наклонился к пленнику, одним рывком достал откуда-то армейский нож и срезал сначала верёвку с запястий Анвара, а потом так же неспешно повернулся к белокрысому и полоснул его лезвием по голу.

Анвар запомнил навсегда удивлённые голубые глаза, вмиг ставшие чёрными от предчувствия смерти. Кровь толчками выплескивалась из рассечённого горла, с хрипом уносил жизнь чело века.

— Так будет и с тобой, если вздумашь помогать неверным, — строго сказал бородач, слегка пнув Анвара ногой.

На следующее утро его снова привели к Басая.

— Ты, мусульманин, предавший свою веру и свой народ, не вправе называться чеченцем, — начал он медленно своим монотонным голосом. — Я смотрел твою солдатскую книжку. Ты снайпер. Я не спрашивая тебя, сколько земляков погибло от твоих руки, но, Аллах свидетель, это нельзя простить. Однако тебе повезло, ты можешь искупить свою вину, если не перед Аллахом, то перед народом, который ты предал. Ты пойдёшь и убьёшь генерала, которого Москва назначила командантом Чечни. Командантом Чечни был и буду я! А этот русский должен умереть. Понял? Мои бойцы не знают его в лицо, эти русские генералы сейчас не носят лампасы, их не отличить от рядовых солдат. Но ты его знаешь: вот твоя фотогра-

фия. Это он вручает тебе грамоту. Ты его убьёшь или умрёшь позорной для правоверного смертью, и весь твой род ответит за твоё предательство. Я всё сказал. Аллах акбар!

Басай не сводил немигающих глаз с Анвара, потом отвернулся к своим бойцам и добавил так же бесстрастно:

— Присмотрите за ним, покормите хорошо, дайте снайперскую винтовку и проверьте, такой ли он мастер стрелять, как написано в его грамоте. Да приставьте к нему Магомеда. Если этот щенок промахнётся, Магомед должен совершить суд Аллаха над предателем.

ЦЕЛЮЮ неделю Анвар отдыхал, залечивал болячки на окраине села в тридцати километрах от Грозного под присмотром Магомеда — неразговорчивого и ленивого боевика. Село тоже было почти всё разрушено снарядами и бомбами. Но дом, в котором они остановились, оказался приспособлен для обороны и соединён с другими строениями ходами сообщения, вырытыми под землёй. Именно туда они скрывались с охранником всякий раз, когда в небе появлялся самолёт или вертолёт русских.

Раны Анвара заживали быстро. Пальцы на руках хоть и отливали синевой, но опухоль спала, и они шевелились вполне сносно.

Анвар всё время думал о том, что ему предстояло совершить.

Ещё десять дней назад он, чеченец, вступил в бой с боевиками, свой первый и, кажется, последний бой. Тогда он был уверен, что должен бить бандитов, а сейчас всё больше боялся признаться себе, что Басай в чём-то тоже прав, воюя за свою землю.

Впрочем, Анвар мало задумывался над тем, что он по национальности. Да, его отец, как все чеченцы, ещё в детстве был выслан в Казахстан, где и погиб. Анвар воспитывался в русском детском доме и почти забыл чеченский язык, не знал родственников, потерявших его из виду, посчитавших, наверное, что и он погиб где-то в бескрайних казахских степях.

Но когда он вышел из детского дома, кровь предков позвала его в горы, где хотел найти родных и обрести судьбу. Однако мечта не сбылась. Он долго мотался по России, пока, наконец, его не призвали в армию.

Там он впервые увидел генерала. Это был тот самый генерал, которого он должен убить. Собственно, Анвар видел его дважды.

Первый раз — совсем зелёным, только что пришедшим в милицейскую роту. Там “деды” хотели наказать Анвара за непослушание: он отказался стирать робы “стариков”.

Ночью его подняли с постели и привели к умывальникам. Там уже стоял человек шесть “стариков”, сосредоточенно смолвивших сигареты и готовых к очередному “уроку обуздания строптивых”. Что это такое, Анвар уже был наслышан. “Старики” всегда налетали скопом и били нещадно. Но он решил лучше умереть, чем поддаться этим засранцам, вся доблесть которых только в том, что они прослужили на год больше и сблизил в коду. Как будто пять лет детдомовских не засчитывались ему за десять армейских! А ведь зря эти “учителя” не взяли в расчёт такой простой истины. Потому и просчитались: сломанная челюсть, расплюснутый нос и разорванная мошонка — вот за что Анвар попал в руки следователя-майора, отчего-то сразу поверившего в то, что Анвар без вся-

кого повода нанёс тяжкие телесные повреждения опытному сослуживцам, которые хотели помочь ему в овладении боевым мастерством...

Наверное, Анвар загремел бы в дисбат года на три — так бывало уже не раз, когда группа берёт в оборот одного, но тут приехал генерал с комиссией и приказал привести к нему буяна.

Генерал был сердит и недружелюбен, как показалось Анвару.

— Рассказывай, сынок, за что покалечил сослуживцев, — потребовал он.

Это давно не слышанное Анваром слово “сынок” как-то растопило в нём весь лёд недоверия, размягчило и парализовало способность упрямиться.

“Чёрт его побери, этого генерала! Как будто он не знает, кто виноват на самом деле, — думал Анвар, едва сдерживая слезы. — Да разве в армии можно добиться правды, особенно если ты рядовой, а перед тобой — генерал?” Но все-таки, собрав волю, чтобы не выдать волнения, ответил:

— Вы же всё знаете. Там же всё записано. Товарищ майор уже всех допросил. — Анвар кивнул на кипу бумаг, которую держал перед собой следователь для доклада генералу.

— Нет уж, расскажи сам, — усмехнулся тот. — И никого не бойся, — кивнул он на толпившихся за спиной офицеров. — Правду говори, не прячься.

— Я не прячусь. Но всё равно мне не поверят: я один, а их много. Они — русские, а я — чеченец, — с вызовом бросил он.

— Ишь ты, он ещё и чеченец! А вот я — осетин, так что я, от этого хуже тебя?

— Вы же генерал, — возразил Анвар.

— Эге, сынок, можно подумать, что я родился в лампах. Поучись-ка да послужи с моё, тогда и ты будешь генералом. А ты ещё и пороку не нюхал, а уже набедакурлил. — Не я первый начал. Только оправдываться и жаловаться не буду.

— Ладно, — сказал генерал, — беседа у нас не получается пока. Но я тебе скажу, сынок, что разберусь во всём строго. Если виноват ты — не обижайся. — Он повернулся к майору и отрывисто бросил: — Раскопайте мне это “дедовское” гнездо до основания, ясно?!

— Ну тебе повезло, что генерал приехал, — сказал Анвару командир отделения, сержант, тот самый, кто вызывал его на ночную “беседу с дедами”. — А то дисбат — это самое плохое. Хуже, если б ты вернулся к нашим “старичкам”.

Потом, уже в другой части, куда Анвара перевели по указанию генерала, он узнал, кого там посадили за дедовщину. Но ни злобы, ни мести не испытывал: он защитил себя и считал это так же естественно, как, скажем, утром сполоснуть лицо водой. Только удивление, что генералу до него дело, осталось: все-таки у генерала тысячи солдат, а вот отличил он его, и Анвар стал думать иногда о генерале как о своём чуть ли не приятеле, с которым можно было и побеседовать мысленно о жизни.

Слова генерала “вот ты поучись и послужи с моё” как-то запали в солдатскую душу, и Анвар иногда думал, что и действительно неплохо бы и поучиться, и послужить: он привык уже к многолюдным коллективам, и вообще армия была ему по сердцу.

ВТОРОЙ раз он встретился с генералом уже через год на первенстве округа по стрельбе. Там Анвар

Об авторе

Виктор Николаевич ЛОСЕВ три с лишним десятилетия посвятил службе во внутренних войсках, полковник в отставке. Последние пятнадцать лет трудился в нашем журнале, возглавлял отдел боевой службы — по тем временам наиважнейший, ведущий творческий отдел. Его замечательные очерки о делах и людях войск до сих пор являются нашим читателям со стажем, его проблемные статьи в основе своей не потеряли актуальности и сегодня.

Лосев — натура широкая, творческая. С журналистикой он не порвал и по сей день, а кроме того пишет стихи и прозу. Мы не раз знакомили читателей с его произведениями.

В нынешнем сентябре Виктору Николаевичу исполняется 70. От души поздравляем своего боевого товарища с юбилеем. А своих читателей знакомим с его новым рассказом, основанном на подлинных событиях из жизни войск.

свою ошибку, пред тем как он предстанет перед Аллахом. Поднимите мальчишку, — приказал он своим бойцам.

Те же двое живо наклонились к Анвару и бесцеремонно вздернули его за скрученные руки.

Анвар силился разглядеть своих мучителей сквозь щёлки глаз, запылавших от синяков и кровоподтёков, но тщетно. Он сейчас не испытывал никакой боли, просто в ушах ревел реактивный двигатель на форсаже и из глубин тела рвалась наружу прогоркшая жижка, и самое главное, казалось ему, было сейчас сдержать эту неотвратимую рвоту.

Кто-то плеснул ему в лицо водой из ведра, и Анвар ощутил наконец свое тело.

— Я не виноват, что меня призвали в армию. Всех призывают, — упрямо повторил он, со страхом и безразличием ожидая нового удара. И снова — словно граната разорвалась перед глазами и потух свет тусклых лампочек в бункере. Нестерпимый звон в ушах медленно удалялся, пока не смолк: Анвар потерял сознание.

— Отключился, свинья, — с ухмылкой сплюнул бородач, дважды огревший Анвара прикладом. — Пусть отдохнёт.

Боевики оттащили Анвара в дальний угол, где уже лежали несколько русских солдат, которых так же, как и его, захватили в последних ночных боях за город.

неожиданно для себя выбил почти невозможные пятьсот семьдесят шесть очков, обогнав двух призёров чемпионата России и нескольких мастеров спорта по стрельбе.

Генерал, вручавший награды (кстати, Анвар получил тогда ту самую грамоту, с которой не расстался и которая попала в руки Басая вместе с его документами), узнал его сразу и улыбнулся, как желанному другу.

— Ага, — сказал он, — так вот ты каков оказался, драчун! Ну проси что хочешь. В отпуск тебя отправить, что ли?

Анвару в отпуск было ехать некуда, но то, что его помнил генерал после единственной встречи, к тому же не по самому приятному поводу для обоих, опять тронуло сердце:

— Нет, товарищ генерал. Не надо отпуск. Хочу дома учиться, на Кавказе.

— Кавказ большой. Я сам с Кавказа, а вот служу в Москве.

— Хочется на Кавказ.

Генерал призадумался:

— Ладно. Не в моей это власти, но помогу я тебе, обещаю.

И через месяц Анвара откомандировали в такую же милиционерскую часть в Нальчик. А через два месяца началась эта война, в которой он сначала должен был убивать своих соплеменников, а вот сейчас тех, с кем укрывался одним бушлатом и с кем ел одну кашу.

Но он и в чёрном сне не мог увидеть, что первым ему заданием в плену будет приказ Басая убить генерала. Его генерала. Он ещё помнил, как генерал сказал ему: "Дослуживай, сынок, здесь, а потом я тебя в училище отправлю, офицером станешь". Если бы Анвар послушался совета генерала, он, возможно, не попал бы в этот кошмар, из которого не видел теперь никакого выхода.

Вот о чём думал он эти два дня, разглагольствуя звание напротив, где изредка поблескивали окуляры биноклей, и он отчетливо видел лица офицеров, тревожно, а то и с опаской вглядывающихся в разрушенный город.

Анвар иногда охватывало пьянящее и озорное чувство, что вот сейчас он нажмёт на спуск, и эти самоуверенные люди, которые порой вызывали у него неизъяснимое почтение, вдруг потеряют свою уверенность, забудут о чинах и орденах, спасаясь от невидимой им смерти. Но он быстро остывал, понимая, что в ответ тут же забухают гранатомёты и ему уже не выбраться из-под развалин. А ещё ему не хотелось думать, что притаившийся за спиной Магомед не зря не спускает с него глаз, и отказывался верить, что Басай все-таки простит ему прошлое. Ему всё равно уготована смерть от своих, что есть теперь своих, на своей так не вовремя обретенной родине.

АНВАР не зря подозревал, что Магомед не просто прикрывает его: Басай действительно приказал тому убрать солдата после первого же выстрела, независимо от того, точным он окажется или нет. Но если б Анвар и знал об этом, в его судьбе ничего бы не изменилось. Она катилась сейчас сама по себе, не поддаваясь никаким его усилиям что-то поправить.

Анвар обречённо и терпеливо ждал своего генерала. Он так устал от ожидания, что когда генерал действительно появился в окне, чуть высунувшись и поправляя стереотрубу, не сразу и узнал его, а узнав, вздрогнул: понял наконец, что его час пришёл.

Снайпер поднял винтовку. Прицел приблизил лицо генерала, и у Анвара даже повлажнело под бровью, притиснутой к окуляру.

Это был его генерал. Тот самый, который спас его от позора и унижений дисбата в начале службы и который совсем недавно помог ему осуществить самую желанную мечту — попасть на родину, где, к несчастью, он должен будет погибнуть, так и не поняв, что это такое — Родина.

Теперь его генерал — просто мишень, и он не должен думать о нём как о человеке, иначе рука может дрогнуть. Он должен помнить слова Басая: "Все русские — враги чеченцев и потому должны быть убиты. Так уж устроен мир, так было во все века: правоверные должны убивать неверных, если хотят выжить. Если ты, Анвар, не убьёшь этого генерала, его солдаты всё равно убьют тебя как предателя и пособника врагу".

Анвар совсем запутался в своих сомнениях и хотел только одного: быстрее закончить с поручением, чтобы уже хоть как-то определиться между своими и чужими.

Он взгляделся в лицо своей жертвы: спокойные не то серые, не то зелёные большие глаза, характерный кавказский нос. С таким лицом, отпусти он бороду, генерал вполне мог бы сойти и за чеченца. Но ничего враждебного и грозного не читал Анвар в этом лице.

"Пусть он посмотрит в небо хоть раз, и, прости меня, Аллах, я выстрелю", — подумал Анвар, едва сдерживая вырвавшееся откуда-то рыдание, кольнувшее плотно прижатую к плечу винтовку. Наверное, это заметил Магомед и настороженно кланцнул затвором. Но Анвару он был сейчас безразличен. Он всматривался в лицо генерала, повдигающего окулярами стереотрубы.

Однажды его стеклом нацелилось прямо на Анвара, и ему показалось, что генерал увидел его и даже узнал, потому что на миг застыл его взгляд на снайперской винтовке и прицеле, направленном прямо на него. Анвару даже показалось, что генерал взглянул с какой-то укоризной, словно хотел сказать: "Ну что же ты, сынок, опять поступаешь неверно? На того ли ты поднимаешь оружие, там ли видишь врага, понял ли, с кем тебе жить по-людски?"

Анвар ощутил, что пелена то ли от слезы, то ли от пота наполнила и мешает ему целиться наверняка. А Магомед, почувствовав, что он тянет с выстрелом, зашипел сзади: "Давай мочи!" А лицо генерала меж тем по-детски сморщилось, он резко поднял голову вверх и так же резко опустил, освобождаясь от засвербевшей в носу пыли.

Никто из окружающих генерала не услышал сухого выстрела снайпера, никто и не понял, отчего с генеральской головы слетела фуражка...

Всё понял и увидел один Анвар. Когда его палец на спусковом крючке прошел уже половину пути — а Анвар чувствовал этот холостой ход до микрона — и волевым лицом генерала вдруг стало по-детски добродушным, что-то заклинило в душе Анвара и он чуть-чуть приподнял ствол винтовки. Чуть-чуть, которые и отделяют порой нашу жизнь от смерти.

Пуля, предназначенная для генерала, вошла в стенку за его спиной и осталась в ней, сделавшись безопасным комочком сплюснутого металла.

Пуля из автомата Магомеда вошла в затылок Анвара разъярённым вулканом и потерялась среди хлама разбитого дома. Да её никто и не искал, когда сопровождающие генерала ворвались на позицию снайпера.

Пуля Анвара и сейчас хранится у Басая, и никому не ведомо, что спасло ему жизнь: нераскрывшаяся любовь к нему солдата или слепой чих.

Одному Магомеду было известно, что Анвар дрогнул, и об этом он хотел сказать Басая. Но не сказал: его убило

Я ВСЮ ПРОШЁЛ ВОЕННУЮ ДОРОГУ...

Многие годы, вплоть до своей кончины с нашим журналом сотрудничал выдающийся русский советский поэт Виктор Иванович КОЧЕТКОВ (1923-2001).

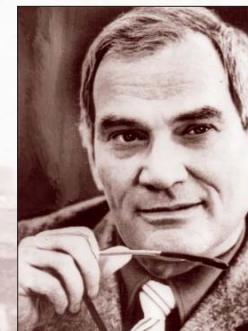
Это был не только щедро одарённый от природы человек, но и человек героической, трудной судьбы. Он родился и вырос в деревне Балахоновка Самарской губернии в крестьянской семье. Школу окончил в Башкирии перед самой войной, год учительствовал. В январе 42-го ушёл на фронт. Летом 43-го в бою лейтенант Кочетков получил тяжёлую контузию, чуть не лишился зрения и попал в плен. Бежал. Снова оказался на фронте и в составе 219-й стрелковой дивизии прошёл с боями от Дона до Прута. В молодые годы жил в Молдавии, где окончил Кишинёвский госуниверситет. Затем стоял у истоков журнала "Волга", работал в Московской писательской организации, выпустил полтора десятка поэтических книг, много переводил с языков народов СССР, писал прозу, критические статьи.

Помнитесь, принимая отдел литературы и составив план на ближайший год, я обратился к своему старшему товарищу, заме-

чательному поэту, лауреату Государственной премии РСФСР Н. К. Старшинову: "Кого бы из поэтов фронтового поколения пригласить выступить на страницах журнала?". Ответ прозвучал на удивление быстро: "Виктора Кочеткова. На сегодняшний день он, без сомнения, лучший. Многие в силу возраста или уже пишут слабо, или вообще поиспались. А Виктор Иванович только прибавляет".

В точности этой оценки сотни наших читателей вскоре убедились. А я, поближе познакомившись с Виктором Ивановичем, подружился с этим мудрым человеком. Было приятно, что свои глубокие, полные любви к Отчизне, армии, русскому слову стихи он наряду с "Нашим современником" предлагал и журналу "На боевом посту", непременно с улыбкой говоря: "Это из свежеспечатанных". До сих пор у меня хранятся листы, исписанные им от руки (автографы новых стихотворений, которые не успела ещё перепечатать машинистка)...

Нынешней осенью Виктору Ивановичу исполнилось бы 85. К сожалению, его давно уже с нами нет. Как давно нет на прилавках магазинов и его книг. Нынешнее

Виктор КОЧЕТКОВ

время не очень-то разборчиво поступает с поэтами. Часто за духовную пищу выдаётся дешёвый суррогат, а истинные ценности лежат под спудом в ожидании своего часа. Горько, конечно. Но что поделаешь. Вот и объёмная итоговая книга замечательного русского поэта Виктора Кочеткова вышла не на родине, в Поволжье, не в Москве, где им прожиты долгие годы, а в Молдавии. Видимо, там среди наших соотечественников сегодня меньше Иванов, не помнящих родства...

Полковник Евгений АРТИХОВ,
член Союза писателей России

* * *

Всё продано, предано...
Анна Ахматова.

Не всё ещё предано,
не всё ещё продано,
не всё ещё настоящее
пошло с молотка.
Ещё остаётся история Родины,
её золотой и железный века.

Ещё остаются
победы Суворова,
походы Олега и битвы князей.
Ещё не продали
орудия "Авроров"
заморскому спонсору
в личный музей.

Ещё полыхают
рассветные марева
над солнечным храмом
на речке Нерли.
Ещё существуют

курганы Мамаевы,
твердыни родной
непродажной земли.

Ещё никакой
новоявленный медиум
стереть не сумеет,
чем жила вчера.
Ещё остаются
нетленным наследием
крутые и гордые годы Петра.

Ещё не забыты
объятия братские.
Ещё не угасли святые мечты.
Ещё по весне
на могилы солдатские
кладут полевые живые цветы.

Ещё вечера оглашают осенние
старинные песни в заулках села.
Ещё не заглохла
дорога к Есенину,
дорога к Некрасову не заросла.

По бросовым ценам
не всё ещё спущено.
Листаем пока
не чужой календарь.
За лёгкой крылаткой
бессмертного Пушкина
ещё открывается русская даль.

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ

Он стоял перед нами
на мокром плацу
в генеральской
немецкой шинели,
и улыбка лениво ползла по лицу,
как у девки с берлинской панели.

А за ним были оберст
со стеклом в руке,
капитан со значком ветерана,
и ефрейтор

с овчаркою на поводке,
и четыре солдата охраны.

За колючей оградой
царствовал май,
полдень был непростительно
ярок.

Генеральская речь
походила на лай,
словно был он одной из овчарок.

Не в морщинах лицо
я запомнил тогда.
Сапоги его жеские блестящие,
И чужие слова

“Господа, господа...”
Изо рта, словно пули, летели.

– С нами фюрер! –
кричал, поправляя очки
Волосатой рукой тонкопалой.
И сквозь толстые стёкла
тускнели зрачки,
Как две лужицы в наледи талой.

– Я свободу несусь, я Россию спасу
из чекистского
страшного мрака!
– Продающий страну
угодится псу, –
прошептал мне сосед по бараку.

Могли знать я тогда,
что наступит пора –
и пора эта не за горюю, –
когда будут оравой лакеи пера
перебежчиков двигаться в герои...

ИЮЛЬ 45-ГО ГОДА

Вчерашней газетой
с портретом вождя
от глаз любопытных
прикрыто окошко.
Глазами испуганными поводья,
глядит из запячья
ангорская кошка.

И я, непривычный
к церковным словам,
ещё не остывший
от яростной битвы,
стою за священником,
руки не швал,
и слушаю пение
странной молитвы.

И плачет, и крестится
истово мать,
и слышится шёпот
сестрёнки и брата.
И всё это –

надо теперь понимать –
вершится в ночи
во спасенье солдата.

В подсвечнике медном
мигает свеча,
исходит кадилница
струйками дыма,
и тусклою бронзой
мерцает парча
на вытертой рясе
отца Никодима.

И словно бы кто-то
мне строго велел
подумать под этот напев
монотонный,
что чудо свершилось и я уцелел
на этой войне,
где легли миллионы.

Бои, и окопы, и плен позади.
– Я выжил, я выжил, –
опять повторяю.
Но что же так сжимается
сердце в груди,
как будто заветное
что-то теряю.

И горько шепчу:
– Пронесло! Пронесло!
Неужто судьба моя
отбедовала?
Как будто швырнуло меня,
как вестю,
на берег морской
из девятого вала.

Видать, перестало кружить
вороньё
над далгой моей
фронтальной дорогой,
и мать отмечает спасенье моё
секретно службой
в землянке убогой.

Луна за тяжёлые тучи зашла.
На близнем мосту
грохочет подвода.
Уснувший посёлок.
Полночная мгла.
Дождливый шаль
сорок пятого года.

ЗАПАХИ ЗЕМЛИ

В полной мгле,
когда ползёшь в разведке,
сухой сусличок копка в горсти,
прикосновенье стебелька
иль ветки
до основания может потрясти.

Дрожит проберёт
до самой сердцевины,
и только зубы сплещутся
мёртво.
Услышишь затанцовую мину
ты каждой клеткой
тела своего.

Намокнет влиж
нагельная рубашка,
рука к гранате кинется сама.
И грозowymi запахами страха
дохнёт в лицо густеющая тьма.

Соображая в лихорадке:
“Где ж ты?” –
увидишь вдруг,
что цель уже близка.
И тонкий-тонкий холодок
надежды
чиркнёт крылом у самого виска.

И стихнет всё.
И вдумчиво и строго
звезда с ночного неба поглядит.
И страх придёт.
И лишь одна тревога
лицо и грудь опять охолодит.

А после схватки
яркою горячей,
когда с другими тащишь языка,
чуть горьковатым
запахам удачи
повет от седого палынка.

И от привычной жизни
отлучённый,
Зайдётся непонятно тоской.
И исполнишь вдруг,
как пахнет хлеб печёный,
Костёр в ночном и поле за рекой.

Я всю прошёл военную дорогу.
О сколько раз мне душу обожгли
надежда, страх,
удача и тревога –
четыре главных запаха земли.

* * *

Не мы судьбу,
судьба нас выбирала.
Был выбор у судьбы-войны
недалгий.
Вот три приметы нашего вчера:
Крестьянский дом
на берегу Урала,
Окоп стрелковый да блиндаж
над Волгой
И обелиск на берегу Днепра.

Публикация Е.М. Рыжиковой

“НЕ СОВСЕМ ТАК...”

ПОМНИТСЯ, ещё во время
Дзержинского слышал я такую историю: после коллективного просмотра художественного фильма “Александр Пархоменко” какой-то солдатик заявил сослуживцам: мол, крупно поднаварили тут сценарист с режиссёром. Не таков на самом деле был батка Махно, и не совсем так сложилась его судьба. Реплика эта дошла до особого отдела. Там вскоре выяснили, что принадлежит она... дальнему родственнику батьки. Каким образом он попал в элитную дивизию, это уже другой вопрос. Но тогда буквально в считанные часы его перевели в другое соединение...

Быль это или очередная легенда, которых немало накоплено в среде дзержинцев, утверждать не берусь: за что купил, как говорится, за то и продал. Однако сам факт примечателен. И не случайно вспомнился он мне, когда увидел на магазинном прилавке книгу В.Я. Голованова “Нестор Махно” – очередную в серии ЖЗЛ. Это сегодня в нашем сознании Нестор Иванович Махно полуроманическая, полуправдивая фигура из киношного боевика, посвящённого Гражданской войне. В энциклопедиях и словарях сталинско-брежневских времён о нём сказано чётко: “один из главнейших мелкобуржуазной контрреволюции на Украине”, “махровский анархист”, “матёрый бандит”.

А ведь начинал он как революционер и всю жизнь считал себя таковым. Революция 1905 года подтолкнула Нестора Михненко (такова его настоящая фамилия) не только в стан анархистов, выше всего ставивших народную волю, но и к открытому террору. За ограбление почтовой кареты и убийство полицейского пристава только малолетство спасло его от смертной казни. Из 20 лет каторги он без малого половину протомился на Акатуе, а после неудачного побега – в Бутырках. Благодаря Февральской революции он вышел на свободу, вернулся на родину, в Гуляйполе, где его, как видного революционера и политзаключённого, земляки избрали председателем местного крестьянского союза. Затем он стал первым председателем Гуляйпольского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а в августе

17-го, во время подавления корниловского мятежа, возглавил комитет спасения революции.

Уже 25 сентября 1917 года, не дожидаясь никакой Октябрьской революции, Махно подписал декрет о национализации всей земли в уезде и разделе её между крестьянами.

Нет, далеко не прост был Нестор Иванович. После Брестского мира, по которому Украина отошла к Германии, он пробрался в Москву, встретился с Лениным и Дзержинским, получил от них рекомендации начинать партизанскую войну на оккупированных территориях. И батка приступил к борьбе. Его простые лозунги привлекали крестьян под чёрные знамёна с надписями “Свобода или смерть!”. Летом в армии Махно насчитывалось уже 55 тысяч штыков. Он сражался и против немцев, и против Петлюры, и против Деникина. Именно его изобретением стала знаменитая тачанка. Одно время “комбриг батка Махно” выступал вместе с Красной Армией и за взятие Мариуполя в марте 19-го стал кавалером ордена Красного Знамени с порядковым номером 4.

Однако такое сотрудничество долго продолжаться не могло. Москва не прекращала попыток установить повсеместно “истинную” советскую власть. А на свою территорию махновцы не пускали ни комиссаров, ни комбеды, ни продотряды. Вольные беспартийные Советы, созданные баткой, шли за ним. В одной из телеграмм в РВС Республики Махно заявлял: “Я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия в лице ваших комиссаров и чрезвычайцев, творящих произвол над местным населением”. Он считал, что московское правительство и сама партия Ленина состоят из контрреволюционеров, захвативших власть обманом и ведущих революцию по ложному пути к гибели.

Махно не поддержал и поход Красной Армии против Польши, а когда, по сути, сорвал сбор продналога на Украине, решительно настроенный Л. Троцкий поставил вопрос ребром: “С анархо-кулацким развратом пора кончать”.

При взятии Перекопа войска Махно были брошены на самый тя-

жёлый участок – они в лоб брали Турецкий вал – и были почти полностью перебиты. Уцелевшие в боях с белыми командиры (за исключением командовавшего конницей крестьянина Марченко, которому с двумя сотнями сабель удалось уйти обратно через Перекоп) арестованы и расстреляны красными. Сам Махно, ничего не знавший о санкционированном эту бойню приказе М. Фрунзе, лежал тяжело раненный в голову в Старобельске (всего за четыре года Гражданской войны он был ранен 12 раз). Лишь чудом Нестор Иванович ушёл от расправы.

Поднявшись на ноги, батка принялся мстить – жестоко, беспощадно, оставляя кровавый след и на Украине, и в России. Вот такого Махно, бандита, душегуба, непримиримого врага советской власти, воюющего с хладнокровием душевнобольного – без страха и без надежды, сохраняла для нас с вами долгие годы история.

Так как же нам сегодня отделить зёрна от плевел?

“То, что я написал, не только биография Нестора Махно, – признаётся в предисловии к своей книге об “обороте Гражданской войны” Василий Голованов. – Это книга об обречённости революционера-романтика, идущего на любые жертвы за народное дело. Поначалу этот образ казался мне привлекательным. Потом выяснилось, что это – образ убийцы, и с этим пришлось смириться, ибо революция – кровавое и страшное дело, в котором меньше всего значат что-либо благие намерения. Все, кто в 1917-1918 годах взял в руки оружие с реше-

мостью пустить его в ход, делали это с сознанием своей исключительной правоты, во благо Родины, во имя человека. Война не оставила камня на камне от этого пафоса. Романтики оказывались кровавыми злодеями, патриоты России – её предателями, добро и зло слились в какой-то невероятный сплав, который и не снился средневековым алхимикам”.

Да, не зря говорится, что дорога в ад вымощена благими намерениями. И тем не менее, хоть идея равенства и свободы привела Махно и его соратников к результатам прямо противоположным, их (да и не только их, достаточно вспомнить Антонова и его крестьянскую войну на Тамбовщине) сопротивление диктаторскому режиму партии Ленина в конечном счёте дало стране отдушину нэпа. Да и большевизму – шанс исправить сложившееся положение, которым он, впрочем, не воспользовался. Руководствуясь утопическим предс-

тавлением о возможности быстрого построения коммунизма, вожди ВКП(б) не только забыли о декларированных революцией политических свободах, но и пошли на создание невиданного по мощи репрессивного аппарата, абсолютизации принуждения в решении экономических проблем. Методы насилия, пустившие глубокие корни в годы Гражданской войны, заставили надолго забыть о самоценности человеческой личности, заменили закон понятием классовой целесообразности, породили целую когорту безнравственных людей, а если точнее – заплочных дел мастеров образца 1937 года.

Трагедия большевиков в том, что они не просто резко сузили социальную базу революции, а просто-напросто победили всех, справедливо замечает Голованов. Как в русской народной сказке, за это право победы они заплатили всем живым, что

было в революционном движении: окаменели сначала по колена, потом по грудь, потом по самую макушку. Самим мозгом окаменели.

Что же касается судьбы батьки Махно, то в августе 1921 года с остатками своей армии он сумел уйти в Румынию. Там он попал в концлагерь, бежал, затем сидел в польской тюрьме, потом перебрался в Париж. С трудом сводил концы с концами и мучился, что оказался на чужбине среди врагов, с которыми воевал в Гражданскую. Здесь он и умер в 1934 году.

Любопытна судьба его семьи. Когда фашистами была занята столица Франции, его вдова, Галина Андреевна, была помещена в концлагерь. После победы вместе с дочерью она возвратилась в СССР, где их обеих уже поджидали сталинские лагеря. Только в 1989 году они были полностью реабилитированы...

ДОСТОЙНЫ УВАЖЕНИЯ ПОТОМКОВ

Не так давно на книжных прилавках промелькнуло (а иное слово тут трудно и подобрать) очередное переиздание мемуаров генерала Павла Анатольевича Судоплатова “Разведка и Кремль”, “Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы”. И вот теперь нашему вниманию издательство “РИПОЛ классик” предложило объемистый том с интригующим названием – “Диверсанты”. Он посвящён отечественной диверсионной и разведывательной школе, которую долгие годы возглавлял Судоплатов, рассказу о самом генерале, являющемся без всякого преувеличения легендарным специалистом в деле тайных операций, и о людях, которые, работая рядом с ним, выполняли задания исключительной важности, повлиявшие на ход самой истории.

Ни одна страна не может существовать без специальных институтов, призванных защищать ее государственные, военные, политические и социальные интересы. В большинстве случаев свою миссию они осуществляют тайно. Наше Отечество не исключение, и его непростая история является ярким тому подтверждением.

Прошлый век оставил нам имена И.Р. Григулевича, А.М. Короткова, В.Г. Фишера (Абеля) и многих других замечательных разведчиков. Все они (в том числе и те, о которых до сих пор еще нельзя говорить) сделали немало такого, что достойно самого глубокого уважения потомков. Не следует забывать и о том, в каких условиях им выпадало служить и бороться. В горниле политической мясорубки сталинского времени бесследно исчезли тысячи патриотов, обвинённых в преступлениях, которых они не совершали. Однако тем выше дух этих людей, кадровых работников спецслужб, которые, лучше других зная о трагических событиях, понимая их подоплёку, продолжали оставаться на своих местах, до последнего вздоха защищать Отечество.

Вот и книга “Диверсанты” – коллективный труд И. Линдера, С. Чуркина и Н. Абина – тем и интересна, что основывается на фактах и документах, многие из которых не были известны даже специалистам, открывает новые страницы в летописи спецслужб. Читателю предстоит соприкоснуться с секретной историей,

погрузиться в атмосферу минувшего столетия, проникнуться его духом, увидеть редкие, ранее не публиковавшиеся фотографии.

Нельзя обойти вниманием и самих авторов этой уникальной книги. Иосиф Борисович Линдер и Николай Николаевич Абин сами долгое время находились на переднем крае тайной войны. В 2006 году стали лауреатами премии ФСБ за лучшее произведение литературы и искусства о деятельности этого уважаемого ведомства. Сергей Александрович Чуркин возглавлял подкомитет Государственной думы РФ по международному военному сотрудничеству.

★
**Полковник
Евгений АРТЮХОВ**